

ВОЙНОЙ ОПАЛЕННЫЕ

1945 -
2000

К63.362.978

B65

-413 84494

Воїнські опа-
нні відео 2000, 12 р.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

З ТМО Т. 3.600.000 З. 3837—89

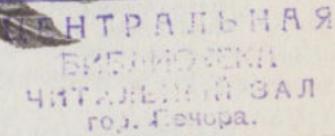
к63.362.248
Б65 - в/з

ВОЙНОЙ ОПАЛЕННЫЕ

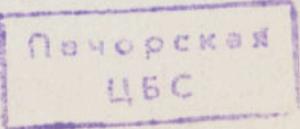
1945-

2000

2000-1945

Печора, 2000

Войной опаленные. — Издательство «Печорское время», 2000. — 208 стр.

Книга «Войной опаленные» написана к 55-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне и посвящена ветеранам войны — печорцам.

Она кратко, в простой и доступной форме знакомит с человеческими судьбами тех, кто по словам поэта, в бой шли не ради славы, а ради жизни на Земле. А потом, уже после Победы, долгие годы восстанавливали народное хозяйство страны, налаживали мирную жизнь.

Книга рассчитана на всех, кому дорога память о героях войны.

© Издательство «Печорское время», 2000 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

55 лет со дня Победы. Победы над врагом вероломным и сильным — гитлеровской Германией.

1941—1945 годы — особые страницы в истории Отечества. Страницы Мужества и Героизма, небывалых жертв и лишений. Страницы беспримерного Подвига на фронтах и в тылу.

Время все дальше отодвигает от нас тот весенний день. Но радостный день Победы вечно останется в памяти страны, в памяти поколений.

Время неумолимо. Среди нас все меньше тех, кто, не жалея живота своего, проявляя бесстрашие, сражался на фронтах Великой Отечественной, а вернувшись с войны, поднимал страну из разрухи. Строил города и поселки, дома и заводы, восстанавливал сельское хозяйство. Еще в год 50-летия Победы в Печоре и Печорском районе ветеранов войны насчитывалось 650. Спустя пять лет — 307.

О пятидесяти пяти из них коротко и бегло рассказывается в этой книге. Почему только о 55? Обо всех не позволяют и объем книги, и финансовые возможности. Однако совет ветеранов и редакционная коллегия рассчитывают на продолжение издания, на появление второй, а потом и третьей части книги.

Как уже заметил читатель, в сборнике под общим заголовком «Помним...» нашли место воспоминания и о тех ветеранах, которые ушли от нас в последние годы.

Предлагаемая книга появилась не только благодаря инициативе совета ветеранов и городской организации жур-

налистов. Увидела она свет благодаря спонсорской помощи небезразличных и неравнодушных к памяти ветеранов, памяти героев войны. Поэтому мы вправе назвать их:

ЛИТВАК Леонид Юрьевич,

генеральный директор ОАО «Печорлеспром»,

ПАНТЕЛЕЕВ Сергей Модестович,

управляющий банком «Таврический»,

КУЛТЫШЕВ Сергей Леонидович,

генеральный директор ОАО «Печорский речной порт»,

БАРМИН Владимир Васильевич,

генеральный директор ОАО «Комиэнергогорстрой»,

АНТОНОВ Николай Иванович,

генеральный директор СП «Парманефть»,

ДМИТРУК Надежда Даниловна, директор ТОО «Нефтяник»,

РАЗДОБУРДИН Евгений Иванович,

начальник депо ст. Печора,

РУМЯНЦЕВ Валерий Павлович,

генеральный директор ОАО «Печоранефть»,

ШАБАНОВ Александр Исаевич,

директор Печорского филиала «Комиаэронаavigation»,

ГУЩИН Александр Владимирович, генеральный директор

АО «СК «Печорское речное пароходство».

Мы благодарны за помощь и всяческое содействие также депутату Госсовета Республики И.Е. Кулакову, главе города А.И. Лобастову, заведующей управлением по социальным вопросам Г.А. Михайлянц, заведующей управлением культуры города Т.В. Тимофеевой и директору МУП «Издательство «Печорское время» Р.А. Глущенко.

Федор ИСТОМИН,

председатель совета ветеранов города и района.

Томас СЕМЯШКИН,

председатель городской организации СЖ России.

Т. ЮРЧЕНКО

О НАГРАДАХ НЕ ДУМАЛ, СТРАХА НЕ ИСПЫТЫВАЛ

Семья Антоновых жила в Москве. Годы становления советской власти после Октябрьской революции проходили в тяжелейших условиях. Страна голодала. Особенно тяжко приходилось горожанам. Поэтому рожать второго сына Екатерина Григорьевна Антонова отправилась к родным в деревню Окороково Одоевского района Тульской области, где в 1920 году и родился Илья Антонов.

Но стать до конца сельским жителем Илье не пришлось. Школу он закончил в Москве и поступил в Московский энергетический институт. Однако получить диплом не успел — началась война. В 1942 году его забрали в армию. Было ему 21 год.

Служить Илье выпало далеко от столицы: в Сибири, в Красноярском крае, на руднике, где добывали молибденовую руду. Он работал машинистом буровой установки. Как многие, рвался на фронт, но его не отпускали. Просьбу об отправке на фронт удовлетворили только в 1944 году.

Вот когда ему пришлось обозреть Россию-матушку, глядя на ее просторы из окон вагонов! С востока его вместе с такими же добровольцами повезли на юг страны — в Среднюю Азию: сначала в Ташкент, потом в Самарканд, затем в Алма-Ату, где в то время формировался учебный полк для подготовки артиллерийских кадров. Там Илья пробыл не больше 2-х месяцев. Их снова погрузи-

ли в вагоны, и эшелон двинулся ближе к границам Польши, до которой они добирались 37 суток. Их 147-й артиллерийско-минометный полк входил в состав 2-го Белорусского фронта.

Илье повезло в том смысле, что ему не пришлось менять части, фронтовых друзей. Их артиллерийский расчет состоял из 8 человек. Антонов числился 2-м номером. «В атаку не ходил, это была не наша работа. Наше дело — стрелять по указанным координатам и попадать в намеченные объекты. Бывало, сами не знаем, куда стреляем, — рассказывал Илья Фролович. — Ночевали всегда в лесу или в поле, чтобы, во-первых, постоянно быть при орудии, а, во-вторых, чтоб никто не знал, где находится расчет».

Войну Илья Фролович закончил рядовым, с орденом Отечественной войны II степени на груди. О наградах не думал, хотя тот случай, когда его пообещали представить к ордену, он помнит до сих пор... Это произошло недалеко от Люблина. Спас майора, тяжело раненого командира части. Когда направляли его в госпиталь, он, открыв глаза, сказал: «Спасибо, браток. Ты заслужил орден, солдат!» Больше майора он не видел. Да и не нашла тогда награда своего героя.

Буквально через несколько дней после этого случая в одном из боев под г. Люблином его сильно контузило: совсем рядом разорвался снаряд. Когда его откопали, он был без сознания. Около 2-х недель Илью держали в госпитале в Люблине. Он медленно приходил в себя. Долгое время вообще не разговаривал. Потом отправили в госпиталь в один из украинских городков, название которого он уже не помнит, затем переправили в Харьков, а уж впоследствии в Москву, поближе к своим. Из госпиталя он вышел весной 1945 года. В его удостоверении участника войны так и осталась надпись: «инвалид I группы». Еще долгие годы пришлось сражаться за жизнь, воевать с недугом, что оставила война.

Но ни о чем не жалеет бывший солдат Илья Антонов. Может, и дожил до 80 лет, потому что научился не бояться жизни, спокойно принимать все ее проявления. Он не помнит, чтобы на войне испытывал чувство страха. Даже мыслей о том, что его могут убить, не было. Он и сегодня производит впечатление спокойного, невозмутимого, уверенного в себе человека. «Никогда не позволял, что-

бы меня унижали. Себя в обиду не давал», — говорит Илья Фролович, и чувствуется, что говорит это не ради красного словца.

После войны исколесил, по его словам, всю Россию, а лучшего места, чем Север, куда он попал в 50-е годы, не нашел. Работал в разных местах республики, но с 1963 года окончательно осел в Печоре. На пенсию уходил из Вышкомонтажного управления с должности начальника отдела. Он не был «кабинетным служащей»: выйдя на заслуженный отдых, не оставил своей привычки помногу ходить пешком. На пенсии перечитал всю классику. Сейчас уделяет этому меньше времени, потому что зрение уже не то.

Пообщавшись с таким человеком и понимаешь: достойной может быть старость только у того, кто прожил достойную жизнь.

Т. СЕМЯШКИН

ТАМ, У ЛЫСОЙ ГОРЫ

Вторую неделю бойцы 33-й горнострелковой бригады сдерживали яростные атаки противника. Лысая гора, что в районе Сегозера, занятая белофиннами и отборными егерскими группами немцев, позволяла противнику полностью просматривать позицию бригады. Кончалась атака, и тут же в дело вступала артиллерия, то и дело над головой появлялись вражеские самолеты. Бомбили, пикировали...

Вот уже десять дней бойцы бригады не знали настоящей передышки. Не знали отдыха и девушки медсанроты во главе с майором Иосифом Абрамовым. Выносили тяжелораненых, делали перевязки. Целыми сутками все на поле боя. На счету Тани Апостолиди уже сотни перевязанных бойцов, более десяти из них вынесла с поля боя.

Юная, с большими глазами и пышными кудрями волос, ее словно и не касалась кутерьма боев. Похудевшая от бессонных ночей и постоянного напряжения, делала санинструкторскую работу: от кочки к кочке, от воронки к воронке с санитарной сумкой за плечами, где ползком, а где перебежками торопилась она на стон, на зов о помощи.

И снова день. Одиннадцатый. Горячий от боя, жаркий от июльского солнца, от работы. Отбив очередную атаку, бойцы пошли в контратаку.

...Метр за метром тащила Таня молодого усатого бойца. Он был в беспамятстве, перебиты ноги. Лишь тихий стон напоминал, что он жив и что жизнь эта зависит от ее расторопности. От того, насколько быстро и осторожно сумеет она дотащить до медпункта роты.

Заново перевязав раненого и сдав его хозяйке санитарной палатки, тут же бросилась в сторону боя. Перевязав очередного раненого, увидела, как мимо выносили на волокуше Дусю Гайкову, медсестру, с которой с первых дней делили фронтовые лишения. Оставив на минуту бойца, бросилась к подруге.

— Отвоевалась я, Танька, — приоткрыв глаза, прошептала Дуся. «Узнала», — подумала Таня. Предательские слезы застилали глаза, поползла к раненому. И тут — страшной силы взрыв. Все кудато поплыло... Очнулась в госпитале. Сама в качестве раненой. А через несколько дней командир бригады вручил ей, еще не окрепшей, медаль «За отвагу».

Татьяна Апостолиди, окончив годичные курсы медсестер в Щельяюре, уходила на фронт в сорок втором из поселка Канин. Уходила добровольцем вместе с Машей Размысловой, с которой рядом пришлось пройти фронтовые дороги, но после Победы так и не пришлось встретиться.

Начав на Карельском фронте, Татьяна Апостолиди прошла с боями до Чехословакии. Победу встретила в городе Пардубица, что под Прагой. Документы из личного архива утверждают: за годы войны только вынесла с поля боя 108 раненых. Спасла их жизнь. За смелость и бесстрашие при спасении бойцов в апрельских боях 1945 года она награждена орденом Красной Звезды.

А после войны? После Победы не сразу вернулась в родное Припечорье. Демобилизовалась только в сентябре сорок пятого. Поработав в Щельяюрской больнице, переехала к брату-речнику в Кожуву. Семнадцать лет трудилась в системе «Заготзерно», потом многие годы — в системе орса речного пароходства.

Интересна родословная Татьяны Константиновны, идущая своими корнями к обруseвшим грекам. Ее отец, Константин Апостолиди, еще до революции бросает вызов судьбе — приезжает в Щельяюр. Здесь женится на ижемке. Сын Андрей, а

потом и его дети тоже становятся речниками. Но все это к слову.

Татьяна Константиновна живет в Печоре. Как участница войны, она в восьмидесятых годах получила однокомнатную квартиру. В городе — дочь и сын со своими семьями, заботами.

Годы берут свое. Возраст и ранения все больше и чаще дают знать о себе. Татьяна Константиновна исключительно скромный человек, мало кто знает ее как отважную участницу былых боев, прошагавшую пол-Европы.

Наград и разных знаков хватает на ее парадном костюме, только вот не любит она облачаться во все парадное. «Нескромно как-то в моем-то возрасте», — оправдывается Т.К. Апостолиди, которой в девяносто девятом исполнилось семьдесят пять.

Ю. ПОЛЯКОВ

АВТОГРАФЫ ВОЙНЫ

Неописуемо красивы весенние зори над Сысолой. Особенно тогда, когда сбросит она с себя ледовый панцирь и, как бы вздохнув свободно, разольет во всю ширь свои серебристые воды и забурлит, с поровом бросая холодные волны на высокий берег у сыктывкарского парка. Любил эти зори молоденький слесарь Иван Ахременко. Часто бывал на берегу реки и не мог равнодушно смотреть на ее тружеников: катера, пароходы, бравых речников. Огласит раскатистым баском прибрежные дали пароход — и екнет у парня сердечко. В мечтах он видел себя капитаном. Сдал в Сыктывкаре вступительные экзамены в Печорский речной техникум и вскоре оказался в Щельяюре, на красивой и широкой реке Печоре, где находилось тогда это учебное заведение.

Упорно осваивал Ваня премудрости профессии судоводителя. Во время навигаций набирался опыта, познавая нелегкий труд речника на пароходах «Восток», «Обь», «Труд». Преуспевал и в военной, и в физической подготовке. В Европе полыхала война, развязанная фашистами, война, смертоносное пламя которой вскоре перекинулось и на нашу Родину. Ваня, провожая на фронт кадровых речников и старших товарищей по техникуму, настойчиво просил военкомовцев, чтобы отправили и его вместе с ними. Но такой день пришел только год спустя, после окончания учебы и получения диплома техника-судоводителя.

Летом 1942 года он уже был далеко от печорских берегов, а по истечении нескольких месяцев по ледовой «Дороге жизни» со своим подразделением связистов был направлен в осажденный Ленинград, на его оборонительные рубежи. Там, начиная с боев на Синявинском стратегическом участке, началась его фронтовая биография.

Связь — это нервы армии. Потеряна связь — значит, потеряны осведомленность, оперативность, возможность своевременного маневра, успешного ведения боя, значит, большие потери, а то и поражение. Все это связисты понимали. Иван Гаврилович не раз смотрел смерти в глаза, восстанавливая связь. В личном архиве ветерана я обратил внимание на одну из пожелтевших страниц дивизионной газеты «В бой за Родину», где в заметке «Есть держать связь!» подробно описано военкором, как в течение длительного боя, под непрерывным пулеметно-минометным огнем Ахременко несколько раз восстанавливал с командным пунктом перебитую проводную связь. За храбрость, проявленную в этом бою, он был награжден медалью «За отвагу». А сколько еще было подобных боев до конца войны! В жестоких схватках с врагом у Пулковских высот сержант Ахременко за проявленные инициативу и храбрость был награжден медалью «За боевые заслуги». А потом перед одним из тяжелых боев был принят в партию.

В январе 1944 года ленинградская блокада была ликвидирована. Наши части все дальше и дальше гнали фашистов на юго-запад. Дивизия, в состав которой входило подразделение Ахременко, развивая стремительное наступление, освободила Красное село и стала называться Красносельской, а за разгром врага под Гатчиной — именоваться еще и Гатчинской. Гитлеровцы яростно сопротивлялись, непрерывно контратакуя. Наши воины проявили чудеса храбрости и героизма, каждый знал свой маневр, проявлял смекалку и инициативу в критические моменты боя. Вот за эти качества в одном из боев под Псковом при форсировании реки Великой Ивану Гавриловичу было присвоено офицерское звание. А потом переброска на Финский фронт. Участие в десанте на кораблях Балтийского флота по штурму и взятию города-крепости Выборга.

В каких бы ситуациях ни оказывалось подразделение Ахременко, оно всегда поддерживало бесперебойную связь. И даже тогда, когда казалось, что сделать это невозможно. Например, во время одного из боев, под сильным артобстрелом и бомбёжкой противника Ахременко со своими бойцами-связистами осуществил вплавь на подручных средствах почти на десятикилометровом участке водного пространства прокладку телефонной линии с «материиком» на один из стратегических островов Финского залива. Многие тогда сложили в этом бою свои головы, но командира и на этот раз смерть обошла стороной. И он, уже с орденом Красной Звезды на гимнастерке, после разгрома и капитуляции финнов шагал с боями по фронтовым дорогам Прибалтики, участвуя в ликвидации отборных частей курляндской группировки фашистов. Потом была Победа. Радостная, долгожданная.

Отсалютовали фронтовики в честь Победы из всех видов лично-го оружия, и еще сильней потянуло их в родные края. Но Ивану Гавриловичу по приказу командования пришлось вплоть до середины 1948 года служить командиром учебного взвода по подготовке сержантов связи. Затем демобилизация. Москва. Направление Минречфлота на кадровую работу в Печорское бассейновое управление пути. С тех пор ветеран войны, офицер запаса И.Г. Ахременко 35 лет отдавал свои знания, опыт и силы важнейшему делу подбора, расстановки и воспитания кадров речников-путейцев. Четыре поколения буповцев знают ветерана и благодарны ему за науку, заботу и доброту.

Да, большой вклад внес Иван Гаврилович в дело освоения нашего богатого, таежного края, в дело развития водных путей бассейна Печоры, которая еще в предвоенные годы после Сысолы и Вычегды поразила его своим величием и красотой. Двадцать правительственные наград за ратный и мирный труд, общественную деятельность имеет И.Г. Ахременко. Но он особенно горд тем, что вписал в летопись героической обороны славного города на Неве свою боевую страницу, и как самые дорогие автографы века хранит медаль «За оборону Ленинграда» и орден Отечественной войны.

Т. СЕМЯШКИН

ЗА БОЙ НА ПОДСТУПАХ К ВЕНЕ...

Алексей Высоких только что вернулся из Усть-Лыжи, где многие годы уже проводит летний период. «Тянет к старым местам. Хотя несколько лет как не беру ружья в руки, бросил рыбалку, но манит деревенская жизнь. Посидеть на завалинке у дома, перекинуться словом со знакомыми и то радость в наши годы», — делится воспоминаниями ветеран.

Слушаю его, а перед глазами послевоенная Колва, куда Алексей Высоких вернулся в сорок пятом. Высокий и стройный, с шапкой золотистых кудрей, боевыми наградами на груди, для нас, тридцати-пятнадцатилетних мальчишек, стал он своего рода кумиром, истинным героем войны. Не со страниц книг и не из рассказов учительницы, а живым героем.

Наблюдая, как с левой руки без промаха разбивает городошные фигуры, как с первого выстрела попадает в подброшенную вверх банку, как без отдыха и без помощи правой руки переплывает Колву и быстрее всех скользит на лыжах, он для нас с каждым днем все больше превращался в героя. В героя, какие только и могут биться и побеждать врага.

Мы знали, что он ранен. Знали, но когда он гонял с нами в лапту, кидал дальше всех «гранату», когда видели, как быстро строчит он левой рукой деловые бумаги, мы забывали об этом. Не знали, что

это было время его духовной и физической борьбы. «Быть инвалидом в девятнадцать лет?» — довольно часто думал юноша. Но желание быть полезным в жизни звало к тренировкам, физическим усилиям над собой.

Наблюдая, с каким проворством он делает левой рукой любую работу, малознакомый человек усомнится: «Левша, наверное, он?» Этот вопрос Алексей Максимович слышал довольно часто. А ответ у него всегда один: «Война заставила... жизнь научила»... А что отвечать? Каждому подробности не раскроешь. Да и ни к чему это.

Словом, знал я Алексея Высоких еще с послевоенных лет. Но с его фронтовой биографией знаком лишь с недавних пор.

...Уже второй год шла война. Ее страшное дыхание доходило и до Хоседа-Харда, небольшого села, затерявшегося на просторах Большеземельской тундры. Доходило скучными строками окружной газеты, письмами с фронта, извещениями о гибели односельчан. Тем, кому было по шестнадцать-семнадцать, снились схватки с врагом, они просились на фронт. В их числе был Алексей Высоких. Отказывали: не подошел возраст. В начале сорок третьего взял да и написал письмо наркому. Молодость, что не сделаешь! Желтенький, полуистлевший листочек — ответ из Москвы: «Ваш год пока не призываем» — и сегодня лежит в бумагах ветерана.

— Но в декабре все же получил повестку. До Нарьян-Мара ехали на оленях, оттуда через Ижму до Ираеля шли пешком. В Котлас прибыли только в феврале сорок четвертого, — вспоминает А.М. Высоких.

Вскоре семнадцатилетний юноша попадает в снайперскую школу. Проходят месяцы, на курсах уже исполнилось ему восемнадцать. «Снайпером же воевать не пришлось, нашли другое дело...» — говорит Алексей Максимович.

В первый бой А.М. Высоких попал только в начале сорок пятого. Но повоевать пришлось, как он сам говорит, «изрядно». В составе десятой ударно-прорывной армии освобождал земли Венгрии и Австрии. Горячие бои за освобождение Будапешта, у озера Балатон, рукопашные схватки с врагом, радость побед и горечь позиционных отступлений — всё испытал молодой воин.

В конце марта самокатная разведрота, в составе которой воевал автоматчик Высоких, получила приказ о взятии небольшого районного городка, что крепким орешком встал на пути к Вене. «Обойти с тыла, напасть и дать сигнал полку, который сразу же поведет лобовое наступление» — была уточнена задача.

«Врага, не ожидавшего нас с тыла, застали врасплох. Это придало решительности роте во главе с молодым лейтенантом, в составе которой было всего 57 бойцов. Жаркий был бой. После освобождения городка и соединения с полком в роте мы насчитали только 13 бойцов, здоровых и раненых. Крепко попало и мне», — рассказывает А.М. Высоких. За героизм в этом бою Алексей был награжден орденом Славы.

А день Победы? Каким он запомнился? Вот что рассказывает ветеран:

— Весть о капитуляции Германии застала меня в госпитале, куда попал после тяжелого ранения 28 марта. Было это в городке Папо, под Веной. Услышав сообщение, мы моментально забыли госпитальные запреты и ограничения. Словно по команде, все, кто только мог двигаться, выбрались на улицу. Радостное волнение охватило и тяжелораненых. Цвели яблони. Городок было просто не узнать. Словно проснулся он от долгой спячки, кругом оживление. Салютовали Победе из пистолетов, кричали «Ура!». Женщины и девушки, старики и дети узнавали в нас советских солдат, дарили цветы, обнимали. Чувствовалась всеобщая радость...

Вспоминая послевоенные годы, бывший фронтовик может с уверенностью сказать, что время прожито неплохо. Четверть века работал в системе связи, сначала начальником Колвинского, а потом Усть-Лыжинского отделений связи. В последние годы до выхода на заслуженный отдых трудился в Печорском авиапредприятии.

Хороших детей вырастили супруги Алексей Максимович и Александр Ильинична Высоких. Нелегко пришлось ветерану войны, получавшему мизерную зарплату начальника почты. Зато все нашли место в жизни, все — нужные людям. Василий — инженер-геолог в Инте, Николай — в системе «Комиэнерго» в Сыктывкаре, Сергей — юрист в Ярославле, дочь работает в Печорском речном училище.

Думая о детях Высоких, вспоминается рассказ Алексея Максимовича о безотцовщине, о том, с какой теплотой он говорил об отце, которого почти не помнит. О нем напоминают ему лишь архивные бумаги да рассказы старших.

А отец его, Максим Гаврилович Высоких, был одним из тех, кто боролся за новую власть на Севере. Он, один из немногих грамотных ненцев среди населения Колвы, закончивший Институт народов Севера, стал передовым бойцом культурной революции среди своего народа. Умер в конце двадцатых при невыясненных обстоятельствах.

Выходит, было сыну кому подражать, с кем советоваться...

...Вот уже двадцать лет, как А.М. Высоких перебрался с семьей в город. Живет в благоустроенной квартире. Но сердце и душа не расстаются с селом. Вот и не порывает он с родными местами.

844794-2

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
гор. Печора.

17

ВОЕВАЛ СВЯЗИСТОМ

Великая Отечественная война для Григория Митрофановича Гриоренко началась с оккупации гитлеровцами родных мест в Луганской области, где он родился, рос и закончил семилетку. Детство оказалось тяжелым. Отец, Митрофан Прокофьевич, работал шахтером в г. Лисичанске и являлся единственным кормильцем семьи, в которой было четверо детей.

— Зачастую мать просто не знала, чем и как поддержать наши силенки. Даже провожая отца на шахту, она заворачивала ему на обед в тряпичку всего по несколько вареных луковок и кусочек хлеба, — грустно вспоминает то горькое, приправленное постоянной нуждой время Г.М. Гриоренко. — Но перед войной стали жить заметно лучше. Хлеба уже досыта наедались. Думали, что если и дальше так пойдет, то о нужде совсем забудем. Однако все оборвалось одним махом. Сначала в небе зловещей тучей появились вражеские самолеты, а почти вслед за ними и немцы. Прятались от них, кто куда мог, чтобы спастись от угона в концлагеря...

Однако оккупация Луганской области по сравнению со всей продолжительностью войны длилась относительно недолго. С освобождением области всех парней, кто сумел спрятаться от немцев и выжить, стали забирать в армию. Пришел черед и Григория. Когда он попал в 3-й отдельный стрелковый запасной полк, кото-

рый формировался в г. Пензе, ему еще не исполнилось и 17 лет. Едва успел пройти курс молодого бойца, как в июне 1943 года приехали строгие представители Министерства правительственнои связи войск МВД СССР за новобранцами. Зачисляли только комсомольцев и с образованием не ниже семи классов.

Так Г. Григоренко после трехмесячных курсов обучения в г. Воронеже оказался в 86-й отдельной кабельно-шестовой роте связи войск МВД для обслуживания командующих фронтами гарантированной во всех отношениях связью с Генеральным штабом по управлению всеми родами войск, а иногда даже с самим Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным.

— В такие минуты неудержимо подмывало хотя бы чуток послушать, о чем они там говорят. Молоды были. Любопытство заедало. Но стоило подсоединиться к кабелю, как тут же в наушниках раздавался грозный и сердитый окрик: «Это кто там хулиганият! Прекращайте свои детские забавы!» Вот какая надежная связь была, — рассказывает бывший фронтовик. — А шестовиками нас называли потому, что во избежание возможных подслушиваний кабель проходил не по земле, а подвешивался на рогатых шестах. Линия круглосуточно зорко охранялась, возникающие повреждения при артобстрелах и бомбежках мгновенно устраивались любой ценой, несмотря на кромешный ад разрывов и визг осколков, проносящихся рядом. Кроме всего, и от диверсантов приходилось отбиваться с оружием в руках, а за плечами еще тяжеленная катушка с кабелем для восстановления поврежденных линий.

И так ежедневно преодолевалось от 12 до 30 километров до самой Чехословакии, где и закончил войну один из рядовых доблестной Советской Армии Г.М. Григоренко, кто самым непосредственным образом причастен к Победе над фашистской Германией.

А вот его отцу до этой долгожданной и радостной минуты дожить не удалось. Он погиб смертью храбрых в Сталинградской битве.

Но и после победы Г.М. Григоренко еще долго оставался за рубежом. Окончив курсы младших командиров, находился в советских войсках связи в Австрии до 1951 года. Ему довелось встречаться с командующими фронтами Р.Я. Малиновским, И.С. Коне-

вым, участвовать в одном из крупнейших сражений минувшей войны под Курском и освобождать Будапешт, о чем свидетельствуют награды за ратную доблесть.

Бывший фронтовик и на мирном поприще зарекомендовал себя трудолюбивым, исполнительным и инициативным человеком. В разное время он работал бурмастером в Воркутинском геологическом управлении, Ненецкой геолого-разведочной экспедиции, старшим инженером по бурению в Средне-Печорской геолого-разведочной партии... Завершил свой трудовой путь начальником отдела материально-технического снабжения бывшей ЮПНГРЭ (ныне акционерное общество «Печорнефтегазразведка»).

Вот и сыновья, Вадим и Сергей, пошли, как говорится, по стопам батьки. Один даже работает в той же экспедиции, которой Григорий Митрофанович отдал многие годы своей жизни, а другой — в хорошо известной компании «Байтек-Силур». У ветерана ВОВ уже четыре孙 и три внучки — самая главная надежда его на светлое будущее.

Н. ФРОЛОВА

ПРОСТО РЯДОВОЙ

Ему уже под восемьдесят. Как и многим тем, кто юность свою отдал защите Отечества, возмужав и закалив свой характер в горниле войны. Но несмотря на возраст, Александр Алексеевич Горбунов отчетливо помнит многие эпизоды своей жизни.

Фронтовая биография ветерана началась в 1941-м. Ранним сентябрьским утром он привычно отправился на рыбалку — впереди ждал напряженный трудовой день. В ту пору было не до отдыха. Хоть и далеко от маленькой припечорской деревушки Васькино гремели бои, но эхо войны слышалось и здесь. Семья Горбуновых, в которой воспитывалось шестеро детей, уже проводила на фронт троих. А на старшего уже пришла похоронка. В тяжелых раздумьях сидел на берегу Печоры 19-летний Александр. Когда вдали показались приближающиеся к нему лошади, не усомнился: по его душу.

Здесь и была вручена ему повестка из военкомата. На сборы ушли считанные часы. Верхом на лошади прибыл в Усть-Усу. В военкомате райцентра собралось около ста таких же, как он, сельских ребят из припечорских деревень. На пароходе, не медля, их отправили в Кожву.

— Моста через Печору еще не было, стоял один железнодорожный бык, — вспоминает А.А. Горбунов. — Заключенных здесь

было много, и жалко их было. Все свои продукты им раздали. Думали, в Котласе заправимся.

Но ребята ошиблись. Котлас, куда прибыли на поезде, уже находился на военном положении, и «затариться» не получилось. Долго потом пришлось питаться капустной водой.

Азы воинской службы А. Горбунов постигал под Архангельском. Более полугода проходил подготовку. Куда отправят — в полном неведении. Да и многое неизвестно в ту пору было деревенскому парню. Грамоты и кругозора маловато. Вот память... Она цепко хранила каждый прожитый день.

...Пятилетним ребенком оказался вместе с родителями на Печоре Александр. С родной Выми на Печору приехали со своими семьями три брата: Алексей, Егор и Александр в надежде выгодно порыбачить да поохотиться в здешних богатых местах. Обосновались в двенадцати километрах от Мутного Материка. Начинали с шалаша. Но в своих силах крепкие, хорошо обученные любому ремеслу братья были уверены. С помощью местных мужиков вскоре в этой глухи выросли добротные по тем временам четыре избы — целое селение. Назвать его надо! Василием звали отца братьев. «Пусть будет Васькино», — дружно решили семьи Горбуновых. Так и существует по сей день в низовьях Печоры эта деревенька, разросшаяся в несколько десятков дворов.

Для нашего героя этот маленький, тихий уголок и сейчас является родным, самым милым и любимым сердцу, хотя и живет он сегодня в благоустроенной квартире в Печоре. Шестеро росли в семье Александра Горбунова. Здравствуют сегодня, к сожалению, лишь двое. У сына Николая, капитана теплохода «Заря-158» Печорского пароходства, и живет сегодня ветеран войны, часто вспоминая родные места и фронтовые годы.

— Никогда не писали обо мне, — говорит ветеран. — Да и не надо. Ничего особенного в биографии нет.

Да. В жизни он всегда был просто рядовым. Как отправили после учебки солдата в 1941-м в Северодвинск в распоряжение особой части политотдела фронта, так рядовым и закончил в 1947-м свою службу. В первые военные годы даже и не знал, что стоит на охране важнейшего для всей страны объекта — будуще-

го пункта строительства и базирования атомных подводных лодок. Но службу свою нес безупречно, о чем говорят воинские награды.

Демобилизовавшись в 1947-м, вернулся А.А. Горбунов в родное Васькино. Работал в существовавшей тогда смолокуренной артели, что добывала смолу, деготь и скипидар, обеспечивая ими крестьян припечорских деревень. Когда отпала необходимость в этом сырье и артель ликвидировали, Александра Алексеевича пригласили в сельпо. Около двадцати лет проработал он продавцом. Это сегодня городскому продавцу легко — стой за прилавком да нажимай на клавиши электронных весов. А в деревнях в ту пору (да и сейчас) приходилось все делать своими руками: мешками, ящиками и бочками ворочать, нехитрую бухгалтерию вести.

...Я слушаю неспешный рассказ ветерана войны и труда, чей жизненный путь отмечен многочисленными наградами, и невольно думаю: сколько же сегодня в стране таких вот простых, рядовых, неприметных, не привыкших «высовываться», но достойно прошедших по жизни людей. Вот он, один из них.

Пока версталась книга, А.А. Горбунов умер.

СЫНА ШАХА БРАЛ В ПЛЕН

К награде его представили в Иране за год до войны. Призвали на срочную в 1940-м из Свердловского горного института. Войсковая часть, где он служил, была введена в Иран. Правда, орден Красной Звезды вручили уже на фронте, в 43-м.

— Сын шаха Пехлеви, в отличие от отца, — рассказывает Геннадий Петрович Дулисов, — восстал против ввода советских войск и с отрядом ушел в горы, оказывая всяческое сопротивление. А по существу они, переодетые в красноармейцев, грабили свой же народ. Это восстанавливали мирных жителей против нас. Была команда выманить его с высот. Как-то в одном из селений разговорились красноармейцы (при формировании полка было призвано много курдов, армян, грузин, внешне очень похожих на иранцев, что осложняло опознание), и поняли, кто есть кто. В перестрелке переодетого в лейтенанта Красной Армии ранили. Остальные разбежались. Раненый и оказался сыном шаха Пехлеви.

А в декабре 41-го в составе 51 зенитно-артиллерийского дивизиона Северо-Кавказского военного округа Г.П. Дулисов десантировался через Керченский пролив в район села Жуковки. Шли вперед до Перекопа-Сиваша, не стреляя. В первый год войны зенитные орудия на передовую не выставлялись, охраняли мосты, дороги. Крещение Дулисов получил в туманное утро на перепра-

ве. Самолеты били бесприцельно. Много погибло солдат. В мае 1942 под Камыш-Буруном батарею разбили, и радиотелеграфист Г.П. Дулисов уже в составе 540 пехотного полка шагал до Вены при штабе. В атаки не ходил, но от этого служба слажче и легче не была. «Немцы стояли в полутора километрах, — рассказывал Геннадий Петрович. — Начнешь работать на ключе — засекают мгновенно и бомбят».

Накрывало не раз. Не один раз выкапывали радиотелеграфистов после артобстрела или бомбейки.

Перебрасывали полк часто. Первыми уходили вперед связисты, за ними войска. Радиотелеграфисты покидали штаб последними. В один из таких дней догонял Г.П. Дулисов с напарником своих. Решили передохнуть на сопочке, покурить. Ни с того ни с сего налетели самолеты, били прицельно и долго. Укрывшись в окопе, не видя вокруг техники и людей, бойцы недоумевали: на кого так остервенело сыпятся бомбы. Спустя время узнали, что недавно здесь стояли наши, их засекли и передали информацию немцам. Вот самолеты и налетели. Рация и тележка с аппаратурой, по счастью, сохранились.

Полыхали в огне Венгрия, Румыния, Болгария, Австрия... В Вене для Г.П. Дулисова закончилась война. Но демобилизовался он лишь в феврале 1946 года из-под Винницы, куда передислоцировали полк. Подался на Урал, откуда его со студенческой скамьи — из Свердловского института — призывали в армию. По направлению треста «Уралчермет» уехал в Казахстан, где руководил буро-выми работами. Затем перебрался в Херсон, Симферополь, учился заочно на юрфаке Одесского университета. С 1975 года — в Печоре. И здесь судьба бросала его из одной отрасли в другую — работал заготовителем, директором ресторана «Спутник». Выйдя на пенсию, искал применение своим силам. Даже уезжал в Усинск — работал в «Бурнефтемашремонте». «Не могу сидеть сложа руки», — смеется он. Много свободного времени отдает творчеству — выпиливает лобзиком фигурки экзотических птиц и зверей, придавая им натуральную окраску. И не молчит сердце человека, прошедшего войну. Активный член совета ветеранов постоянно в беседах с людьми, молодежью. Зачем? «Мне есть с чем сравнивать сегодняшнюю жизнь», — говорит он.

Н. ШАРЫПОВ

ОТ ОРЕНБУРГА ДО ВЕНЫ

Таков фронтовой путь М.В. Ермакова из Кожвы.

Война застала его в Ростове, где учился он в горно-нефтяном техникуме. Закончив его весной сорок второго, тут же направился в военкомат: «Мое место в рядах сражающихся!»

Восемнадцатилетнего Михаила Ермакова призывают, но направляют на Восток. Несколько месяцев учится в Оренбургском пехотном училище. Фронт требует грамотных командиров. После окончания училища младший политрук Ермаков попадает в пекло — на Сталинградский фронт.

Мамаев курган. Ожесточенные бои. Огневой рубеж частей, в составе которых сражается молодой политрук, то и дело переходит из рук в руки. Бойцы во время очередной атаки не выдерживают натиска превосходящих сил противника. Полк, в составе которого оборонялась и рота Ермакова, оказался отброшенным и загнанным на Сарпинские болота. Он распадается на отдельные группировки. Политрук Ермаков с бойцами Бондаревым, Ситниковым, Королевым попадает в окружение. «Давайте выбираться — иначе петли не миновать», — предлагает политрук. Выбираются больше полусуток. Попадают в расположение танковой бригады генерала М.В. Катукова. Бывших окруженцев доставляют в

штаб. Тщательная проверка: кто такие?... Где были окружены?... На каком месте оборонялись?... Зачисляют в часть.

Еще полгода воюет на Сталинградском фронте. Началось наступление. Военный пыл и бравада противника переходят в паническое отступление.

В начале 1943 года Михаил Ермаков уже старший лейтенант. После упорных боев освобождает город Котельников, затем Сельск, Ростов, Азов, Таганрог.

Помнит ветеран бои на Матвеевом кургане. «Очень уж доро- жили немцы господствующей высотой. Не один раз она переходи- ла из рук в руки. На дню атаковали несколько раз, мы же — в основном ночью. Много ребят погибло на кургане. В одной из ночных атак ранило и меня», — рассказывает ветеран.

Два месяца — в госпитале. Дольше не выдержал. Сам себя «выписал». Скрыто от врачей...

После побега из госпиталя добирается до станции Каменец-Шахтинский. Привели его к командиру 37 запасного полка. В январе-феврале полк, в его составе и старший лейтенант Ермаков со своим кавалерийским полуэскадроном, участвует в Корсунь-Шевченковской операции. «Хватило лиха на всех», — вспоминает об этих боях ветеран.

Советские войска гонят противника на Запад. 37-й кавалерий- ской полк в составе 2-го Украинского фронта освобождает право- бережную Украину, форсирует Серет, Быстрицу, Прут...

Чем дальше откатывался противник на Запад, тем сильнее цеп- лялся за оборонительные рубежи, с ожесточением дрался за каж- дую укрепленную линию, за каждый поселок или город, возвы- шенность или мост через реку. Уже в последние месяцы войны то и дело переходили в контрнаступление. И снова вспоминает вете- ран: «У самого порога Будапешта наш полк попал в фашистское кольцо. Более полутора суток продолжался бой. Помогли артил- леристы, прикатив две реактивные системы («Катюши»). Доста- точно было выпустить два залпа, и кольцо врага разомкнулось...»

В одном из наступательных боев в Австрии Михаил Ермаков получает тяжелое ранение. Дорога войны кончается на подступах к Вене.

Долгие месяцы лечения в госпиталях Дебрецена, Плоешти, Одессы, Днепропетровска. Здесь застал его день Победы. Здесь узнал, что за участие в последних боях он награжден орденом Отечественной войны.

Инвалидом второй группы возвращается в родную Ростовскую область. Вспомнив о гражданской специальности, подается на Север. Работает на шахтах Воркуты, обзаводится семьей.

В последние сорок лет живет в Кожве. Работает в СМУ-20, СУ-14. Строит жилые дома, производственные здания, объекты соцкультбыта.

Не оставил Михаил Васильевич Кожву и после выхода на пенсию.

Т. ЮРЧЕНКО

СТАРШИЙ МАТРОС ЕФИМОВ

В 1999 году Михаилу Алексеевичу Ефимову исполнилось 75 лет. Но глядя на его высокую, ладную фигуру, походку, его возраста ему никак не дашь. Слушаешь рассказ о начале войны и думаешь, что 55 лет назад именно из таких деревенских, неизбалованных городским комфортом парней и получались настоящие солдаты.

В 1937 году он закончил 5 классов и совсем рас прощался со школой. Надо было помогать семье, работать в колхозе. Не смотрели, что тебе только 13. Как в пословице: взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Их деревня Дуловско находилась в 35 километрах от Калинина. В начале войны он вместе с мужиками доставлял на подводах продукты фронту, когда бои шли совсем рядом, на подступах к Калинину. Вывозили из деревень лес для постройки взорванного моста через Волгу. Весной занимались посевной, потом уборкой урожая — обычными крестьянскими делами...

Летом 1942 года молодежь начали привлекать к строительству аэродромов, вернее, к первоначальным работам по очистке и выравниванию площадок. Зимой нужно было вывезти на лошадях весь снег с территории, отведенной под аэродром. «Работа была не из легких», — вспоминает Михаил Алексеевич.

Повестка пришла в конце августа 1942 года. Всю ночь от района Кушалино до города шли пешком. Пригородным поездом добрались до столицы, а оттуда 18-летних мальчишек «погрузили» в вагоны и отправили в г. Можгу Удмуртской АССР. Там находилась школа, которая готовила для артиллерийских войск младший командный состав. Но не успели ребята принять присягу, как с Северного флота приехали «покупатели». Из 44-х комиссия отобрала 13, в том числе и Михаила, хотя желающих попасть на флот было хоть отбавляй.

На всю жизнь запомнил Михаил дорогу до Мурманска. Кормили кое-как раз в сутки, у каждого новобранца был свой продуктовый запас. Оказалось, что «покупатели», а их было восемь человек, продукты ребят меняли на станциях на водку, в то время как молодые бойцы голодали. Правда, по прибытии на место их судили и тут же отправили на передовую. Ребят же — в военный городок Комсомольск учиться на корабельных гидроакустиков.

Редкую ночь их не поднимали по тревоге тушить «зажигалки», которые немцы сбрасывали на город. Бывало, несколько раз за ночь приходилось вскакивать. Здесь они в первый раз получили настоящую флотскую одежду: белые робы и шинели. Но на этом «путешествия» Михаила не закончились.

Вначале по железной дороге их привезли на станцию Кемь в Карелию, и только осенью 1942 года они попали на корабль, который направлялся на Соловецкие острова, где в здании бывшей тюрьмы расположился учебный отряд Северного флота. Михаила определили в корабельные электрики.

— Четыре месяца жили в недостроенных землянках, по 62 человека в каждой, которые потом сами и достраивали. Но несмотря на тяжелые условия занимались «до седьмого пота»: строевая подготовка, занятия по электротехнике, боевые учебные тревоги, наряды по ночам... Потом прошел слух, что нас отправляют под Сталинград. Это был февраль 1943 года. Туда мы не попали. Пока нас везли — его освободили, зато попали в Волжскую военную флотилию, — вспоминает ветеран.

Из Баку в Саратов по Волге шли караваны с нефтью. Немцы с помощью авиации нещадно бомбили суда, а также минировали

водные пути. Чтобы обезопасить проход судов, командование флотилии установило рейдовые посты по обеим сторонам реки в шахматном порядке. Михаил был связистом. Барабан с намотанными проводами приходилось катить вручную по три и более километра, чтобы обеспечить надежную связь.

Михаил Алексеевич считает себя везучим: серьезных ранений не было. С командинрами у него всегда складывались хорошие отношения. Они ценили его за трудолюбие, дисциплинированность, знание дела и надежность.

В 1944-м началось наступление наших войск на всех фронтах. Волжскую военную флотилию перебросили на Днепр. Потом их старая полуторка колесила по дорогам Белоруссии, и в начале 1945 года они двинулись в Польшу. Их флотилия находилась тогда в составе I-го Белорусского фронта, а оперативный штаб подчинялся непосредственно штабу фронта.

Связь — это такая служба, которая идет следом за наступающими, в нескольких километрах от передовой. «У меня до сих пор мурочки бегут по спине, как вспомню эту надпись метровыми буквами на границе Польши и Германии: «Вот она, проклятая Германия!» — рассказывает Михаил Алексеевич. — Несмотря на то, что вроде победили немца, все равно вели себя на их территории осторожно, тем более не зная языка, кроме слов «камрад» (товарищ) и «штрассе» (улица)... А сделав паузу, продолжает: — В День Победы мы стояли в 15 километрах от Берлина. Это была весна 1945 года, наша победная весна.. 9 мая отметили за настоящим столом. Всем налили по 100 грамм. Это было событие! Здесь же стали присваивать звания, вручать награды. Нашу флотилию переименовали в Краснознаменную ордена Ушакова Днепровскую флотилию...»

Но официально война закончилась для Михаила через год. В начале июня в городе Потсдаме состоялась конференция, впоследствии получившая название Потсдамской, на которой были подведены итоги войны. Михаил со своей группой должны были обеспечивать местную связь, а также связь с Москвой, которую проводили трижды в течение дня. После окончания конференции они задержались там еще на полтора месяца. «Помню, перед тем, как

войти в зал, мы снимали ботинки. А в самом помещении на потолке тысячи лампочек сверкали. В здание проходили только по пропускам. А жили тут же, в подвале», — вспоминает о тех днях Михаил Алексеевич.

За свой ратный труд Михаил Алексеевич имеет две медали «За боевые заслуги», медали «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и орден Отечественной войны II степени. Сразу после войны М.А. Ефимов подался в родные края, потому что нет на земле мест, краше их. Он до сих пор ежегодно там бывает. Работал, столярничал, плотничал. В Печору сначала сам, потом жена с сыном переехали в 1968 году. Мастера своего дела нужны везде. Он устроился на работу в СМП-234 плотником. Много построенных объектов на его счету. Его труд отмечен многочисленными грамотами. Проработав в этой организации 16 лет, вышел на пенсию. Сначала порывались уехать, а потом на семейном совете решили: останемся до победного конца. Так и живут.

На снимке: М.А. Ефимов, 1946 г.

A black and white portrait photograph of V.M. Istromin. He is a middle-aged man with dark hair, wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt and a dark tie. A small brooch or pin is visible on his left lapel. He has a serious expression and is looking directly at the camera.

Е. ЛАЗАРЕВ

ОН ПРОРЫВАЛ БЛОКАДУ

Стремителен бег времени. Сейчас В.М. Истомину уже 75 лет. За плечами уроженца с. Ижмы большая и трудная жизнь, наполненная горькими и радостными событиями. И все-таки одно из них он выделяет особо. Это — прорыв блокады Ленинграда.

— Долго и основательно готовилось наше верховное и фронтовое командование к освобождению города на Неве и его многострадальных, еще каким-то чудом уцелевших жителей, — вспоминает те далекие, но незабываемые дни и ночи Василий Мартынович. — Лично меня и тех, кто вместе со мной проходил трехмесячную военную подготовку в Северодвинске, направили на Волховский фронт зимой 1942 года. Подготовка для участия сразу в таком крупном историческом сражении, откровенно говоря, была не ахти какой: едва успели изучить устройство трехлинейной винтовки да нескольких гаубиц и пушек. Большей частью нас приобщали к лошадям, чтобы потом на них таскать эти тяжелые орудия на фронте. Но даже такая короткая подготовка, конечно, помогала во время боев принимать правильные решения.

Я был зачислен в четвертую 122-миллиметровую гаубичную батарею 228 артиллерийского полка 2-й ударной гвардейской армии. Вместе со всеми мы тоже тщательно приводили все в порядок к предстоящему сражению. Еще и еще раз осматривали узлы

гаубиц, запасались боеприпасами. Сама кратковременно уставившаяся тишина на фронте в ожидании предстоящих событий до предела напрягала нервы.

А потом вдруг по какому-то невидимому для нас сигналу начались... На хорошо укрепленные позиции немцев посыпались со всех сторон тысячи разнокалиберных снарядов и мин. От гула и разрыва их, казалось, не выдержат барабанные перепонки ушей. Мы тоже старались изо всех сил. Били и с закрытых позиций с корректировкой огня разведчиками-наблюдателями, и прямой наvodкой по живой силе противника. Снег, несколько минут назад сиявший ослепительной белизной, на глазах превратился в черную пахоту, усеянную трупами и телами раненых фашистов в зеленоватых мундирах.

Мы так увлеклись боем, что до нас едва дошел смысл приказа комбата о прекращении стрельбы. Это, оказывается, пошла в наступление советская пехота, которая могла попасть в сектор нашего огня. В этом памятном бою мы подбили немецкий бронепоезд, который причинял много неприятностей своим неожиданным появлением и кинжалным огнем из пулеметов и пушек в разных местах.

А потом, естественно, была неописуемая радость победы и освобождения Ленинграда из железного кольца фашистских поработителей. Даже у самых закаленных бойцов от долгожданного события на глазах наворачивались слезы. И никто не стыдился их.

Однако немцы сдавали свои позиции с большим сопротивлением. С тяжелыми боями пришлось брать Новгород, а под Псковом Василий Мартынович получил настолько серьезное ранение, что осенью 1944 года врачам пришлось его комиссовать. После нескольких месяцев лечения в одном из госпиталей Костромской области ижемский парень поехал в Печору, где большую часть прожитого проработал грузчиком в урсе Печорского речного пароходства. У него двое детей, пятеро внуков и внучек, которые в праздничные дни с восхищением смотрят на потерявшие первоначальный блеск боевые награды деда и проникаются к нему искренней любовью и почтением. Ведь перед ними не только живой свидетель, но и непосредственный участник прорыва блокады некогда столицы Российского государства.

В КРУГУ ЛЮДЕЙ И ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Когда в конце мая 1945 года пассажирский пароход, проплыв мимо деревни Пильегоры, на широком плесе вышел на траверз большого поселка речников — Щельяюр, радостно забилось сердце у бравого, крепко сложенного старшего сержанта Федора Истомина. Вот он, живой и счастливый, возвращается с войны, после Победы, домой. А ведь в сентябре 1942 года, когда пароход «Николай Зыков», давая прощальные гудки, отшвартовался от Щельяюрской пристани и, оставляя за собой шлейф черного дыма, взял курс на Канин Нос, увозя 60 новобранцев из Ижемского и Усть-Цилемского районов, сердце его сжалось от неизвестности. Все дальше и дальше удалялся дебаркадер, на котором остались заплаканные родные и знакомые, а впереди встречи с неведомым...

Один за одним шли по новой железной дороге составы с воркутинским и интинским углем, печорским лесом. Везли на фронт все новых защитников родины. Путь Федора и его земляков от станции Печора пролег через Котлас и Архангельск на Мурманский участок Карельского фронта. Уже в Кандалакше, где фронт проходил совсем близко, эшелон попал под бомбежку. Вой авиа-бомб, свист осколков, торопливый огонь зенитных батарей — первое восприятие страшной, смертоносной войны. Потом, в 104-м отдельном стрелковом батальоне Кольского оборонительного района Северного флота, куда его направили из главной базы флота

города Полярный, он переносил подобное, как и подобает бывалому солдату.

На Мурманском направлении северного участка фронта еще осенью 1941 года наши войска упорным сопротивлением и решительными контратаками заставили противника перейти к обороне и до конца 1944 года стабилизировать фронт. Шли позиционные бои, артобстрелы, бомбекки, совершались диверсионные рейды по тылам как с нашей стороны, так и с фашистской. В такой обстановке проходила служба молодого солдата, недавнего третьекурсника речного техникума. Был он рядовым, затем помощником командира отделения пулеметного взвода, а в 1943 году его за смекалку и прилежание определили на учебу в полковую школу младшего командного состава.

Учился Федор отлично, по делам не раз бывал в Полярном, где случалось видеться с будущим Героем Советского Союза Макаром Андреевичем Бабиковым, уроженцем Усть-Цильмы. В ту пору командование готовило Петсамо-Киркенесскую наступательную операцию с целью изгнания немецко-фашистских оккупантов из Советского Заполярья. На незначительной территории западнее Мурманска за три года противник создал в труднопроходимой горно-лесистой и болотистой местности мощную трехполосную оборону, насыщенную дотами, дзотами, артиллерийскими позициями, минными полями как на суше, так и на побережье. Все это наши воины знали и понимали, что многим не суждено будет дожить до конца операции. Думал об этом и командир пулеметного взвода Федор Истомин, которого за отличное окончание школы командующий КОМОРа контр-адмирал Михайлов наградил знаком «Отличник Военно-Морского флота» с правом краткосрочного отпуска на побывку домой. Но использовать его он смог только после Победы. А тогда, в начале октября 1944 года, началось наступление наших войск, и он, принимая участие со своим взводом в составе десанта в боевых действиях, был ранен и вместо Петсамо (Печенга) попал в Полярный на излечение. А наши части в конце октября громили фашистов уже на территории Норвегии...

До конца войны служба шла своим чередом. Избрали его освобожденным секретарем комсомольской организации батальона. Сразу же после Победы ему разрешили использовать заслуженный отпуск, и вот перед ним Щельяюр, предвкушение радостной встречи с родителями, которые в 1923 году в ижемской деревне

Гам подарили ему жизнь, где он рос, учился в начальных классах, а потом переехал в Щельяюр, окончил там семилетку и поступил на судомеханическое отделение речного техникума, закончить который ему помешала война.

Быстро пролетел отпуск. Снова дорога: шлепанье колесных плиц парохода, перестук вагонных колес. И снова батальон, в котором прослужил Федор Николаевич до апреля 1947 года, побывав в 1946 году еще раз в родном крае. После демобилизации год работал в отделе кадров Нижне-Печорского техучастка БУПа, затем заканчивал пропущенные два курса техникума и весной 1950 года приехал в Печору, в Верхне-Печорский техучасток на пароход «Сварщик» помощником механика. Готовил себя Федор Николаевич к работе с механизмами, а партия, учитывая его армейский опыт организационно-массовой работы, определила ему на всю трудовую жизнь работу с людьми. Он окончил курсы секретарей парторганизаций в городе Горьком, работал в политчасти БУПа зав. парткабинетом и секретарем парторганизации. В 1952 году его назначили старшим инструктором политчасти по комсомолу. А с 1955 по 1980 годы он был на профсоюзной работе: 4 года — председателем линкома профсоюза техучастка, 8 лет — главным техническим инспектором ЦК профсоюза рабочих морского и речного флота при Печорском баскомфлоте, а потом в течение 13 лет — председателем баскомфлота речников.

Вся трудовая жизнь Федора Николаевича проходила непосредственно в работе с людьми, в заботах об их производственных, социально-бытовых и культурных нуждах. И сегодня, как председатель городского совета ветеранов войны и труда, он отдает все свои силы и знания защите прав тех, кто защищал нашу Отчизну и ковал ее победу в тылу. По торжественным случаям он, как и подобает ветерану войны, офицеру запаса, надевает свой парадный костюм, на котором сверкают орден Отечественной войны, медаль «За оборону Советского Заполярья», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.» и многие другие медали за бой и за труд. Достойное место также занимают знаки «Отличник военно-морского флота», «Отличник речного флота», знак ВЦСПС «За активную работу в профсоюзе» и отливающий бронзой почетный знак — «Заслуженный работник народного хозяйства Кomi АССР». А Почетных грамот и дипломов разных достоинств у него и не счесть. Честно заслужил.

ЗАЧИСЛЕН В БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

Узнав об изданном мартирологе, Иван Тихонович попросил книгу в горвоенкомате. Свыше 500 Каневых сгинуло в той войне—его однофамильцев, родных, близких. Интересно было, кто же занесен на вечную память. Нашел запись и о себе. «Канев Иван Тихонович, 1926 года рождения, уроженец села Щельябож. Призван Усть-Усинским РВК 26.10.43 г. Служил в 813 СП 239 СД. Пропал без вести 25.06.44 г. в Ленинградской области». Там же, предъявив справку о ранении, доказывал: вот он я — живой и невредимый. Но поезд, как говорится, ушел.

Извещение о том, что Иван пропал без вести, до боли ранило сердце матери. Старший брат, возвращавшийся с фронта, не минул Усть-Усы, зашел в райвоенкомат, где ему, выразив сочувствие, сообщили об Иване. «Как пропал? — теребил он их, протягивая письма (переписывались братья, оказавшиеся на разных фронтах) и делая акцент на датах. — Жив он, жив...» Так оно и было: война и восемь месяцев госпитальной жизни внесли неразбериху. Ошибка вкрадалась и в «Книгу Памяти».

Не погиб юноша, призванный на фронт в октябре 1943-го в возрасте 16 лет и 10 месяцев от роду. Не затерялся на фронтовых дорогах. Вот только нервы стали сдавать. Воспоминания душат, а

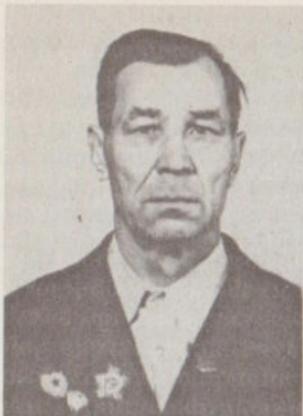
глаза и сегодня видят лики погибших друзей, крещенных с ним под свинцовым «крестом».

Не много дорог досталось пехотинцу. Вначале Ленинградский, затем 3-й Прибалтийский фронты. Май—июнь 44-го ему не за-быть никогда. Стрелковый полк стоял между Ленинградской и Псковской областями. Местность болотистая, окапывайся не ока-пывайся — траншеи в воде. Глубоко выроешь — вымокнешь, по-ленишься — снайпер снимет. В один из боев от роты осталось 8 человек. Поступило пополнение, и вновь бой. 27 июня 1944 года он попал в госпиталь.

Но служба продолжалась и после Победы. Еще на семь лет за-держался в армии. Стать кадровым военным — а он был курсан-том пехотного училища — помешали ранения. Приехав в родные места, старшина лишь одни погоны на другие сменил. 33 кален-дарных года проработал в правоохранительных органах, из них 16 лет — участковым инспектором в Кедровошорском кусте. 10 населенных пунктов, бездорожье и расputница не сказывались на работе: ответственно относился этот человек к делу. На всем про-тяжении службы росли звезды на погонах. Младший лейтенант, старший лейтенант, капитан... На заслуженный отдых ушел в чине майора. К боевым наградам — ордену Отечественной войны II степени и двум медалям «За боевые заслуги» — прибавилась еще одна медаль «За боевые заслуги», которой наградили его в период службы в милиции.

Т. СЕМЯШКИН

ОДИН ИЗ РАЗВЕДВЗВОДА

Война диктовала быстрое взросление не только мальчишкам прифронтовых областей, но и самых отдаленных от войны районов. Тринадцати—пятнадцатилетние в спешном порядке заменили ушедших на фронт отцов и старших братьев за штурвалом судов, на колхозных полях, на лесных делянках и сплавных работах.

Евгению Каневу пришлось заменить заведующего колхозными складами, ушедшего на фронт. Вызвали в правление колхоза и передали связку ключей. «Не смогу... не хочу» — слушать не захотели. Справился. Исправно и ответственно вел складские дела.

А осенью сорок третьего семнадцатилетний юноша из Соколова ушёл на фронт. Около четырех месяцев служит в 68 стрелковом полку 285 стрелковой дивизии. Изучает материальные части винтовки, пулемета, учится стрелять, делает марш-броски. Здесь исполняется ему восемнадцать.

С мая сорок четвертого командир стрелкового отделения Евгений Канев принимает активное участие в ликвидации Псковско-Островской группировки противника. Освобождает города Остров, Псков.

Спустя три дня после освобождения Пскова в одном из боев получает пулевое ранение в ногу. Месяц лечится в прифронтовом гос-

питале, и снова на передовой. Как и раньше — во главе стрелкового отделения. 288-я стрелковая дивизия в союзе с соседними частями километр за километром освобождает земли Литвы, Латвии. Но юноша-солдат снова попадает в госпиталь. В самый канун октябрьских праздников сорок четвертого года получает второе ранение. Но и на этот раз долго не задерживается на госпитальной койке. Спустя полтора месяца снова в рядах сражающихся.

— После госпиталя на этот раз меня почему-то направили в дивизионную разведку. Прибыл туда, а там ребята все на подбор, все бравые, у всех на груди ордена да медали, а моя грудь без единого знака отличия. К тому же оказался моложе всех. Робел даже в первые-то дни, — вспоминает Евгений Никифорович.

Разведчать, как вспоминает ветеран, находилась в восьми километрах от передовой линии. И хотя война приближалась к завершению, дел у разведчиков хватало. «Разузнать.., выяснить.., доставить «языка» — эти задачи по-прежнему стояли перед «бойцами тихой войны». А получив приказ, уходили в темноту ночи. Когда небольшой группой, когда целым взводом из одиннадцати человек. Уходили навстречу неизвестности, а, может быть, и смерти...

Слушал я как-то ветерана и попросил рассказать об эпизоде из жизни разведчика, который наиболее цепко держится в его памяти.

— В разных переплетах пришлось побывать, но о трех февральских днях и ночах, когда находился между жизнью и смертью, не забыть, наверное, до конца дней, — загадочно ответил ветеран и, помолчав, поведал о случае из фронтовой биографии.

Разведвзвод из одиннадцати бойцов во главе с молодым лейтенантом, в составе которого и девятнадцатилетний Канев, получает приказ: «Без «языка» не возвращайтесь!»

Разведчиков перебрасывают на передовые траншеи. Вместе с ними майор из штаба дивизии. Видимо, в той ситуации «язык» был остро необходим. В ста пятидесяти метрах от наших траншей сильная оборонительная линия врага. В тишине слышны даже возня, выкрики. Наступила темнота, и взвод переваливает траншевую насыпь. Поползли по свежевыпавшему снегу. «Ты останешься у бреши в проволочном заграждении», — шепчет Евгению на ухо лейтенант.

— И тут пошло. Лейтенант едва коснулся ножницами проводов, как они зазвенели. Освещая все вокруг, взметнулись к небу ракеты. Противник открыл по нам усиленный огонь, забросал гранатами. Словом, начался огненный ад — шевельнуться не решались. Раздались стоны. Я оказался на краю небольшой воронки. Спасительной молнией пронеслись в голове слова отца, прошедшего первую империалистическую: «Твое спасение. Сюда снаряд уже не попадет, и пуля не возьмет». Повалился в ямку. Лежу. Огненный смерч продолжается, как прожектора, висят в небе ракеты. Наступила тишина. Чувствую, что руки-ноги целы, но страх прошедшего огненного ада держит в оцепенении: жив ли я... может, на том свете тоже так чувствуют себя... Но реальность диктовала: нужно спасаться... Пополз к своим. Тут же наткнулся на погибшего. Ползком, потом на четвереньках приближаюсь к траншеям. И вдруг слева бабахнуло. «Кто-то взорвался на минах», — мелькнуло в голове. И тут же повалился в траншею, к ребятам. Жив, стою на ногах, — то и дело останавливаясь от волнения, рассказывал ветеран.

Но, как он говорит, страхи на этом не кончились. Свалившись в траншею, бойцы тут же повели его в блиндаж: «ждет майор». Такто и так, докладывает, а майор свое: «Все десять погибли, а ты невредим... Ползи обратно, живым или мертвым доставь лейтенанта...» И кладет на стол револьвер.

Куда деться солдату. Там смерть, и тут — тоже. Пополз по старому следу, чуть влево или вправо — взорвешься на минах.

Нашел в разных местах нескольких погибших. Командира не было. Взвалив на себя, притащил до траншеи одного. Майор не унимается. Притащил второго. А тут начало светать. С помощью бинокля насчитали восемь трупов. Двое из них в стороне, на заминированном участке. Там, где бабахнуло ночью. С наступлением темноты за дело взялись саперы. С ними пополз и Евгений Канев. Пока добирались до своих, в стороне лежащих обезвредили две-надцать мин. Погибшими оказались лейтенант и его адъютант.

— Лейтенант почему-то был без ремня и пистолета. Притащили до траншеи, а майор и тут не унимается: может, ты пистолет присвоил... Словом, только на исходе третьих суток вернулся в

дивизионную разведроту. Все это время крошки хлеба во рту не было. Товарищи даже не узнали: от голода и нервного напряжения исхудал так — еле на ногах стоял. Дали десять дней отпуска от разведок. Отдыхал при части, — завершил рассказ Евгений Никифорович.

Вскоре после этого боец разведки был контужен. Из госпиталя выписали четвертого мая, но добраться до части не успел. Повоевать — тоже. Победу встретил в Латвии, где и воевал в последние месяцы войны.

Гвардии сержант Евгений Канев в родное село возвратился в самом конце сорок пятого года. Долгие годы работал в колхозе, в местном сельпо. Вырастили с женой Агнией Павловной трёх дочерей и сына. Живет в просторном доме, построенном в послевоенные годы. На родовом древе ветерана восемь внуков и внучек, двое правнуков.

A black and white portrait of a man, identified as E. Lazarev, wearing a dark suit and a patterned tie. He is standing in front of a decorative background.

Е. ЛАЗАРЕВ

ОТ ИЖМЫ ДО ВЕНЫ

Судьбу ветерана Великой Отечественной войны И.И. Канева в значительной степени предопределила любовь к технике, особенно радиоделу. Еще будучи мальчишкой, он вместе со своими сверстниками в деревне Большое Галово Ижемского района бегал за первыми тракторами с большими задними колесами с шипами, вдыхая горьковатый и волнующий дымок. Однако стать трактористом не довелось, а вот радиист из него получился отменный. Как одного из лучших учеников, Ивана сразу же после окончания семилетки направили на курсы радиостанций в Усть-Цильму. И здесь он быстро зарекомендовал себя способным и трудолюбивым учеником. Так что вскоре самостоятельно рассыпал морзянку в эфире из радиостанций в Усть-Усе, держа постоянную связь с начальниками пристаней, диспетчерами и командами пароходов.

В этом старинном коми селе в августе 1941 года получил и повестку на фронт. Но до фронта был еще Горький, где таких же, как он, по уплотненной программе опытные инструкторы обучали работе на портативных радиостанциях, в том числе в экстремальных боевых условиях в тылу врага. Убедившись, что новобранцы достаточно хорошо освоили новое для себя дело, всех их направили в 7-ю особую армию в 29-й полк связи на Карельский фронт, который в то время находился в тяжелейшем положении. Под

натиском превосходящих сил противника нашим частям приходилось отступать. В середине октября 1941 года гитлеровцы предприняли еще одну попытку соединиться с финской армией на реке Свирь и создать второе кольцо блокады Ленинграда. В начале ноября они захватили г. Тихвин и перерезали последнюю железную дорогу, по которой шли грузы к осажденному городу. Фашисты уже считали, что соединение с финской армией дело решенное. Гитлер тогда во всеуслышание заявлял: «Ленинград сам поднимет руки: он неминуемо падет, раньше или позже. Никто оттуда не освободится, никто не прорвется через наши линии. Ленинграду суждено умереть голодной смертью».

Вот в какое грозное и тревожное время пришлось принимать боевое крещение молодому воину И. Каневу. Он и по сей день не может спокойно вспоминать, как оставляли один населенный пункт за другим, где все дымилось и горело. Особенно усердствовали финны, которые, видимо, старались хоть как-то отомстить Советской армии за потери и поражение в предшествующей войне, о которой сейчас молодежь, наверное, даже не знает. Эту откровенную злобу Ивану пришлось тогда испытать, как говорится, на собственной шкуре.

Будучи командиром отделения разведгруппы, ему доводилось часто переходить линию фронта то за языком, то для сбора необходимых данных о противнике. Шел, как всегда, тяжело нагруженный. За плечами — шестнадцатикилограммовая радиация, автомат, 350 патронов к нему и три гранаты. С такой тяжестью порой приходилось преодолевать десятки километров по снежной целине, осенней лесной слякоти или сквозь весеннее половодье. Вместе с Иваном шли еще 7—9 его однополчан, объединенных в разведгруппу. Один из них должен был постоянно охранять радиста в обусловленном разведчиками месте от всяких неожиданностей со стороны противника. Ведь именно от оперативной и четкой передачи информации по радио командованию полком, бригадой, дивизией зачастую зависело очень многое. И еще радисту придавался переводчик, хорошо знающий немецкий и финский языки, обычно в звании майора. От радиста, в свою очередь, требовались феноменальная память на многоцифровые шифры и коды, которые, в

зависимости от обстоятельств, иногда часто менялись, и умение быстро устраниТЬ на месте возможные сбои и неисправности в радио. Вот почему этими специалистами на фронте всегда дорожили. Ведь они, кроме разведки в тылу врага, занимались еще подслушиванием его, корректировали с земли воздушные бои наших летчиков и делали многое другое, что способствовало успешному проведению тех или иных военных операций.

Одним из таких был и наш земляк Иван Канев. Он продолжительное время участвовал в сражениях за город Тихвин, захват которого оказался последним успехом немцев на пути к Ленинграду. Непрерывные контрудары наших войск сорвали наступление фашистов, в середине ноября переросли в контрнаступление, а 9 декабря Тихвин был освобожден, что позволило открыть перевозку грузов по железной дороге для ленинградцев и часть из них эвакуировать вглубь страны.

В этих ожесточенных боях отличился и И. Канев. Под непрерывным огнем противника ему удалось в одной из первых групп благополучно форсировать реку Свири и быстро наладить связь со своим командованием, что в значительной степени ускорило и облегчило выполнение операции на весьма важном участке фронта. За это радист получил орден Отечественной войны II степени.

После тихвинских сражений 7-ю особую армию переименовали в 9-ю гвардейскую и перебросили на Запад, где И. Канев участвовал в освобождении Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии. Сообщение о безоговорочной капитуляции фашистской Германии застигло его в столице короля вальса — Вене. Однако отдельные недобитые банды фашистов еще кое-где продолжали сопротивляться. Уже после официального объявления об окончании второй мировой войны И. Канев попал еще раз в Польшу для ликвидации группировок нацистов, прятавшихся в лесах. Домой возвратился лишь в декабре 1946 года, но не в родные ижемские края, а в Архангельск, где и устроился, опять-таки радиостом, в Северное речное пароходство. Потом были совхоз «Горняк» комбината «Воркутауголь», трест «Печорнефть» «Ухтокомбината», Мутный Материк — и везде в роли радиста.

В Печору И.И. Канев приехал в 1984 году и живет здесь по сей день. Женился в 1946 году на учительнице Клавдии Михайловне, с которой прожил в мире и согласии 54 года и нажил семерых детей. Пятеро из них — четыре сына и дочь, находятся рядом в Печоре и никогда не забывают о своих добрых и беспокойных родителях. Самому главе семейства стукнуло уже 86 лет. Конечно, до прежних сил и здоровья далеко. Но самое, воистину, удивительное то, что И.И. Канев, пройдя такой большой боевой путь под свист пуль, разрывы снарядов и бомб, не получил даже простой царапины, как, собственно, и его извечный фронтовой спутник и друг — рация. А вот двое из трех его братьев (Степан и Василий), как и многие товарищи по оружию и фронтовой разведке, погибли на поле брани за Отечество и родную землю.

Так что доброго Вам здоровья, Иван Иванович, и душевной бодрости. Вы, действительно, как говорят, или родились в рубашке, или у Вас на самом деле были и остаются ангелы-хранители.

И. БЕРЕЖНАЯ

В ДОМЕ, ГДЕ РЕЗНОЙ ПАЛИСАД.

поселился после окончания войны Федор Капранов, на родине своей фронтовой подруги. Встретились они на Ленинградском фронте в 43-м. Невысокая, пухленькая девчонка поначалу не вызывала никаких чувств у скромного паренька. Да и отношение к девчата姆 в армии было ироничное. Приглядывались долго, пока Федор понял, что «Барбариска» из отделения связи, обслуживающая прибор, дающий наводку зенитным орудиям, его судьба. Война разлучала их не раз. Правда, расстояние между ними было небольшое — несколько километров. Как-то перевели Софью в район Кировских островов, а батарея командира зенитного 85-миллиметрового орудия дислоцировалась на Пулковских высотах. И тогда в ход пошел испытанный метод всех влюбленных — «самоволка». Короткие свидания (иногда с разрешения командира батальона, но тоже без пропуска), переодевание в штатскую одежду только испытывали чувства молодых.

Не необстрелянным юнцом попал на фронт Федор Капранов. В финскую войну, после ФЗО, поработал кочегаром на паровозе, доставлявшем грузы в Финляндию. На себе испытал тяготы войны, голод и карточки блокадного Ленинграда. Что интересно, говоря о фронтовых дорогах, больше вспоминает начальника железной дороги, который, зная, как тяжело людям, находил возможность подкармливать рабочих из общего котла.

За военные рейсы уже на фронте в 194-м полку Федору Капранову и еще некоторым питерцам перед строем были вручены медали «За оборону Ленинграда».

На войне долго не учат. 18-летний солдат в числе 40 парней, призванных из Московского района Ленинграда, попал под Ленинград. Одели, обули, подучили и рассортировали по батареям. Даже подружиться не успели. Федор попал в зенитную батарею 117-го дивизиона. Крещение получил у Пулковских высот. Поначалу их бросили на прорыв блокады Ленинграда, а затем в районе Батецка сняли и направили на оборону города. Так до конца войны и стоял на защите Ленинграда, и рос Капранов от солдата до сержанта.

Когда отремели бои, 194-й полк стал 110-м, а демобилизованный сержант, воспользовавшись положением о том, что освобождают от службы в первую очередь железнодорожников, поспешил в Питер, где с приятелем до войны имел 11-метровку. Дома на месте не оказалось — разбомбили. Отец сгинул на войне, брат, воевавший на Калининградском фронте, пропал без вести. Помыкавшись по инстанциям, понял Федор Андреевич, что одному фронтовику угол не получить. И нагрянул в Вологду к невесте, которая жила в доме с резным палисадом.

— Съездили в сельсовет, затем дед бутылку поставил. Вот и вся свадьба, — пошутил Федор Андреевич.

И начали Капрановы наматывать километры мирных дорог...

В 1948-м был командирован в Печору с Вологодского отделения дороги, да так и остался на Севере. Всю жизнь проработал он в аккумуляторном цехе ТЧ-22, обеспечивая свою семью и подрастающих сыновей.

Много лет Федор Андреевич возглавляет на предприятии совет ветеранов.

— За последние 10 лет 15 друзей-фронтовиков потерял, — говорит он с горечью. — Годы, ранения, болезни берут свое. 18 человек в совете осталось. С ними и будем готовиться к 55-летию Победы.

Как? Он умолчал об этом. Но идеи придут. Возможно, порадует фронтовиков песнями фронтовых лет — кассеты он собирает уже несколько лет и иногда летом веселит старушек у подъезда, включая магнитофон. Поможет и руководство, уверен он.

Не много наград у ветерана: два ордена Отечественной войны. Первый — фронтовой — за бой на Ладожском озере, второй — юбилейный, юбилейные награды. Да не в них дело. Война с судьбой свела.

Т. ЮРЧЕНКО

ВОЕВАЛА В ЗАПОЛЯРЬЕ

Софья Каракчиева родилась в 1920 году в бедной крестьянской семье в деревне Верхнее Ероздино Усть-Вымского района Коми АССР. Отец умер рано, оставил жену с тремя несовершеннолетними детьми. Софье в ту пору едва исполнилось 10 лет. Когда семья лишилась кормильца, она пошла работать в колхоз, хотя сегодня в это трудно поверить.

Старшая Анна, достигнув совершеннолетия, устроилась на работу в Княжпогостский райком партии и забрала сестру к себе. Училась Соня с перерывами, но все-таки в 1939 году закончила восьмилетку.

Когда началась война, Софья трудилась в Княжпогосте в почтово-посыпочном отделе цензором. Была тогда на почте такая должность, но в 1942 году ставку сократили.

Старшая сестра к этому времени работала в политотделе и предложила Софье: «Может, на фронт поедешь?» Ее призвали в июле 1942 года. Как вспоминает Софья Александровна, тогда она еще не воспринимала начавшуюся войну как страшную мировую трагедию. Всю дорогу, пока их везли в Мурманском направлении, молодежь пела песни.

Она попала в 450-й отдельный медсанбат в операционно-перевязочный взвод. Ее взяли санитаркой. Соня никогда не была круп-

ной и полной. Она и сейчас в свои 80 лет сложением напоминает худенького подростка. Поэтому пришлось ей тяжелехонько, тем более, что работали по 24 часа через сутки. Сколько всего пришлось переносить девчоночным худым рукам: бачки, ведра, носилки с ранеными, белье, еду... А уборка помещений, стирка... Дрова сами пилили, потому что мужчин практически не было.

После смены девчонки с ног валились от усталости.

Кроме медалей «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», есть у Софии Александровны медаль «За оборону Советского Заполярья». Воевали в Карело-Финском направлении, освобождали территорию Мурманской области. Домой в Княжпогост она вернулась в августе 1945 года.

Да, не женское это дело — война. Медицина не стала ее призванием, хотя ей было всего 25, когда объявили Победу. Она нашла себя в системе торговли, в которой трудилась начиная с 1946 года. В Печору перебралась в 1950 году. Сразу устроилась продавцом. Сначала семья (сын родился в 1947 году) жила в бараке на лесокомбинате. Однокомнатную квартиру получила только в 1968 году.

До выхода на пенсию Софья Александровна работала в торговых точках орса Печорстроя, урса Печорского речного пароходства. По ее собственному признанию, ей нравилась торговля, она относилась к своему делу с душой. Это подтверждается многочисленными Почетными грамотами, благодарностями.

Ветераны — жизнерадостный народ, потому что знают цену жизни. Раньше Софья Александровна и попеть любила, и потанцевать. С радостью ходила на все ветеранские встречи. Сейчас здоровье уже не то, но походка у нее по-прежнему по-девичьи легкая, потому что не забывает по утрам про упражнения, а по выходным — про баньку.

Т. ЮРЧЕНКО

СТАРШИНА ОЛЬГА

Моему звонку Ольга Тимофеевна обрадовалась, хотя до этого мы не были с ней знакомы. «Я сейчас живу одна и всегда рада пообщаться, потому что из дома почти не выхожу». Голос был бодрый и дружелюбный. Правда, в силу разных причин встретились мы не сразу.

Дверь открыла симпатичная, невысокого роста женщина, одетая по-спортивному. Усадив гостью за стол, Ольга Тимофеевна отправилась хлопотать на кухню.

Было видно, что вспоминать о своем военном прошлом ей не привычно. «Странно как-то, — скажет она потом, — вырастили с мужем трёх сыновей, но они никогда не просили меня рассказывать о войне».

С 1939 года Ольга жила в Петергофе с братом, кадровым военным. Там и училась. Несмотря на малый рост была подвижной, боевой, активной комсомолкой-общественницей. В то время в школе все учащиеся приобретали какую-то рабочую специальность, проходя практику на производственных предприятиях. Ольга после занятий бегала на завод, где была практиканкой в отделе технического контроля. Она уже закончила школу, когда однажды ее пригласили в военкомат и предложили отправить в спецкомандировку сроком на 2 года за пределы Советского Союза. Родным

просили ничего не говорить. Ей тогда исполнилось 17 лет. Ольга не знала, чем ей предстоит заниматься, но готова была к любой работе, потому что помогала матери с раннего возраста.

«Заграницей» оказался Таллинн, где она находилась до начала войны, исполняя вместе с другими такими же «эмигрантами» установленные обязанности. Они должны были быть готовы принять советских раненых в случае возникновения вооруженных конфликтов на территории Эстонии.

Когда началась война, советским судам Балтийского флота пришлось оставить прибалтийские порты и возвратиться в Кронштадт и Ленинград. Этот «таллиннский переход» навсегда останется в ее памяти, настолько сильно и ярко запечатились увиденные картины и пережитое при этом.

...Огонь обрушился на караван судов со всех сторон, бомбили сверху, стреляли с берегов. Пока суда не отошли подальше, в любую минуту можно было нарваться на мину либо встретить вражескую подводную лодку. Ольга хорошо запомнила слова раненого офицера, которому они на палубе оказывали медпомощь: «Дочки, будете тонуть, держитесь подальше от людей». Может, это и спасло ей жизнь, когда она оказалась в воде. Тонущие суда, обезумевшие люди, цепляющиеся за что только возможно. В воде было столько рыбы (камбалы), что тела спасшихся напоминали рыбы от блестевшей на них чешуи.

Когда они, наконец, дошли до Ленинграда и немного пришли в себя, открыли госпиталь. Это была осень 1941 года. Ленинградское небо закрыли черные призраки самолетов со свастикой: началась 900-дневная блокада города. Более 600 тысяч ленинградцев умерли от голода и холода, погибли под бомбёжками и артобстрелами. В мире осталось 300 тысяч людей, переживших блокаду. Ольга Тимофеевна Киланова — одна из них.

Ни один фильм, ни одна книга не смогут рассказать и сотой доли того, как на самом деле жили и что чувствовали эти люди. Голодали все, в том числе и раненые, и медперсонал. На рынке за золото или дорогие вещи можно было купить хорошие продукты, но где взять золото? Зимой в бидонах они приносили снег, топили его на печке, засыпали в кипяток красный перец и пили этот не-

выносимо жгучий напиток. Почему перец? Просто ничего съедобного больше не было. А как мылись с ранеными в одной ванне?.. Она, старшина I статьи Краснознаменного Балтийского флота, награжденная медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», орденом Отечественной войны II степени, не хочет вспоминать об этом времени. Тяжело и больно...

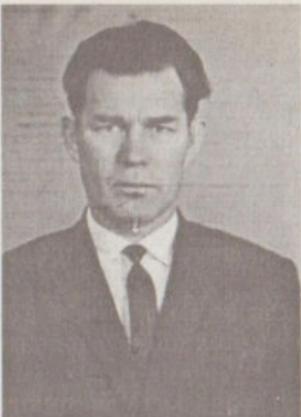
В 1944 г. после прорыва блокадного кольца части Краснознаменного Балтийского флота в составе Ленинградского фронта устремились на запад в Прибалтику. Таллинн был взят. И на том месте, где они располагались в 1939 году, вновь открыли госпиталь. Началось повсеместное наступление наших войск, раненых хватало, а значит, и работы. Вот только после ранений и перенесенной блокады у Ольги начались серьезные проблемы со здоровьем. В том же году в составе группы больных и раненых ее направили на лечение на остров Даго, где она и встретила победу.

Несмотря на перенесенные нечеловеческие страдания, Ольга Тимофеевна осталась жизнерадостным, влюбленным в жизнь человеком, сильной женщиной, сумевшей родить и вырастить вместе с мужем троих прекрасных сыновей.

В Республику Коми они приехали в начале 50-х. Тогда только образовалась 2-я экспедиция «Ухтакомбината». Ольга устроилась заведующей медпунктом, муж — в отдел по нормированию труда и заработной платы. В 50-е годы все строилось и восстанавливалось. В республике шло освоение огромных территорий. Уезжали в тайгу на месяц и более.

Ужасы войны остались позади. Они были молоды и полны надежд. Работали и жили, забывая про усталость, словно стремясь наверстать отнятое войной время. Ольга безумно любила танцевать. Если узнавала, что в выходные будут танцы, одевала туфли на шпильках и в сопровождении таких же энтузиастов шла туда, оставив на завтра все дела и заботы. Такая она и сегодня: живая, неугомонная в доме...

На снимке: О.Т. Киланова, г. Ленинград, 1943 г.

A black and white portrait of a man with dark hair, wearing a suit jacket, white shirt, and dark tie. He has a serious expression and is looking directly at the camera.

В. МУРАШОВА

РЕЙД В СНЕГАХ

Владимир Васильевич Куликов войну встретил на пароходе. За месяц-полтора до этого черного дня он прибыл в Сыктывкар речников-специалистом после окончания училища в Великом Устюге. Плавал по Северной Двине, Вычегде штурвальным, уже и помощником капитана его назначили. Но в августе пошел на фронт.

Шли тяжелейшие бои. Но Владимира Куликова не на передовую послали. Вместе с группой ребят, что были после техникумов, вузов, направили в воздушно-десантные войска. Будущих десантников отправили в Поволжье. Учились там прыжкам с парашютом и даже тому, как выживать в условиях чрезвычайных ситуаций. Ничего готовеньского не было. Питались курсанты тем, что осталось в огородах и на полях, брошенных после выселения немцев с Поволжья в сибирские края.

Подучившихся курсантов вскоре пешим строем почти за 100 километров отправили в город Энгельс, а оттуда уже по железной дороге, в теплушках — под Москву.

Стоял декабрь сорок первого. Самое тяжелое время войны. Фашисты рвались к Москве. Курсант Владимир Куликов вместе с ополченцами рыл в Подмосковье окопы на оборонительных рубежах, а между этим делом продолжал тренировочные парашютные прыжки на подмосковных аэродромах.

В середине декабря их бригада была брошена в тыл фашистов, захвативших район Тихвина.

Ночь. Декабрьские морозы были в ту зиму под сорок градусов. Глухой валдайский лес. Сюда и прыгали с неба десантники. Прямо на ели и сосны. Хорошо, если удавалось удачно приземлиться. Многие парашютисты зависали на высоченных деревьях. Вокруг — ни огонька. Только снег по пояс. В такой обстановке нужно было выпутаться из парашютных строп, собрать всю свою военную экипировку, которую сбрасывали тоже с самолета, и выйти к назначенному месту встречи. Два дня собирались десантники.

— Одеты мы были тепло: валенки, ватные штаны, телогрейки, шапка-ушанка, — рассказывает Куликов, — но попробуй во всем этом по глубокому снегу лазить, разыскивать свое снаряжение, собирать воедино весь груз. Намаялись, конечно...

Чтобы себя не выдать, не только костер не разжигали, но разговаривали шепотом. Ни тепла, ни укрытия! Спать устраивались попарно прямо в сугробах. Накрывались плащ-палаткой. Но не спиши на трескучем морозе. Без движения холод пробирает до костей.

...Противник у назначенной станции укрепился что надо — капитальные блиндажи, дзоты. И техники боевой — полным-полно. У нас — легкое вооружение, как и положено десантникам.

Но станцию мы у них все-таки отбили. Правда, на следующий день на нас авиация налетела. Бомбы посыпались — думали совсем конец. Автоматами да гранатами не отобьешься. Окопы вырыть — так земля промерзла на целый метр. Мы ее десантными кинжалами долбили, по кусочку откалывали. Получался не окоп, а углубление.

Пришлось отступить. Вновь ушли в лес. Только теперь уже почти без еды. 10 суток шли на лыжах к линии фронта. По пути встретили четверых ленинградских партизан. Мы к ним: «Едой не поделитесь?», а они в ответ: «Сами четвертые сутки без пищи». Но зато они показали нам путь через линию фронта.

Вышли мы к своим... И сразу наткнулись на котлопункт. Мы голодные. А там два повара кашу в котлах варят. Мы — к ним. Они же на нас — автоматы. «Ни крошки не дадим, — говорят,

все, что варим — это для передовой. Там в окопах бойцы уже сутки не ели, а им в атаку подниматься». Подошел лейтенант, еще раз объяснил ситуацию и рассказал нам, что наша воздушно-десантная база всего в 2 километрах от них.

Добрались мы до базы чуть не ползком. Очень уж измучены были. Получили по кружке чая, два сухаря. И — спать. А трое из нашей группы лошадь нашли только что убитую под артобстрелом. Освежевали её, наелись... Утром мы их хоронили. Не выдержали или не знали ребята, что после голода на еду набрасываться — смертельно...

После этого снежного рейда Владимир Куликов семь месяцев провел в госпиталях. Когда чуть подлечился, дали ему отпуск для восстановления сил. Приехал он в родной Прилужский район, а его сразу избрали председателем колхоза. Правда, хозяйствовать долго не пришлось. Освидетельствовали его медики и признали годным к военной службе.

Только до «войны» Куликов не доехал. По пути его, годного по здоровью только к нестроевой, забрали как специалиста-речника служить в Архангельский порт. Там он и встретил Победу. После демобилизации вернулся в свое Прилужье.

Был потом Владимир Васильевич комсомольским вожаком в Усть-Усе, заведовал промышленным отделом Печорского горкома партии, стал председателем райисполкома, первым секретарем горкома партии. От первого кирпича в печорских многоэтажках до первой лопаты асфальта на печорских городских улицах — все его, родное.

О войне же он вспоминает неохотно. Считает, что ничего героического не совершил. Только вот уже после Победы через пару десятилетий его вдруг «нашел» орден Отечественной войны II степени. За тот самый снежный рейд по валдайским лесам, те разведки под носом у врага, атаки на фашистские дзоты.

Да, действительно, не брал Куликов города, не гнал фашистов с нашей земли. Но покою он им, так же, как его сверстники из той бригады десантников, не давал никакого. И танки фашистские, и авиация оказались слабее обычновенного российского солдата.

ЗА КАЖДОЙ НАГРАДОЙ — ПОДВИГ

Палящее солнце над головой, а под ногами — удушающая и слепящая рыжая пыль, поднятая с дороги гусеницами танков и колесами автомашин отступающих подразделений Красной Армии. Такая удручающая картина начала минувшей войны навсегда врезалась в память М.С. Кучеряевых. Под натиском значительно превосходящего в силах противника, особенно в авиации и танках, этому отступлению, казалось, не будет конца. На душе восемнадцатилетнего курского парня было больно и горько. Ведь еще совсем недавно твердо верилось в слова бодрой и очень популярной в то время песни, что нашей армии в мире нет сильней. Но вот уже оставлены города Ровно, Луцк, и отступление продолжается. С неба сыплются бомбы, а на земле палят по тебе из пушек и танков, превращая все окружающее в кромешный ад.

Сороковая танковая дивизия, в которую попал в качестве свящиста М. Кучеряевых и которая уже была изрядно потрепана врагом, тоже отступала — аж до Чернигова. Затем в Котельникове, влив свежие людские силы и пополнив техникой, дивизию переформировали в бригаду, а из бригад создали танковый корпус и направили в Воронеж. Наше командование хорошо знало, что острье главных ударов гитлеровцев нацелено на Сталинград и Кавказ. Вот почему этот корпус, усиленный танками «КВ» и Т-34,

бросили против известного немецкого военачальника Гудериана. Дрались, как говорится, по-геройски, по-русски. Но и в данном случае силы оказались неравными. Вот как вспоминает о том времени сам участник боев М. Кучеряевых:

— Я, как связист, без всякого на то спроса, слышу в наушниках, что нашу бригаду там, в верхах, просят продержаться на занимаемых позициях хотя бы день. И тут же вижу, как немецкие танки стали обходить справа. Позабыв обо всем, бегу к командиру и предупреждаю его о серьезной опасности. Он быстро реагирует на ситуацию и принимает мгновенные, но точные ответные меры. Однако в небе появилась армада фашистских бомбардировщиков со смертоносным грузом. Земля загудела от многочисленных разрывов бомб, а солнечный день померк в облаках дыма и пыли. Снова пришлось отступать. Я едва успел смотать кабель, собрать аппаратуру и залезть на легкий танк, как прямым попаданием следом идущую машину вдребезги разнесло. А другой «мессершмитт» пикирует прямо на нас. Откровенно скажу, очень страшные мгновения жизни.

Отошли к Дону, а там все переправы забиты техникой и людьми. Немецкая авиация почти совершенно безнаказанно бомбит и бомбит. Да так, что наш танковый корпус пришлось отправлять на переформирование, чтобы, несколько пополнив его новыми танками, бросить на спасение Сталинграда. А что творилось под Сталинградом и в самом городе, теперь всем известно из книг и кинофильмов.

Как-то на одной из позиций получил приказ от своего командира в кратчайший срок организовать наблюдательный пункт и установить с ним связь. Легко сказать — в кратчайший. А тут земля — тверже камня, трупов вокруг — камню некуда упасть. Что-то напоминало издалека густую и огромную отару овец. Но приказ есть приказ, надо выполнять. Сколько сил потратил и пота прорвал — словами не передашь...

Между тем М. Кучеряевых под Сталинградом не только пот проливал, но и свою кровь. Именно здесь получил первое ранение и попал в госпиталь, после чего судьба солдата круто изменилась. Из связиста в школе старшин-автоматчиков Михаила переквалифици-

ровали в разведчика. Притом он проявил здесь такие способности, творческое мышление и энергию, что ему настойчиво предлагали остаться в школе преподавателем-инструктором, однако уговорить не удалось. Как истинный боец, М. Кучеряевых добился отправки на фронт. Да так удачно, что прямо в свою 28-ю гвардейскую бригаду 8-го гвардейского корпуса попал. В звании гвардии старшины продолжительное время командовал взводом разведки. В его обязанности входило обеспечение безопасности пути для танков. Именно на этом тяжелом армейском поприще в боях за город Люблин в июле 1944 года М.С. Кучеряевых получил почти сразу два ордена Красной Звезды. Один — за создание безопасного коридора для танков в обход Люблина, а второй — за уничтожение немецкой группировки, окопавшейся на городском кладбище.

Особенно запомнилась Михаилу Семеновичу операция, проведенная в конце 1944 года на территории Пруссии, где с отрядом в 35 человек и тремя придаными танками Т-34 ему предстояло за одну ночь незаметно преодолеть 40 километров и захватить железнодорожную станцию. Уже сам по себе объект, конечно, важный. Но значимость его заключалась еще в том, что через эту станцию немцы планировали перевезти большое количество отступающей живой силы и техники. За время проведения ночных рейда взводом М. Кучеряевых было уничтожено и взято в плен значительное количество фашистов. Один из пленных (мотоциклист) дал очень важные сведения для командования. Лично командир взвода в экстремальной обстановке уничтожил несколько вражеских солдат, продемонстрировав своим подчиненным пример мужества и находчивости.

За успешное проведение ночной операции и взятие станции гвардии старшину наградили орденом Отечественной войны II степени.

Очень многое зависит на войне от правильности и взвешенности решений вышестоящих командиров. Один из таких необдуманных приказов очень дорого обошелся М. Кучеряевых и его товарищам по оружию. Попав под осколочные танковые снаряды на заранее пристрелянной местности (о чем старшина серьезно предупреждал своего начальника), некоторые из них со-

вершенно напрасно ушли из жизни, а Михаила доставили в госпиталь с тяжелейшими ранениями. Здесь он услышал весть о Победе над фашистской Германией и, перенеся мучительные операции, стал инвалидом второй группы. Однако закаленного боевыми походами солдата физический недуг не сломил. После полугодового излечения в госпитале в сентябре 1945 года он приехал в Печорский район к своим родственникам. Имея за плечами два довоенных курса Петрозаводского педагогического училища, устроился военруком в Кожвинской средней школе, продолжал сам учиться и учить детей. Был директором Песчанской и Красноягской семилетних школ, заведующим района, директором школы рабочей молодежи и интерната № 1 (ныне № 8).

Так что боевой путь М.С. Кучерявых на Юго-Западном, Сталинградском, Донском, Воронежском, 1-м и 2-м Белорусских фронтах тесно переплетен с самой мирной профессией, профессией учителя, дающей подрастающему поколению путевку в жизнь.

— Только пусть эта жизнь будет такой, какой мы ее представляем, когда сражались за Родину с фашистскими оккупантами, — говорит убеленный сединой ветеран Великой Отечественной.

A black and white portrait of Nikolai Lazin, a young man with short dark hair, wearing a Soviet military uniform with a high collar and four pockets. He is looking directly at the camera with a neutral expression.

И. БЕРЕЖНАЯ

БЫЛ МАЛ, ДА УДАЛ

Командиром его обстрелянные мужики не звали, молодой больно. «Пацан», — говорили. Да и перед первым боем страшали. Казах, шестой номер 85-миллиметрового орудия, так говорил: «Слышь, пасан, после первого залпа сбежишь». На деле от грохота он сам зарылся в землю. А командир, чтобы не потерять самообладание, колесо орудия, которое выше его ростом, поглаживал.

Кстати, из-за роста его и в действующую армию брат не хотели: не дотягивал до планки один сантиметр. Чуть было не ушел с призывной комиссии, да дома мачеха страшней войны. Вот он не заметно для остальных и привстал на цыпочки. Ну а в артиллерийских войсках сообразительный, смекалистый деревенский пацан из Мичуринска быстро освоил дисциплину и стал командиром орудия, а чуть позже вместе со своим расчетом внес рационализаторское предложение: механическую трубку-взрыватель к 85-миллиметровой пушке изобрели они. И совсем неплохо выглядели в Москве, где со своими идеями, наработками были представители всех родов войск. Известные ученые, изобретатели, рационализаторы принимали у них работу. Звездочку за это обещали, да забыли. Так сержантом и дослужился Николай Михайлович Лазин до Победы.

Тогда же выучился на радиолокаторы. «Воевать в кабине стало спокойнее», — рассмеялся он и добавил: — Я потому и выжил, что шутил всегда. Иначе в армии затюкали бы».

Маломерок-командир поначалу был предметом насмешек, но он брался за все — 84-килограммовые ящики со снарядами поднимал, до крови стирая плечи и руки. Некичливость, незлобивость характера и готовность тянуть лямку вместе со своим расчетом работали только на авторитет.

Нет на счету Н.М. Лазина подбитых самолетов. У войск противовоздушной обороны была другая задача: устроить заградительный огонь, не подпустить немцев к Москве, к объектам оборонного и стратегического значения — заводу по выпуску противотанковых мин, нефтеперегонному. Подбирались фашисты к нефтеперегонному. «Вначале промчались бомбардировщики, развесив осветители на парашютах, и улетели, — рассказывал он. — Мы «лампочки» сбили. Возвращается авиация — не видно не зги. Бомбить бомбили, но мимо цели». Так было часто.

Он и в госпитале не гордился. Стало полегче, барабанные перепонки начали заживать — записался в помсанитара. Бегал с носилками, брался за перевязки. Сказывалась деревенская хватка.

День Победы не стал для него последним днем войны — его оставили на сверхсрочную службу: смену готовить. И домой Николай Михайлович приехал лишь в 50-м. Да ненадолго у мачехи задержался. На Север подался. Работал кавалер ордена Отечественной войны II степени в политотделе железнодорожного узла — секретарем комитета комсомола. В Печору свою одноклассницу-жену привез.

В биографии Николая Михайловича много должностей — от руководящей до рабочей, много специальностей и предприятий. Немало трудностей было на пути. Но не плачется, не хнычет в свои 75 лет. На жизнь смотрит с оптимизмом. Да и пацаном его с давней поры никто не кличет. Его рост за 180 сантиметров. Помогли вытянуться война, послевоенный труд.

На снимке: Н.М. Лазин, г. Москва, 1947 г.

T. СЕМЯШКИН

ОТ БИРОБИДЖАНА ДО РУМЫНИИ

Курская дуга. Эти слова навсегда вписаны в историю Отечественной, останутся в памяти поколений земли Российской, как страницы бесстрашия и мужества советского солдата.

Немало сынов Припечорья, Республики Коми сложило головы в решающих битвах под Курском, Белгородом, Прохоровкой. Немало вернулось с победой. Но время неумолимо. Еще в год пятидесятилетия со дня Курской битвы проживал в Печоре и районе 21 участник тех горячих сражений. А в год 55-летия (1998 год) — всего двое. В том числе — Иван Васильевич Липин, уроженец Усть-Кулома.

Говорят в народе: человек сам кует свою судьбу. Липин не совсем согласен: большую роль в жизни играет Господин Случай. Порой преподнесет то, что и в мыслях никогда не держал. Или покажет такую дорогу, куда невольно свернешь...

Так вот с философских рассуждений и началась беседа с Иваном Васильевичем. Жизненному пути же дает однозначную оценку: «Другую дорогу бы не выбрал. Жизнью доволен, ни на кого не жалуюсь. Четырех детей воспитал. Такое пекло прошел и живым остался. Даже счастливым считаю себя...»

...В тридцать девятом Иван Липин оканчивает среднюю школу. Готовится поступать в институт, хочет стать геологом. Не получилось. Осеню призывают в армию. В сентябре он уже на Дальнем Востоке. Начинается служба в танковых войсках. Водитель,

стрелок... В год начала войны заканчивает в Биробиджане курсы младших лейтенантов. Но юноше со средним образованием присваивают звание лейтенанта.

В сентябре сорок первого 60-ю танковую дивизию перебрасывают в район Тихвина. Идут оборонительные бои. Враг занимает железную дорогу, по которой шла помощь окруженному Ленинграду. Прервана артерия жизни. «Теснить врага» — такова установка Ставки.

— Попали в настоящий ад. Враг бомбит, не переставая. Везде трупы людей, разбитая техника, орудия. От стрельбы и взрывов, беспрерывной бомбёжки друг друга не слышим. В рот друг другу смотрим, надеясь что-то понять, — вспоминает И.В. Липин о тех днях.

Молодой лейтенант учится воевать. В декабре получает сильную контузию. Придя в себя, отказывается от госпиталя. «Боялся разлуки с родным полком. С товарищами врага легче одолевать», — говорит ветеран.

В феврале сорок второго сильно потрепанную в боях дивизию перебрасывают под Москву. Формируется танковый корпус. Курский выступ. Немец сосредоточивает силы. 202 танковая бригада, в составе которой воюет Иван Липин, попадает в район Поныри-Севск. Стояли в обороне, время от времени короткие бои.

— Летом все началось. Полтора месяца земля, что называется, стонала. От стрельбы, от бомб, скрежета металла, беспрерывного рева танковых атак. Вспомню — сегодня холдею, — рассказывает о тех днях ветеран.

Штабной офицер, старший лейтенант Иван Липин отвечает за своевременную доставку боеприпасов, следит, чтобы вовремя были укомплектованы танковые экипажи, пулеметные расчеты. В его распоряжении пять транспортных машин. Немец, не переставая, охотится и за транспортной техникой. То и дело бомбит, «висят» над дорогой «рамы». Снова контузия. Вот как об этом вспоминает ветеран.

— Только успели замаскировать машины с поступившими боеприпасами, как началась усиленная бомбёжка. Дальше уже не помню. Не забуду своих спасителей капитана Ивана Бильска и старшину Петра Пасютина, которые вовремя заметили мою пропажу. Раскопали посиневшего уже и потерявшего память. Ожил. Вот они, — Иван Липин показывает фотоснимки своих спасителей. Хранит как самую дорогую память.

Впереди новые бои. Теперь уже на Крымском полуострове. В составе танкового корпуса И.В. Липин принимает участие в боях за освобождение Джанкоя, Симферополя, Севастополя.

После крымских операций старший лейтенант Липин воюет в Прибалтике, поселок за поселком, село за селом освобождает Латвию. «В какие переплеты только не попадал, но живым остался», — все удивляется ветеран и, вспомнив, рассказывает об одном бое.

— Бой возник неожиданно. Возле озера, где стояла минометная часть, наши машины только что подвезли мины, начали разгружать. В ста метрах немец. Решил, видимо, помешать разгрузке. Смотрим, пошли в атаку. Не менее полста их было. Идут фронтом, на ходу строчат из автоматов. Ох и схватка была! Нас было всего пятеро. Если бы не солдаты минометных расчетов, худо бы нам пришлось. Осилили. Половина атакующих осталась лежать, остальные — разбежались. Семерых солдат удалось уложить из парабеллума. Немецкий пистолет был отличным, за пятьдесят метров самую маленькую цель сбивал... — А помолчав, добавляет: — Думаю иногда и до сих пор не верю, как вышел из этого боя без единой царапины...

Но на то война: не знаешь, где и какая пуля подстерегает солдата.

Через несколько дней, точнее 25 августа сорок четвертого, офицер-танкист И. Липин получает тяжелое ранение в бою за освобождение станции Бены. Ранен в голову и ногу. Три месяца в госпиталях.

— Еле отстоял ногу. Не раз настаивали ампутировать. От плохой первичной обработки рана не заживала, нога чернела. Снова повезли в операционную. Дескать, посмотрим, что можно сделать. Смотрю — готовы резать ниже колен. Вышел из себя: из-под нижней рубашки выхватил парабеллум. Дескать, будь что будет, но отрезать ногу не позволю. Видимо, поняли серьезность моего намерения. Открыли рану. Оказалось, что внутри не только осколок, но и кусок портянки. Обработали, нога стала оживать. А потом и встал, до сих пор хожу на своих двоих.

— Так бы каждый заступался, меньше бы, наверное, безногими война оставила, — замечаю.

— Каждый раз, когда предлагали хирурги такой выход, перед глазами вставал дядя, родной брат отца. Потерял он ногу в первой империалистической и всю жизнь прыгал на деревянной чурке. Не хотелось оставаться таким калекой. Война ведь она такая.

Мой отец три войны прошел и ни разу не был ранен. Прожил до 94 лет. Мне же от одной войны досталось — дальше некуда, — рассуждает ветеран.

Безло старшему лейтенанту Липину. После госпиталей снова попадает в свой полк. Как он говорит, снова был в родной семье. Проходит боями Польшу. Победа застает в Румынии. Еще целых два года после войны продолжается служба на румынской земле.

Но и после этого он не сразу попадает в родные места. После демобилизации, в сорок седьмом, лечится в военном госпитале в Сочи. Позже здесь же работает. В местном строй управлении. Потом служба в Николаеве, на этот раз в системе МГБ. В пятьдесят втором списывается с Управлением внутренних дел Коми. Прсят приехать. Кадры нужны. Шестнадцать лет служит в Печорской милиции. Старшим оперуполномоченным, начальником ОВХСС.

В сорок шесть лет солдату, прошедшему всю войну, пришлось уйти со службы. Болезнь, старые раны, новые операции. Но оправившись — снова на трудовом фронте. Много лет работает в системе «Печорлесосплава», «Техснабсбыте».

Бухгалтер, ревизор, снабженец. И только в восемьдесят четвертом выходит на пенсию.

В следующем же году решается на поездку в Латвию, чтобы пройтись по боевым местам. Обрадовался обелиску у поселка — станции Бены, где проходили горячие бои, в которых участвовал и Липин. Чувствуется, что поездкой он был доволен. Но тут же с какой-то грустью добавляет: «Так было, сейчас все иначе», и подает письмо. Заодно — фотоснимок: майор, на груди Золотая Звезда Героя. «Дмитрий Щербина, командир танкового батальона. Всю войну были рядом, время от времени переписываемся...» Читаю письмо. Привожу лишь небольшой отрывок.

«...Обелиск возле Бены полностью разрушен. Стерты с земли памятники советским воинам и в других местах... Так «почитают» в Латвии своих освободителей...» — пишет в августе 1994 года Герой Советского Союза Д.П. Щербина, видимо, только что побывавший в тех местах.

Болит от подобных сообщений сердце бывшего танкиста Ивана Васильевича Липина. Но тут же сам себя успокаивает: «Хорошо, хоть в краях российских признают еще нас, не забывают и погибших...»

Т. ЮРЧЕНКО

«ДОЖИВЕШЬ ДО СТАРОСТИ...», —

нагадала в детстве Полине цыганка. Так оно и случилось, несмотря на то, что Полина Федоровна Литюшкина, младший лейтенант госбезопасности, всю войну воевала в составе особого отдела Северо-Западного фронта. Впоследствии он стал называться отделом контрразведки «СМЕРШ». Это были «глаза и уши армии», и брали туда далеко не всех. Дотошно изучалась характеристика самого человека, членов его семьи, их отношение к власти, связи.

Семья жила до войны в Починковском районе Нижегородской области. Кроме отца и матери — шестеро детей. У родителей было большое хозяйство. Отец работал бригадиром пути на станции Ужовка Казанской железной дороги. Жили хорошо, ни в чем особенно не нуждаясь. Дети воспитывались в строгости и уважении друг к другу. Были приучены ко всякой работе, как, впрочем, все деревенские. В школе Полина училась прилежно. Особенно ей нравился немецкий язык. Его преподавала бывшая выпускница Института благородных девиц. Поэтому после окончания школы в 1938 году она поступила в Саранский педагогический институт. Когда началась война, перевелась на заочное обучение. Закончила учебу в 1942 году и была направлена в школу преподавателем немецкого языка и географии. Многие ее ровесники ушли на фронт.

Она дважды подавала заявление в военкомат: «Вы не имеете права мне отказать!»

Ее направили в Москву в 202-й стрелковый полк, в автобатальон. Но судьба уготовила ей другую «работу». Проболев три недели сразу после приезда в столицу, она осталась в штабе в отделе вещественного снабжения. Одно ее беспокоило: ею заинтересовался особый отдел. Успокоил ее начальник: «Литюшкина, вы теперь далеко пойдете. У вас направление в отдел контрразведки Северо-Западного фронта». Не последнюю роль сыграло хорошее знание немецкого языка.

В Германии уже после войны (они были там с мужем до 1947 года) хозяйка-немка, у которой они снимали квартиру, все удивлялась, где она так научилась говорить по-немецки.

Весной 1943 года их «погрузили» в эшелоны, и через некоторое время они прибыли в Осташков Калининской области, где в течение 2-х месяцев формировалась танковая армия. В начале июля их перебросили на Воронежский фронт, войска которого приняли участие в операции на Курской дуге. Вспоминая бронетанковое сражение под Прохоровкой, Полина Федоровна рассказала: «Это было что-то страшное. Не было видно ни солнца, ни неба, в котором гудели моторы двухсот самолетов одновременно. Кругом снаряды взрываются, бомбы падают... Смрад, дым, скрежет гусениц... До сих пор этот гул и грохот в ушах стоит».

Началось наступление на Киевском направлении. До конца 1944 года освободили Украину, Белоруссию, Молдавию.

«Больше всех пострадала Белоруссия, — говорит Полина Федоровна, — в поселках, селах да и в городах тоже ни одного целого здания. Одни трубы торчали. Мы входили на территорию вместе с первым эшелоном. Все вопросы должны были решать быстро, на ходу. Это очень ответственная, серьезная, интересная работа. Многие думают, что сотрудники контрразведки ненюхали пороха. Это не так, хотя, конечно, девушки берегали, потому что нас было немного, в основном мужчины».

Из всех своих наград больше всего ценит медали «За боевые заслуги», хотя награждена медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Уже в по-

левоенные годы получила орден Отечественной войны II степени, медаль Жукова, несколько юбилейных.

В военной биографии почти каждого солдата есть эпизоды, которые «врезаются» в память намертво. Это было на Западной Украине. Наши отступали. Так случилось, что Полина осталась одна, хотя должна была с подругой дежурить. Кто-то из местных жителей пожалел девчонку и посоветовал ей пешком двигаться в сторону, куда уехали свои. Шла, естественно, не проселочной дорогой: то степь, то перелесок. За ночь отмахала больше 30 километров. «Устала страшно, пить хочется... В небольшом перелеске села на пень и заплакала: «Господи, если ты есть на самом деле, помоги отсюда выбраться, найти своих. Сижу, нет сил подняться. И вдруг слышу: где-то невдалеке мотор гудит. Думаю, будь, что будет. Останавливается машина «студебеккер». Оказывается, шофер меня заметил и кричит: «Солдатишко, что сидишь здесь? Тебе куда?» Так я оказалась у своих, потому что он как раз направлялся в управление нашей армии», — рассказывает ветеран.

На Севере Полина Федоровна оказалась в конце 40-х годов. Страха у нее не было. «Голова на плечах есть, руки есть, значит, не пропаду», — думала она. Долгое время работала бухгалтером в торговом отделе «Печорстрой», директором объединения в системе речфлота. Опыт, приобретенный на войне, помогал и в мирное время. Вот только пить и курить Полина так и не научилась. В День Победы девчонки на радостях позволили себе выпить по стакану водки... Опьянили так, что было не до праздника.

Сейчас ей 79 лет, а у нее есть общественная нагрузка: в совете ветеранов она отвечает за работу со вдовами. Ее постоянно приглашают участвовать в работе комиссии по выборам. И это не случайно. Свое лидерство она не демонстрирует, но есть в ней какая-то внутренняя сила, которую люди чувствуют и признают.

Пока версталась книга, П.Ф. Литюшкина умерла.

СПАСАЛА И ЗАЩИЩАЛА

Клавдия Луценко. Мало кто не знает эту женщину в Печоре. Более сорока пяти лет живет в городе. Примерный труд, активная общественная жизнь, добрая инициатива и наступательность в достижении цели отличают ее на всем протяжении этих лет.

Тридцать пять лет отдано работе в больнице водников. Лучшая хирургическая сестра. В пятидесятые—шестидесятые годы городские или районные соревнования не обходились без участия Клавы Луценко. Многие годы была капитаном волейбольной команды медработников, пела в хоре ветеранов города. Здравая рассудительность, завидная память и сегодня позволяют ей встречаться в школьных коллективах, в городском музее. И всегда все, будь это взрослые или школьники, слушают ее с неподдельным интересом.

Но а если быть точным, имя Клавы Лыткиной (девичья фамилия) в Коми было известно еще до войны. Участвовала во всех городских и республиканских соревнованиях лыжников. Была абсолютной чемпионкой на 3, 5, 10 километров.

Клавдия родилась в деревушке под Выльгортом. Росла здоровой, все успевающей девчонкой. Удивляла родителей и односельчан недевичими интересами. То наперегонки с мальчишками несется на велосипеде, то, удивляя всех, промчится по деревенским

уличкам на мотоцикле. Не зная и не ведая о будущем, готовила себя к предстоящим испытаниям.

В тридцать девятом заканчивает фельдшерско-акушерскую школу в Сыктывкаре. Работала в пригородной Максаковке. Со спортом связи не теряла. Уже будучи заведующей здравпунктом, защищает честь республики на Всесоюзных лыжных соревнованиях. Целеустремленности и энтузиазму Клавы Лыткиной завидовали в те годы и юноши, и девушки.

Началась Великая Отечественная, и Клавдия в числе первых пошла с заявлением в горвоенкомат. Ее настойчивости вскоре уступили. Уже в конце июня в группе призывников Лыткину направили в Архангельск. Оттуда — в Вологду, где формировался новый пехотный полк. Как имеющей медицинское образование, ей присваивают звание младшего лейтенанта и назначают командиром взвода санитаров-носильщиков.

У двадцатидвухлетней девушки из-под Сыктывкара начинается военная биография. На долгие четыре года войны.

Уже в августе в составе полка попадает на Карельский фронт. Почти два года на передовой. Вместе с санитарами перевязывала, вытаскивала с передовой раненых бойцов. Под дождем пуль и разрывами снарядов, в летнюю жару и трескучий мороз. Но этого мало. Она просится в разведгруппу. Там тоже нужна медицинская помощь. Вместе с бойцами ходит в разведку. Вот где пригодилось мастерство лыжника! Участвует в стычках с противником. В случае ранения кого-то из разведгруппы вытаскивает его через линию фронта.

Многих подруг потеряла Клава за первые два года войны. Насколько на передовых линиях, девушки-медики часто попадали под пули финских снайперов. Ее обходили пули снайперов и осколки разрывающихся снарядов.

В августе сорок второго смелая девушка обращается через газету «Ворлэдзысь» с призывом: «Дорогие земляки, юноши и девушки! Больше дружите со спортом, каждый свободный час занимайтесь физкультурой! Будьте готовы биться с коварным врагом!»

В сорок третьем в «Комсомольской правде» была опубликована ее фотография с подтекстовой под громким, вонзающимся в сердце заголовком: «Она спасла 600 солдат и офицеров».

— Ох и писем мне повалило тогда. Со всего конца Союза. Солдат-почтальон то и дело обижался. Дескать, только на тебя и приходится работать, — с грустинкой в глазах вспоминает Клавдия Александровна.

С Карелии Клавдия попадает со своейвойской частью на 1-й Белорусский фронт. Принимает участие в освобождении Бреста, Варшавы, Штеттина, Шенеу. Городов, сел и поселков на фронтовом пути военфельдшера Клавдии Луценко великое множество. Прошла она его с честью военфельдшера и достоинством бойца армии-освободительницы. Не только спасала и лечила солдат, но и принимала участие в схватках с врагом. Однаково умело и крепко держала в руках инструменты военврача и винтовку.

День Победы старший лейтенант медицинской службы Клавдия Луценко встретила на польской земле, в городе Шенеу, что под Варшавой. Вернулась в родные края в июле 1946 года.

Клавдия Александровна награждена орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и многими другими медалями. Уже в мирные годы к ее наградам прибавился орден Отечественной войны.

A black and white portrait of a young sailor named Serafim Misharin. He is wearing a dark sailor's cap with a prominent anchor emblem and a dark sailor's jacket with white-striped cuffs. Two small medals are visible on his left chest. He has short hair and is looking slightly to the right of the camera.

Т. СЕМЯШКИН

СЛУЖИЛ ВО ФЛОТЕ

Двадцатилетний Серафим Мишарин был призван в армию на действительную службу в сентябре сорокового года Усть-Усинским райвоенкоматом.

Юноша, родившийся и выросший в маленьком Уляшове, что ниже села Соколова, ехал в армию, как он сам говорит, вполне самостоятельным человеком. В предвоенные годы окончил Щельяюрское ФЗО, две навигации плавал на пароходах «Виноградов» и «Молотобоец». Летом перед призывом — уже первый помощник механика на пассажирском пароходе-красавце «Сыктывкар». Словом, на службу ехал специалистом-речником и, естественно, попал в моряки. Службу начал на военном тральщике.

Северный флот. В предвоенный год тралить особо было нечего. Бороздили морские просторы, учились военно-морскому делу. Юноша-матрос вскоре оказывается на Соловецких островах. Живет в бывших монастырских стенах, учится на курсах сигнальщиков. Но, как он сам вспоминает, в палубной команде судна-тральщика не пришлось служить.

Все годы войны — в машинном отделении судна. Машинист-поршневик. День за днем судно тралит вражеские мины, обезвреживает просторы северных морей. Кто гибнет от пуль бреющих над судном самолетов врага, кого списывают на берег по болезни, а

старший матрос Серафим Мишарин без ранения, без единой царпины — все четыре года войны.

— Видимо, судьба! Не один я из команды судна оказался недоступным атакам врага. Командир тральщика капитан-лейтенант Ткаченко, истинно морской волк, тоже обошелся без ранения и болезней. Волны не смывали, и вражеский металл обходил, — храбрился ветеран. Вот так.

Но служба Серафима Мишарина с Победой не закончилась. Еще два года пришлось тралить северные моря, освобождать морскую гладь от мин врага, обеспечивать безопасное движение судов. Уже в мирное время.

Вернулся тралец Серафим Мишарин в родное Уляшово в сентябре сорок седьмого. Взял в жены девушку из соседнего Соколова. Торопило время. Двадцать семь лет от роду. Но дело речника не продолжил.

Почему же? Надоела соль северных морей? Не захотел палубной жизни? Выветрилась юношеская любовь к речным просторам Печоры-матушки?

— Нет и еще раз нет. Произошло как-то все неожиданно. Отдыхал в отчём доме, занимался по хозяйству. А тут набирали людей на лесозаготовки. Попробуй, не выполни колхоз план набора. Предложили и мне. Как не выручить. Думал, побуду до конца сезона, а там весна, начало навигации. Попал в Каджером да там и остался на всю жизнь, — рассказывает Серафим Иванович.

Мастеровой да ладный во всех отношениях человек везде был нужен. Пригодился вчерашний воин и на новом месте. Работал дизелистом, механиком лесопункта. Пятнадцать лет заведовал ремонтными мастерскими. Здесь вырастил трех дочерей и сына.

В год 55-летия Победы бывшему моряку и воину Северного флота исполнилось восемьдесят лет.

На снимке: С.И. Мишарин. 1945 год.

Т. СЕМЯШКИН

ЭТА ОТВАЖНАЯ АДЕЛЬ...

Аделаиду Марковну Мурашко трудно представить в отрыве от Трубоседъельска. Так же, как и поселок без нее. Живет она здесь чуть ли не со дня основания.

Многие годы была депутатом Каджеромского поссовета, знающей фельдшер, неугомонная общественница. Такой знали и знают ее не только в Трубоседъельске, но и в других ближайших лесных поселках. Имя доброго человека всегда на слуху.

Но она еще и ветеран войны. Активный и отважный участник ратного труда на фронтах Отечественной.

Как-то, просматривая ее личный архив, обратил внимание на пожелтевшую от времени и обращения маленькую вырезку из Фронтовой газеты. «Отважная девушки Кунаева» — броско вешал заголовок. Сочетание слов обычное в годы войны и совсем редкое в мирное время.

«...Комсомолку подразделения Адель Кунаеву всегда можно видеть в боевых порядках. Где создается наиболее напряженное положение, там и тов. Кунаева. С оружием в руках она бьет фашистов, личным примером воодушевляя бойцов на подвиги в борьбе с врагом. Во время одного боя немцы, имея превосходство в силах, подходили к нашим боевым порядкам. В это время погиб командир. В рядах красноармейцев возникло некоторое замешательство. И тут на выручку пришла тов. Кунаева. Выскочив вперед, она громко крикнула: «Слушайте мою команду! Вперед!»

И бойцы, воодушевленные отвагой своего комсорга, двинулись в атаку. Не выдержав стремительного натиска, немцы попятились, а потом и побежали, бросив оружие и боеприпасы, оставив на поле боя свыше десятка трупов своих солдат. Немцы больше не пытались атаковать наши позиции...» — писал военный корреспондент.

Пошли воспоминания. Слушал ветерана, а все почему-то не вспоминалось, что та самая отважная Адель и Аделаида Марковна, полная, с густым «серебром» в волосах женщина, — одно и то же лицо, что это одна судьба.

— Тот бой проходил уже в Тернопольской области у реки Сирет. Короткий и горячий он был. Нескольких ребят недосчитались и мы, — дополняет она газетное сообщение. За этот бой отважная комсомолка была награждена медалью «За отвагу».

...Шестнадцатилетнюю Адель Кунаеву, вчерашнюю девятиклассницу, война застала в Запорожье. А потом два трудных года в Ташкентской области, куда эвакуировалась она с родными. Работала и училась.

Страна жила по призыву: «Все для фронта, все для победы!». Юная комсомолка живет общими переживаниями, сводками Совинформбюро, думает о родной украинской земле, попавшей под сапоги врага. «Там мое место» — все тверже говорит себе девушка, но тут же встает вопрос: «А как?». В военном комиссариате, в горкоме комсомола ее каждый раз выслушивают, но ответ один: несовершеннолетняя. А тут открылись курсы санинструкторов. Одной из первых поступает туда Аделаида.

Шесть месяцев учебы позади. Но на пути к цели еще одна трудность — объяснение с матерью. Не знала она о намерениях дочери, не догадывалась об учебе...

В начале сорок четвертого Аделаида уже на передовой. Киев, Житомир, Тернополь, Молдавия, Секешфеквар, Будапешт... — таковы основные вехи героического пути 99-й Житомирской Краснознаменной дивизии, в составе которой больше года воевала санинструктор, старший сержант, а потом и старшина А.М. Кунаева (девичья фамилия).

Сотням бойцов под огнем да под бомбежкой оказывала первую помощь. Кого на спине, кого с помощью плащ-палатки выносила с поля боя, доставляла в медсанбат. Требовала обстановка — брала автомат и бросалась в атаку, в первых рядах наступающих врывалась в населенные пункты. «Сам погибай, а раненого выручай» —

правило, по которому воевала она и ее боевые подруги. Многих из них потеряла Аделаида Марковна. Одни гибли в открытом бою, другие — выручая раненых.

С честью пронесла А.М. Мурашко звание бойца, защитника Родины по огненной дороге фронтовой жизни. Санитарной сумкой через плечо, винтовкой в руке, горячим словом комсорга помогала приближать день Победы. Окончив войну, вернулась к мирной жизни. Не искала спокойных дней и после Победы. Окончив в 1947 году медицинский техникум и проработав некоторое время в больницах Ташкентской железной дороги, подалась на Север. В края, где как говорилось в песне-шутке, «двенадцать месяцев зима, остальное — лето». «Проверить военную закалку захотелось, испытать фронтовой характер в новых условиях», — объясняет свой тот давний шаг Аделаида Марковна. Отмечу: испытание это прошла она с честью. С честью гражданина с большой буквы.

Сорок пять лет живет она в Печорском районе. Сорок три из них — в Трубоседъельске. Здесь создавала в свое время партийную организацию, долгое время была секретарем. Многие годы заведовала фельдшерско-акушерским пунктом, была председателем первичной организации общества «Знание». Здесь создала семью, вырастила двоих дочерей.

Двадцать лет минуло, как Аделаида Марковна вышла на пенсию. Но разве можно изменить жизненную позицию, что выработала в себе со школьной скамьи, за годы войны? Разве может угаснуть желание быть нужной людям, жить интересами тебя окружающих, поселка в целом?

«...Поселок наш, к большому сожалению, приходит в полный упадок. Половина домов пустует, ломают, жгут. Ничего не строится. Люди от безысходности и от отсутствия уверенности в будущем спиваются, многие дети часто полуголодные и беспризорные.

В свое время в Трубоседъельск приезжали даже З.В. Панев, И.К. Устинова, другие высокие чины республики, сегодня не знает к нам дорогу даже городское начальство», — пишет она в своем недавнем письме.

Не стареет душа комсомолки военных лет. Она по-прежнему хочет дела.

На снимке: А.М. Мурашко в июле 1946 года.

НАГРАДЫ ЗА БОЙ, НАГРАДЫ ЗА ТРУД

«Скромность украшает человека» — так говорят в народе. Может, кто и не согласен с этим: одной скромностью едва ли оси-лишь преграды на жизненном пути. Но, тем не менее, когда слы-шу эту аксиому, сразу вспоминаю Федора Ефимовича Объедкова — педагога, наставника, ветерана войны и труда. Исключительно скромный человек: не любит парадности, в грудь свою не бьет, себя не рекламирует, не шумит по поводу и без повода, не лезет на конфликты...

Наверное, таким и нужно быть педагогу. Этой профессии Ф.Е. Объедков отдал сорок три года жизни. Начинал еще в пред-военное время.

В сороковом Федя Объедков, сын раскулаченного воронежско-го крестьянина, заканчивает Сыктывкарский лесотехнический раб-фак. Позади три года учебы. Но в лесу так и не пришлось рабо-тать. Вчерашнего рабфаковца направляют в Ипатьевскую сель-скую школу, что в Сыктывдинском районе. Не хгатает учителей. «Только война прерывала учительскую работу. А так — все с деть-ми. То в школах, то в училищах», — уточняет ветеран.

А на войну он попал, как бы сделав большой круг, о котором и сегодня вспоминает с улыбкой.

Дело в том, что после года работы в Ипатьевской школе молодой учитель решает за дни отпуска навестить старшего брата, работавшего речником в Щельяюре. Не один день добирается туда. Брата не застает: он — в длительном рейсе в верховьях Печоры. Выход один — обратный путь. В Усть-Усе застает распутица. Устраивается в школу. Уже три месяца идет война. В декабре пешком выходит в путь с одним желанием: быстрее добраться до места работы, в свой райцентр. Но уже в Кожве знакомый отца рекомендует: зачем тебе Выльгорт. На войну заберут и здесь. Только сообщи о себе, куда надо...

Так и вышло. Спустя полтора месяца в феврале 1942 года Федор Объедков уже с печорскими товарищами оказывается в Котласе. Не попрощавшись с родителями, с младшими братьями. В Котласе формируется отдельная зенитно-артиллерийская батарея. А вскоре в составе 28-й Невельской дивизии бьет врага под Великими Луками.

— Ох и бомбил немец. Полным хозяином чувствовал в небе. Дело в том, что в первое время даже нужного отпора не могли дать. Боекомплектов, снарядов не хватало. Странно, но воевали по норме: выпустить по врагу пять снарядов в сутки. На расчет. Не более. Но позже, к концу года давали жару по авиации врага по полной катушке, — вспоминает бывший зенитчик.

Не обижен наградами ветеран. Прошу рассказать хотя бы о некоторых из них. А он подает мне не орден и не медаль, а знак «Отличный артиллерист». Говорит, что ценит его не менее орденов. А вручен он был солдату за летне-осенние бои под Великими Луками. Немало вражеских самолетов было сбито в этих боях артиллеристами батареи. Тут же медаль «За отвагу» за сбитых два самолета в одном бою.

Всю войну Федор Ефимович прошел артиллеристом. Все в одном полку, даже в одной батарее. Не раз был ранен. Но каждый раз догонял свою часть. Победа застала его в Кенигсберге (Калинград).

Возвращается солдат Федор Объедков в республику в сорок шестом в припечорский поселок Щельяюр. Здесь уже жили переехавшие из Корткероса родители, здесь работали братья. Из шести

братьев у четверых юность опалила война. Один не вернулся с фронта. Погиб Алексей под Воронежем, защищая отцовский край, места своего детства.

Демобилизованному воину тут же предлагают работу. До 1962 года преподает историю, математику в Щельяюрском ремесленном училище. «Здесь обзавелся семьей. Незаметно время прошло. Два года назад уже золотую свадьбу отметили», — улыбается ветеран. Жена, Нина Михайловна, тоже всю жизнь отдала школе, воспитанию молодых.

После переезда в Печору и до выхода на пенсию в 1988 году Ф.Е. Объедков трудится в системе народного образования Печоры. Долгие годы — в школе-интернате № 1. Только в 1966-м сбывается предвоенная мечта — заканчивает пединститут в Сыктывкаре.

Пришло признание ветерану войны и за мирный труд. В 1976 году он был награжден орденом Октябрьской Революции. А через некоторое время ему присваивается почетное звание «Заслуженный учитель Коми АССР».

Говорят, человек счастлив семьей. Не только работой. И с этой стороны у Федора Ефимовича, как сам говорит, дай Бог каждому. Воспитали сына и дочь. Дочь — учитель, живет и преподает в Москве. Сын с хорошей специальностью. По стопам дедушки и бабушки шагает внучка Елена. Она — филолог, работает в Тюмени, растит сына.

При недавней встрече, уже в конце разговора, поинтересовался у ветерана, как он спустя много лет оценивает вынужденное переселение с родных мест в столь холодный край. Нет ли зла до сих пор?

— Советскую власть воспринимал всегда как истинно народную. И зла, естественно, никогда не держал. Всем нам земля Коми стала второй Родиной. Никогда никаких гонений, какой-то ущербности не испытывал. Все братья получили нужную специальность. Отец же часто говорил: «Никогда не путайте власть с действиями отдельных чиновников», — таким был ответ ветерана. А подумав, добавил: «Зло рождает сегодняшнюю действительность. Детские организации развалили. Подрастающее поколение

учат плевать на историю страны, значит, и на Родину. Растет армия детей, у которых родной дом не школа и не семья, а улица. Чуть ли не каждый четвертый под разным предлогом не хочет служить в армии. Господствуют везде и всюду лишь деньги...»

Грустно, наверное, не только ему, но и всем, кто защищал от врага социалистическое Отечество, а потом с неменьшим трудом восстанавливал его, поднимал из разрухи. Невольно загрубоешь. Но Федор Ефимович все же верит в лучшее будущее страны, стало быть, и его народа. «Надеюсь, что в России наступит время, когда у внуков да правнуоков вновь появится полная возможность работать, учиться, отдыхать, лечиться. Словом, чувствовать себя в своей стране истинным гражданином».

ОДИССЕЯ ВЕТЕРАНА

По-разному складывались судьбы фронтовиков в годы войны. И повезло тем, кто до конца выполнил свой солдатский долг, остался жив на радость родным, близким, друзьям. Повезло в этом отношении и Анатолию Михайловичу Овчинникову — известному в Печоре человеку, члену президиума городского совета ветеранов войны и труда, заслуженному работнику культуры Коми АССР, кавалеру трех боевых орденов и множества медалей. Немалоинтресна его одиссея по фронтовым и мирным дорогам жизни...

После ожесточенных уличных боев при штурме и взятии Берлина стрелковая рота лейтенанта Овчинникова с частями и подразделениями 69-й армии форсированным маршем двинулась дальше на запад, освободив по пути 4 мая 1945 года фашистский концлагерь с французскими узниками, и уже на берегу Эльбы, в предместьях древнего германского города Магдебурга, встретила долгожданный день Победы. Опьяненный радостью и запахами чужих майских трав, сидел на берегу молодой, не по годам поседевший советский офицер и смотрел за реку, куда беспрепятственно ушли под опеку англо-американских войск недобитые гитлеровские части и переодетые эсэсовские ударные группы. Смотрел и думал о том, что от Волги и Сталинграда до Берлина и Эльбы смерть не раз пыталась вышибить его из седла. Но тщетно. Наверно, завороженным был он в детстве.

Родился Анатолий Михайлович в феврале 1920 года на берегу могучей сибирской реки Обь в городе Барнауле в семье лесничего и фельдшера-акушерки. Жил, как и все мальчишки, со своими тайнами, потасовками. Род в период НЭПа, коллективизации, индустриализации, прекрасной романтики и страшных репрессий. Был очень любознательным и потому не любил долго сидеть на одном месте. Окончив 9 классов в Омске, уехал в Свердловск и поступил там на индустриальный рабфак, а потом в Новосибирский институт военных инженеров транспорта (НИВИТ). Проучился в нем год. Забрали с товарищем документы, подались к морю и поступили в Одесский строительный институт. И куда еще завела бы его географическая фантазия, если бы не началась война. В декабре 1941 года призвали в армию и послали в Астраханское пехотное училище. А уже в мае 1942 года новоиспеченный младший лейтенант был отправлен на формирование части в Ростов-на-Дону навстречу врагу, рвущемуся к Волге и на Кавказ. Получил назначение в 753 полк 192 стрелковой дивизии. Ему доверили командование стрелковым взводом, с которым он участвовал в многочисленных боях против войск 6-й армии Паулюса, отходя под натиском превосходящих сил противника в сторону Сталинграда.

В июле гитлеровские войска в районе Суровикино прорвали нашу оборону по реке Чир, правого притока Дона, и двинулись на Калач, окружив с юго-запада и с северо-запада 6 наших стрелковых дивизий. Больше недели, практически без боеприпасов и продовольствия, пробивались остатки обескровленных подразделений и сильно поредевший взвод Овчинникова через кольцо окружения к тихому Дону. И последующие бои на внешних оборонительных рубежах Сталинграда доводили солдат до безумия. Но приказ Сталина: «Ни шагу назад!» выполнялся ценой многих и многих жизней. И вот на одном из участков, в районе большой излучины Дона, 2 августа 1942 года при отражении очередной психической атаки гитлеровцев, которых поддерживали танки и «мессеры», Анатолий Овчинников был ранен в ногу. Пуля повредила кость стопы. На руках вынесли командира из пекла боя. Ранение было серьезным, и его отправили в район Саратова, а потом в тыловой госпиталь, в Новосибирск, в его родные края. Лечили его опытные хирурги и за девять месяцев поставили на ноги. Помогала душевным теплом и заботой мама, которая проживала в ту пору в этом городе.

После госпиталя бывалый офицер долго служил по месту выписки помощником командира маршевой роты, готовившей молодое пополнение для фронта. За отличие рекомендовали его на преподавание в сержантскую школу. Но попав как-то под горячую руку командира полка, посетившего роту и не любившего советов от младших по чину, а тем более пререканий, Овчинников в качестве наказания вместе с маршевой ротой очутился на передовых позициях 1-го Белорусского фронта, где и начался очередной этап его фронтовой одиссеи. Во время одного из боев у берегов западного Буга в июле 1944 года, когда рота ворвалась во вражеские траншеи и вступила в рукопашную, он краем глаза увидел блеск оптического прицела, отшатнулся, но все же получил удар снайперской пули, но не в грудь, не в лоб, а по касательной в нос. В глазах потемнело, хлынула кровь. Как подкошенный, упал он на дно траншей. Подбежавший сержант быстро забинтовал ему лицо, и Овчинников побежал в санроту, а затем на попутке в медсанбат, чертыхаясь на чем свет стоит, ибо не хотелось ему уподобляться герою известной гоголевской повести. Военврач оказался на редкость удачливым и пришил нос по всем правилам косметической хирургии. Через полмесяца командир был снова в строю. А спустя время, уже в Польше, на Пулавском плацдарме, осколком разорвавшейся невдалеке мины он был опять ранен в ногу. Кость, к счастью, не задело, поэтому лечился не очень долго, а по возвращении в часть ему доверили командование ротой...

Нелегкими были фронтовые дороги по польской земле до германской границы. От Ковеля до Лебуса, сквозь свинцовые вьюги, прошагал Овчинников с боями, форсируя и малые, и большие реки, такие, как Западный Буг, Висла, Варта. И вот перед ним очередная крупная водная преграда — река Одер. До Берлина рукой подать, километров 60—70, а у него, кроме трех ранений, ни одной награды.

Первой форсировать Одер на определенном участке было поручено роте Овчинникова. Ему предписывалось захватить плацдарм на берегу противника и обеспечить быстрое продвижение других подразделений полка. В ночь на 31 января 1945 года задание было выполнено почти без потерь, и наши подразделения стали выбивать фашистов из сильно укрепленных позиций района Зеловских высот. За эту операцию Анатолий Михайлович был награжден офицерским орденом имени великого русского полководца

Александра Невского. Потом до самого логова врага три месяца шла череда кровопролитных боев. А в самом Берлине рота Овчинникова показала чудеса храбрости. Командир был представлен к ордену Красной Звезды, награждены многие бойцы роты.

Попив водицы из Эльбы, А.М. Овчинников ждал приказа на демобилизацию. Но его послали руководить сельхозработами в места прежних боев в Польшу, а после завершения уборочных работ он попал в «ОПРОС» (отдельный полк резерва офицерского состава). Демобилизовавшись в декабре 1945 года, он уехал туда, откуда призывался в армию, в Одессу, и преподавал там военную подготовку в станкостроительном техникуме. В дальнейшем пути его одиссеи по мирной жизни привели снова в Новосибирск. Работал там в отделении Госбанка и заочно учился в финансово-экономическом институте. И тут опять заговорили в нем гены путешественника. Он уехал в 1952 году в самый холодный край — в Якутию. Долгое время работал в Якутске и в Верхоянском районе в отделениях Госбанка. В 1962 году был снова приглашен в Якутск, где сначала работал начальником планово-экономического отдела конторы Госбанка, а потом первым заместителем председателя Госплана Якутской АССР.

Хотя Анатолий Михайлович обладал (и обладает сейчас) отличным здоровьем, все же решил перебраться туда, где потеплее. Предложили место в Коми АССР и в Ханты-Мансийске. Он выбрал наш край, так как здесь есть железная дорога и недалеко Москва. Приехал в Печору в 1967 году и вот уже 32 года отдает ей тепло своего сердца. Работал управляющим отделением Госбанка, в планово-экономической службе управления «Печорстрой». Ведет активную общественную работу: 15 лет был председателем правления городского общества «Знание», является бессменным членом президиума городского совета ветеранов войны и труда, поет в ветеранском хоре.

По торжественным случаям сверкают у него на груди ордена Отечественной войны, Александра Невского, Красной Звезды, медали: «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и многие другие, в том числе две медали маршала Жукова. Это заслуженные награды за верное служение Отечеству — автографы жизни.

ИЗ БОЯ В БОЙ

Кто прошел с боями тысячи километров, притом отодвинутых десятками лет от Великой Отечественной войны, тот действительно затрудняется выделить самый памятный бой. Вот и В.С. Павлов неопределенно сказал:

— Пожалуй, самые первые. Мне было всего восемнадцать лет, когда после полковой школы в звании сержанта в 1943 году направили во вторую танковую армию генерала Богданова, где по распределению попал в минометный батальон 15-й моторизованной бригады полковника Акимочкина. Не успели мы, новобранцы, еще как следует осмотреться, притереться друг к другу, получили приказ на освобождение сел — Писаревка и Чесноковка, что под Киевом. Бой оказался успешным. А потом освобождали Умань, Белую Церковь, Ямполь и другие населенные пункты в Винницкой области.

Особенно тяжело пришлось под Уманью. Осенние дороги так развезло, что даже танки продвигались с большим трудом, не говоря уже об автомашинах, хотя их колеса были «обуты» в железные цепи. Часто и безнадежно застревали. Минометы весом по 63 килограмма, винтовки, боеприпасы к ним тащили на себе. А наш полковник Акимочкин сквозь адскую усталость еще находил возможность подбадривать и шутить: «Ну что, ребята! Душа — на машине, ноги — на земле». И все-таки эту Умань мы умяли.

Подойдя, например, с тыла к тоже застрявшей в непролазной грязи и растянувшейся на полтора километра колонне немецких автомашин, такой огонь открыли, что она заполыхала огромным костром...

На всю оставшуюся жизнь запомнятся мне и кровопролитные бои за город Яссы, где находилась крупная, сильно укрепленная Кишиневская группировка фашистов. Пальба из всех видов орудий как с нашей стороны, так и со стороны противника, слилась действительно в какой-то один протяжный, адский вой. Солнце затмилось тучами пыли. Кругом горели подбитые танки и самоходные орудия. Озеро рядом с городом походило на большую чашу с кровью. Очень многое полегло тогда на поле брани и немцев, и наших. Одно утешало — победа в том незабываемом бою оказалась за советскими солдатами.

Однако война для В.С. Павлова на этом не закончилась. После сражения под Яссой армию генерала Богданова повернули на Белоруссию, где брали такие города, как Минск, Могилев, Любомль. Немцы, конечно, и здесь оказывали отчаянное сопротивление. И если в моменты сильного обстрела пехота могла укрыться в траншеях и окопах, то минометным расчетам приходилось вести ответный огонь по врагу на поверхности земли и жертвовать собой ради других.

Из Белоруссии советские войска устремились в Польшу и вместе с поляками начали ее освобождение. Брали Демблин, Люблин, где и получил Валентин Семенович первое тяжелое ранение. Четыре месяца находился в общефронтовом госпитале. Из таких же, как он, залечивших раны сержантов укомплектовали роту и вместе с другими подразделениями бросили на Варшаву. Однако дальнее продолжить фронтовой путь В.С. Павлову не довелось. Его с боевыми друзьями оставили наводить порядок в столице Польши и вести борьбу с недобитыми врагами. С нескрываемой завистью пришлось смотреть, как шли наши войска на Берлин. Но и в Варшаве солдатам работы хватало. Здесь он и услышал долгожданную весть о безоговорочной капитуляции Германии. В Варшаве Валентин Павлов пробыл до 1948 года.

Валентин Семенович вернулся туда, откуда его призывали в армию — в Печору, и по стечению обстоятельств как бы продолжил свою службу, проработав в горвоенкомате более четверти века. Он воевал в составе 1-го и 2-го Украинских, 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Его ратный путь отмечен орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Варшавы» и многими другими.

Т. ЮРЧЕНКО

«ДОЧКА, МИЛАЯ, НАША БУДЕТ ПОБЕДА»

Этой фронтовой фотографии более полувека, но она хорошо сохранилась. С нее на меня смотрит молодая, красивая девушка в гимнастерке и черном берете. Над правильно очерченными бровями — строгие, светлые глаза. Русые, вьющиеся волосы. Сейчас Наталье Андреевне Паньковской — 77 лет, но если хорошенько присмотреться, то в этой немолодой уже женщине проглядывают черты прежней двадцатилетней Наташеньки Борзых.

Хоть и родилась она в деревне, но всегда мечтала жить в городе. Может, оттого и профессию выбрала себе «городскую» — медсестра. Медицинский техникум она закончила в 1940 году и до начала войны успела 10 месяцев отработать в больнице в городе Малоархангельске (Курской области).

Повестку получила в августе 1941 года. С этого момента началась ее фронтовая биография. Может, кто-то скажет: «Ну какая там война у медиков? Они и на передовой-то не все бывали». Наталья Андреевна тоже так думает, но это из-за природной скромности. Ее военные награды говорят о другом: орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги», медаль «За взятие Кенигсберга», «За победу над фашистской Германией» и еще четыре юбилейные медали.

Для нее война закончилась в октябре 1945 года. Победный май со своим госпиталем она встретила в Восточной Пруссии, а 1 июля их отправили на Дальний Восток, где в начале августа началась война с Японией.

На мой вопрос, кому на войне тяжелее: мужчине или женщине, она, немного подумав, ответила: «Конечно, мужчине. Женщина как-то быстрее психологически приспосабливается к самым разным условиям. Она и на войне остается женщиной».

В многодетной семье Борзых из деревни Просека Колтнянского района Курской области она была старшей среди детей. А всего их было 10. С 6—7 лет пасла гусей. Родители были простыми колхозниками. В поле до 12 ночи, а в 4 утра — подъем, и снова за дела. Так что вся работа по дому держалась на детях. В семье было не принято бить их, да и родителям они никогда не перечили. Особенно боялись отца, одного его взгляда. Так что за плечами у нее была хорошая школа закалки.

Но к бомбежке на войне Наталья так и не смогла привыкнуть. С осени 1944 года она оказалась в военно-полевом госпитале № 2266, где работала операционной сестрой вместе с Н. М. Амосовым. Он тогда был главным хирургом. «Стоишь, бывало, на операции, — вспоминает Наталья Андреевна, — одним ухом слушаешь, что говорит врач, а другим прислушиваешься, не слышно ли взрывов. Амосов об этом знал и когда видел, что я отвлеклась, приводил меня в чувство грозным окриком: «Наталья!..»

А до этого Наташе пришлось познакомиться с санитарной лептушкой, поездом, который вывозил раненых с передовой. И только единственный раз среди них оказался знакомый, Вася, парень из их деревни. То-то радости было, несмотря на то, что он был ранен. Когда поправился, на несколько дней заехал к своим в деревню, и вскоре она получила письмо от родных.

Только молодость, вера в победу и огромное желание приблизить ее помогли ей выстоять. «Ведь работали не покладая рук, — вспоминает Наталья Андреевна. — Заканчивали в 2 часа ночи, а в 7 опять на работу. Но мы не роптали. Получишь свои 300 граммов хлеба и бежишь город расчищать от бомбёжек». Как-то на станции Наташа увидела старичка. Подошла к нему и спросила: «Дедушка, чья будет победа?» Как сейчас помнит Наталья его слова: «Дочка, милая, наша будет победа».

...Наверное, каждому фронтовику, будь он простым солдатом или генералом, есть что рассказать о военных годах. Другое дело, что не всегда хочется. Наталья Андреевна вспоминала события военных лет долгие годы и во сне, и наяву. Это совсем непросто. Даже спустя 55 лет женщина не может удержать слез, едва заслышив вопрос: «А вы часто вспоминаете войну?»

И все же об одном случае, о котором она помнит, будто это случилось вчера, она рассказала. Послали ее как-то в командировку в Орловскую область. Приходит на станцию, видит, стоит товарный эшелон. Подходит к машинисту и просит, чтоб ее взяли. «Устраивайся, милая, в тамбуре», — отвечает он ей. Почему она этого не сделала, не может объяснить. Только отошла подальше от паровоза, как в него попала бомба. Похоже, десница божья отвела ее от того места, которое грозило ей гибелью.

Кроме нее, на войне воевали еще два брата. Сейчас из десяти в живых осталось четверо. Когда вернулась домой, председатель сельсовета не давал ей справку с места жительства. Он хотел, чтоб она осталась в колхозе. Но у нее были другие планы: уехать с подружкой в Донбасс. Там вышла замуж за Паньковского... В Печору они приехали в 1954 году. Прикипели к ней душой и телом. Она и здесь осталась верна своей профессии. Немолодые ее коллеги помнят ее старшой медсестрой ЦРБ, а с 1966 года — тубдиспансера, где она проработала до самой пенсии. Наталья Андреевна была строгой и внимательной: не дай Бог где пылинку заметит. Зато на генеральной уборке — она в числе первых. Зелень, цветы должны были окружать и место работы. Все кустарники и деревья возле тубдиспансера посажены и ее неутомимыми руками. Даже коллеги из 8-й отделенческой больницы приезжали полюбоваться.

По достоинству оценило ее труд и руководство. Она отличник здравоохранения, награждена медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда».

Двор дома по Печорскому проспекту, где она до сих пор живет (дочь с внуками в Донбассе), и сейчас один из лучших: чистый, ухоженный, красивый, как душа этой русской женщины, способной устоять в самых нечеловеческих условиях.

На снимке: Н.А. Паньковская, г. Курск, 1944 г.

В. СЕМЯШКИНА

ОГНЕННЫЕ ВЕРСТЫ ТАНКИСТА

Нельзя сказать, чтобы война как-то сильно повлияла на жизнь и судьбу уроженца старинного припечорского села Соколова Анисима Пастухова: уйдя на фронт в январе сорок второго с поста председателя местного колхоза «Луч», он вернулся в родное Соколово и... продолжал руководить колхозом, а потом и отделением совхоза «Печора» еще многие десятилетия.

Всего-то полтора года в долгой и богатой на события биографии знатного в районе человека, а если «скостишь» танковую школу и госпиталь — и того меньше... Но помнит Анисим Федорович чуть ли не каждый день из тех огненных месяцев. Слишком страшными они были. Слишком жестокий след оставили в памяти молодого припечорца...

Хотя и до войны в жизни Анисима Пастухова было далеко не безоблачно. В тридцать пятом раскулачили отца: слишком большим богатством показались властям четыре лошади и пять коров в крепком хозяйстве местного крестьянина Федора Пастухова, в большой семье которого Анисим был единственным сыном. Конфисковали скот и имущество. Так что уже четырнадцатилетним подростком Анисим Пастухов наравне со взрослыми работал зимой на лесоучастке, а летом — на сплаве. Потом вступил в колхоз.

Но власть быстро приметила сметливого и работящего парня и... закрыла глаза на его «кулацкое» прошлое: уже в тридцать седьмом юноша руководил местной МТФ и был заместителем председателя колхоза, а в сороковом стал его председателем.

Прервала мирную жизнь война. После окончания в Вологодской области танковой школы он попадает под Москву, в резерв танковых войск, откуда на только что отремонтированном на ремзаводе танке вместе со сформированным тут же экипажем с боями дошел до Малоярославца. Однако вскоре пришлось ненадолго вернуться назад: в одном из боев танк был разбит, и экипаж остался без машины. Между тем продвижение советских войск в юго-западном направлении продолжалось. Фашисты, постепенно отбрасываемые назад, жестоко сопротивлялись, и танковый экипаж, башенным стрелком в котором был Анисим Пастухов, на всегда запомнил эти горячие дни, особенно продолжавшееся две недели сражение за город Сухиничи, что в Калужской области.

Сегодня, вспоминая по прошествии десятилетий те бои, Анисим Федорович видит перед собой лишь разрывы снарядов, шквал огня да еще лицо и руки своего заряжающего Добрынина, вологодского парня, след которого он впоследствии долго и тщетно искал...

В феврале сорок третьего экипаж его «Матильды» (танкист Пастухов воевал на машине союзников, внешне напоминавшей наши «тридцатьчетверки», но с гораздо более уязвимой броней) продолжал наступление в составе 187-й танковой бригады на Западном фронте. Преодолевать сопротивление немцев приходилось с трудом и огромными потерями, с тяжелыми боями освобождая каждый населенный пункт. Один из них — село Заячья Гора в Калужской области — стал последним.

— Укрепленный на холме противник буквально не давал высокивать голову, — вспоминает Анисим Федорович, — стрелял без передышки. А место очень открытое, все вокруг занесено снегом. 15 суток воевали, но так и не удалось их тогда одолеть. У нашего танка разорвало гусеницы, пушку разнесло... Что делать? Кругом — горящие соседние танки, шквал огня, сотни погибших товарищей... Командир принял решение выбираться из танка и пробраться к какой-нибудь из более или менее сохранившихся машин, хотя бы укрыться на время: наша постоянно находилась под обстрелом, да и вдребезги уже была разбита... А я должен был пойти

следом. Пока же меня оставили отстреливаться, чтобы отвлечь противника... Я так и не увидел, дошли ребята до укрытия или нет. Скорее всего, сразу погибли — все трое...

Иначе след все равно нашелся бы. Ведь потом, уже после госпиталя, Анисим Пастиухов пытался найти своих товарищев, свой экипаж, обращался в часть, писал в Вологду... Так ничего и не удалось ему узнать об их судьбе.

Тогда же, оставшись один в разбитом танке, окруженный горящими машинами и погибшими бойцами соседних экипажей, Анисим решил все-таки попробовать выбраться из этого пекла, добраться до своих. Вышел через десантный люк из танка, но не успел и десяти шагов сделать, как заметили: начали обстреливать из разных орудий. Перекрестный огонь, почерневший снег вокруг — и ни живой души. Все-таки улучив момент, боец бросился в снежный ров, затаился... Ночью начал двигаться, но вновь заметили и стали бить уже из минометов. Один снаряд оказался прямо под ногой, взорвался. Оторвало толстенную подошву румынского ботинка, нестерпимо обожгло ногу... Может быть, тут бы и остался лежать Анисим на веки вечные, отчаявшись выбраться из этого огненного ада. Но... совсем рядом, за рекой, «звали» раненого танкиста наши костры.

— Нога горела просто невыносимо, — рассказывает Анисим Федорович, — перевязал ремнем и начал потихоньку двигаться. Всего-то и нужно было — перебраться через реку Жиздру, на другом берегу которой стояли наши части. Но ничего более сложного и страшного не было в моей жизни, чем этот выход из танка и переход к своим. На меня одного сотни пуль враг израсходовал. Но, видно, не суждено было погибнуть. Удалось-таки переползти через Жиздру. Да ведь и река-то неширокая, как наша Лиственная. Переbralся, вижу — двое навстречу бегут. Оказалось, помощник командира батальона по политчасти и один из солдат. Подхватили меня, дотащили до полевого госпиталя. Там сразу сделали операцию и на лошади отправили в тыл.

Испытания, выпавшие на долю солдата, на этом не закончились. Многое еще пришлось увидеть и перенести, хотя, как признается Анисим Федорович, самое страшное было все-таки позади.

— Проехав на лошади километров десять, добрались до какого-то селения, где в огромном помещении бывшего овощехранилища

ждали своей отправки в тыл сотни таких же раненых бойцов, — вспоминает Аниким Федорович. — Лишь через трое суток нас на машинах начали переправлять в Калугу. Но и там все возможные помещения — школы, больницы, клубы, да весь город был забит ранеными... Отправили в госпиталь в Москву, где полтора месяца и пролежал в гипсе...

Ранение Пастухова оказалось серьезным: вся пяточная кость была раздроблена. Решили отправить в глубокий тыл. В одном из пермских госпиталей Аниким Федорович пролежал еще два с половиной месяца. Через каждые десять дней в госпитале работала комиссия: кого-то выбраковывали, кого-то возвращали на фронт. Аниким Пастухов оказался среди тех, чей фронтовой путь с ранением завершился.

Вернулся в родное Соколово. Оставленное на детей да женщин хуяйство с нетерпением ждало крепкой и сильной мужской руки.

— Всего пять дней дали отдохнуть, — говорит Аниким Федорович, — а ведь еще и ступать-то по-хорошему на раненную ногу не мог...

Старожилы Печорского района, да и многие за его пределами хорошо помнят успехи славившегося на всю округу в послевоенные годы и позже соколовского хозяйства, его людей и его руководителя — потомственного крестьянина и талантливого организатора Аникима Федоровича Пастухова.

Но это уже — другая история. Тоже нелегкая, но уже мирная жизнь. Жизнь, которую ветеран Великой Отечественной, почетный гражданин Печоры Аниким Федорович Пастухов прожил так же достойно, как достойно защищал Отечество.

И свидетельством тому — орден Трудового Красного Знамени, который ветерану не менее дорог, чем боевые медали и ордена, в том числе медаль «За боевые заслуги» в боях под городом Сухиничи, ордена Отечественной войны I и II степеней, другие фронтовые награды... Об этом же говорят и благодарная память земляков-соколовцев, и доброе на земле продолжение — дети и внуки, в которых они с женой, сельской учительницей Ольгой Егоровной, вложили так же много любви и сил, как привыкли вкладывать в труд на благо людей, что всегда — и в лихую годину, и в мирные дни считалось в этой семье неоспоримой ценностью.

Т. СЕМЯШКИН

ДВА БОЯ И ДОЛГАЯ ВОЙНА

В конце шестидесятых я занимался сбором материала по истории села Соколова. Для альбома. Со многими сельчанами пришлось беседовать, просматривать семейные архивы. Как-то в одном доме обратил внимание на пожелтевший снимок. Красавец-боец с сержантскими погонами... «Участник войны. Несколько раз ранен. Живет и работает в Печоре», — объяснили в доме.

Возникло желание встретиться. Проходило время, а как-то все не получалось. Встретились неожиданно. В горвоенкомате.

Тогдашний военком В.П. Парышков, а было это в 1984 году, к груди ветерана прицепил сразу две награды — медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды.

Плотный, среднего роста, с седыми волосами ветеран заметно волновался. Видать, нахлынули воспоминания. Познакомились, а разговор получился не сразу.

...Федор Пастухов в год начала войны закончил Щельяюрское ремесленное училище. В шестнадцать лет взял в руки плотницкий топор и два года работал на стройках поселка речников, будущего города. Многих построек, которые поднимал Федор, сегодня нет в Печоре. Город обновляется. Но, как говорит ветеран, разобраны не все. По улице Ленинградской и сегодня радуют глаз

три двухэтажных дома, которые строил он. 55 лет стоят они, не покосились от времени.

В январе сорок третьего Федор Пастухов со своим школьным товарищем Иваном Пастуховым отправились на фронт. Повестка застала в Соколове. Попрощались с родными и зашагали по санной дорожке в сторону Кожвы. Свое восемнадцатилетие встретил в действующей армии — 297 стрелковом полку.

Лето 1944 года. Южная Карелия. Бой за боем. Взвод, в составе которого воевал Федор Пастухов, одним из первых форсирует Свири.

Горячая и затяжная битва шла 15 июля. Поредел батальон. Пулеметный расчет противника, замаскировавшись у опушки леса, поливал свинцом без передышки. Одна за другой захлебывались атаки... Как вспоминает ветеран, после очередной безуспешной атаки командир взвода Гуськов попросил: «Нужно, чтобы пулемет замолчал. Очень нужно, Федор». В словах и просьба, и приказ, и мольба.

— Взял гранаты, винтовку. От бугорка к бугорку, от куста к кусту перебежками, а где ползком, добирался к цели. Вскоре понял: пулемет врага за большим пнем. Расчет — три немца. Действуют, стоя в яме. Еще пополз. Взял на прицел одного, потом второго... Выстрелил, и вдруг все куда-то поплыло... Рядом разорвался снаряд. Очнулся уже в госпитале, — вспоминает Федор Яковлевич.

Уничтожение расчета дорого обошлось молодому бойцу. Раненного в лицо, грудь и плечо товарищи доставили в медсанбат. Три месяца пришлось «ремонтироваться» в госпиталях. Поставили на ноги. Зашагал дальше по дорогам войны. «В свою часть не попал. Обидно и досадно было в первые недели», — словно и сегодня сожалеет об этом Федор Яковлевич.

Прошло сорок лет с того летнего боя. Сорок лет спустя награда все же нашла Героя. Из документов явствовало, что за этот отважный поступок он был награжден 9 июня 1945 года орденом Красной Звезды. Вот как бывает.

— А за какой бой медаль, что шла за вами тоже сорок лет? — поинтересовался у ветерана. Попросил рассказать.

После госпиталя Федор Пастухов попадает тоже в пехотные части. Командир отделения. С оружием в руках освобождает Польшу, германские села и города. Не раз бывал в разведке. Много горячих схваток и затяжных боев в памяти ветерана. Но последний, как говорит ветеран, наверное, не забыть до конца дней.

Взвод, в составе которого и отделение Пастухова, посылают в разведку в небольшой немецкий городок Штольн, что на пути батальона. На месте узнали: основные силы гарнизона покинули город. Остался лишь штаб батальона. И охрана. Как выяснилось после — целая рота.

— Командир, посоветовавшись с нами, решил атаковать. Не больше часа длился бой. Ошеломленный нашей внезапностью, противник растерялся. Сопротивлявшихся уничтожили, многие поднимали руки. Только офицеров в плен взяли двенадцать. За этот бой, наверное, и был представлен я к награде, — таков рассказ ветерана о последней схватке с врагом.

Но почему «наверное»? Дело в том, что тот бой оставил бойцу еще один серьезный рубец. Пуля врага прошла через грудь навылет. Снова он в руках военных хирургов. В госпитале застает Победа. Но служба продолжается и после войны. Боец Федор Пастухов еще долгих три года продолжал фронтовые пути-дороги. Только весной сорок восьмого возвращается он в родное Припечорье. Всю послевоенную жизнь связывает с речным портом, где отработал до выхода на пенсию...

— 55-летие — светлый и большой праздник, но все чаще грусть и уныние посещают нас, оставшихся. Ряды ветеранов «бегом» редеют. Из знакомых фронтовиков осталось — на пальцах одной руки можно сосчитать. Время берет, — грустит ветеран. Называет имена тех, с кем рос, уезжал на фронт, с кем было связано трудное послевоенное время.

Как он говорит, лет пять назад не стало и родного брата Ивана Яковлевича, прошедшего войну от самого начала и до конца. Давненько нет друга детства, верного товарища И.И. Пастухова, с кем шагал в январе 1943 года по кожвинской дороге навстречу боям. Совсем недавно проводил в последний путь и Георгия Фи-

липпова, тоже ветерана войны, товарища по Щельяюрскому ре-
месленному училищу.

— Выходит, за них и за себя надо держаться, — храбрится
старый солдат.

На снимке: Ф.Я. Пастухов, г. Познань, февраль 1946 г.

Т. СЕМЯШКИН

ЧЕТЫРЕЖДЫ ВЕТЕРАН

Второй год шла война. Редели села и деревни мужским населением. Пришла очередь и восемнадцатилетнему Николаю Петялину, юноше из Великого Устюга. В сентябре сорок второго с группой таких же молодых ребят-земляков он попадает под Мурманск. Со станции Кола забрасывают в район поселка Мурмаша. Формируется батальон для охраны и обслуживания военного аэродрома.

Не было дня, чтобы над головой не висели самолеты врага: бомбят, пикируют, поливают из пулеметов. «В первые дни очень даже жутко было. Но человек, видать, ко всему привыкает», — вспоминает ветеран.

Батальон, в составе которого и юноша с Вологодчины, полтора года охраняет аэродром от бесконечных воздушных атак врага. Доставляет горючее, боеприпасы, другое снаряжение. Не без потерь. Гибнут, уходят по ранению товарищи, их место занимают новые бойцы. Во время одной из бомбежек серьезную контузию получает и солдат Николай Петялин. Более двух месяцев лежит в госпитале прифронтового Мурманска. Возвращается в свой батальон.

С первых дней Педсамо-Киркенесской операции авиационная часть, в составе которой воюет Н.И. Петялин, участвует в освобождении Советского Заполярья. Прорывают последние оборонитель-

ные рубежи западнее Мурманска. Озера Чапр и Кошкяяvr, губы Малая Волоковская и Большая Западная Лица, города и поселки Луостари, Педсамо, Киркенес — все это в памяти ветерана. В памяти — горячие бои и в северной Норвегии.

Уже в конце сорок четвертого их часть перебрасывают к месту прежней дислокации. Снова на охрану аэродрома, обслуживание воздушных машин. Здесь, в Мурманске, и застает молодого бойца день Победы.

— Кроме, как в северной Норвегии, нигде в других государствах быть не пришлось. Обо мне не скажешь: пол-Европы прошагал... Но дыма порохового нанюхался вдоволь, — как бы подытоживает свой ратный путь ветеран.

Служба в армии продолжается и после Победы. Лишь в феврале сорок восьмого Николай Петялин возвращается в родные места. Вскоре поступает на работу в Котласскую водную милицию. После двухмесячной стажировки направляют в Печору.

Однинадцать лет служит в водной милиции Печоры. В пятьдесят девятом, когда органы водной милиции были упразднены, Н.И. Петялин переходит в городской отдел внутренних дел. Верой и правдой способствует правопорядку еще четверть века, до выхода на заслуженный отдых. Служит рядовым милиционером, командиром отделения.

...Ветеран. Как часто мы слышим это слово, ставшее таким привычным и знакомым. И ассоциируем его прежде всего с возрастом. Однако едва ли можно применить его по отношению к каждому пожилому. Ветеран. За этим не только полная седина в волосах, сеть морщин на лице. За этим — усердный многолетний труд, завидное постоянство, верность делу, общественная активность.

Все эти качества в полной мере можно и нужно отнести к Николаю Петялину, человеку в то же время исключительно скромному. Таким помнят его сослуживцы, таким знают его соседи по Весеннему переулку, где стоит дом, добротно сработанный своими же руками.

Стало быть, ветеран он в полном и нужном смысле слова. К тому же — многократный: ветеран войны, ветеран труда, ветеран милиции и даже ветеран города. Полвека безвыездно в городе.

Здесь вырастил троих детей, не жалуясь на трудности, не надеясь на кого-то, построил дом, условиям в котором позавидует даже житель благоустроенной квартиры. Вся жизнь — в Печоре.

— Приехал в сорок восьмом. Печора еще не носила ранг города. С тех пор и живу. Не представляю другого места, — говорит Николай Иванович и по моей настойчивой просьбе показывает все то, чем и как отмечены его ратная биография, долгие годы милицейской службы.

А наград у него , что называется, на полную грудь: орден Красной Звезды и два ордена Отечественной войны, медали «За боевые заслуги» и «За безупречную службу», знаки «Отличник милиции» и еще до десятка медалей да знаков.

Сорок один год отдано военной службе. Тридцать пять из них — службе в органах милиции, часто не менее опасной фронтовой.

Т. СЕМЯШКИН

ВОЙНА ЗАСТАЛА В ЭСТОНИИ

Поздеевых в Печоре немало. Наверное, не меньше, чем в Усть-Цильме. И на мой вопрос «Кто он?», в совете ветеранов города тут же уточнили: на гормлзаводе немало лет был директором. И этим, как говорится, все сказано.

С красивой ухоженной бородкой, молодыми, несмотря на солидное число лет, глазами, небольшого роста, но коренастый, о каких принято говорить: человек от земли — его часто можно встретить прогуливающимся. И всегда рядом с ним — жена, Екатерина Тимофеевна, с кем рука об руку идут по жизни вот уже 65 лет. А прогулки эти — обязательное правило их жизни: «Мороз либо пурга — не помеха подышать свежим воздухом. Выходим каждый день, пока ноги носят...»

...Старой Виски, деревушки под Хабарихой, где родился А.А. Поздеев, давно нет. Но тепло воспоминаний о местах юности не остывает у ветерана по сей день, хотя вот уже полвека живет в Печоре. «Какая была деревня! Да и в колхозе жизнь на диво получалась. Попала в список неперспективных, и нет деревни. Место заросло бурьяном», — жалеет ветеран.

На службу в Красную Армию Александр Поздеев был призван из родных мест в сороковом, предвоенном году. Было ему 24 года.

Давали отсрочку: дома оставались старый больной отец да молодая жена.

Война бойца 663 стрелкового полка Александра Поздеева застала в Эстонии, в пятидесяти километрах от Нарвы. Вот как он вспоминает об этом: «Полк находился в поле на учениях. Нас, десятерых бойцов, оставили на охрану хозяйства части, и вдруг — самолеты с крестами, посыпались бомбы. Только через час-два узнали о нападении Германии...»

Уже в июле начались оборонительные бои у Нарвы. Потом отступление. Под натиском превосходящих сил противника кто вплавь, а кто на подручных средствах перешли Нарву. Мосты были взорваны. Тяжелые сражения на Лужских оборонительных рубежах. Снова отступление. В одном из боев под Кингисеппом солдат Поздеев получает осколочное и пулевое ранение в ногу. Три месяца лечится в прифронтовом Ленинграде.

— Раны еще не совсем зажили, но отпросился на фронт. Не только я. Считали, что лучше умереть в битве с врагом, чем с голоду на госпитальной койке, — говорит о тех днях ветеран. Вся кормежка, как он вспоминает, была капустная похлебка да 300 граммов черного по цвету, испеченного из отрубей грубого помола хлеба.

Но война для Поздеева после лечения длилась всего-то чуть больше месяца. Оборонительные бои под Ленинградом, как он сам говорит, остались кошмарным сном в его памяти. 63-й стрелковый полк, в составе которого воевал рядовой Александр Поздеев, попадает в кольцо врага. С боями прорываются к Рижскому заливу. В одной из схваток с врагом, а было это 25 декабря сорок первого, Поздеев снова был ранен, на этот раз в плечо и довольно тяжело. Вышедший из кольца полк, в составе которого, как вспоминает ветеран, раненых было больше, чем невредимых, забирает на борт транспортное судно. Снова госпитальные дни.

Лишь в апреле сорок второго приезжает в свой Цилемский край. «Рука на перевязи не один год бездействовала. Пальцы даже не работали. Разработал вот, пальцы потом ожили», — поднимает кверху руку ветеран.

Его, двадцатишестилетнего, можно сказать, однорукого (правая не действовала), выбирают председателем колхоза. Не в Старых

Висках, а в Хабарихе, куда более солидном хозяйстве. Хозяйствует до конца войны. Потом работал агентом уполминзага, председателем сельпо в Хабарихе.

Уже в 1951 году он с семьей переезжает в Печору. Была тогда в городе межрайонная база «Комимаслопрома». Поступала сюда молочная продукция чуть ли не со всех припечорских колхозов. Было холодильное хозяйство, где заведовал несколько лет А.А. Поздеев. В самом начале шестидесятых, когда предприятия «Комимясомолпрома» в Печоре разделились, Александр Поздеев становится директором масломолзавода. В этой должности он работал десять лет, до выхода на пенсию в 1971 году.

А.А. Поздеев был уже на заслуженном отдыхе, когда его нашел орден Славы III степени, который был вручен ему в 1977 году за отличие в бою в декабре далекого сорок первого года.

Давно живет ветеран в благоустроенной городской квартире, но с родными местами связи не теряет. Ежегодно с весны до осени проводят с женой в Хабарихе.

— Река, заливные луга, знакомые с детства леса, чистый воздух — полное раздолье для души и тела. Особенно в нашем-то возрасте, — объясняет верность к гнездовым предков ветеран и уверенно добавляет: «Вот и нынче жду весну...»

И. БЕРЕЖНАЯ

«МАТЬ-ЗЕМЛЯ, ЗАЩИТИ ОТ АДА...»

Призвали Филиппа Прокшина в 17 лет. В бой не пускали, давали подрасти, подучиться. И лишь спустя полгода, в июле 43-го, пулеметчик станковых пулеметов в составе 2-го Украинского фронта понюхал пороху. Было это под Воронежем на станции Отрожки. Стояли в лесах во втором эшелоне. А в сентябре 43-го под залпами артиллерийских орудий на низком берегу Днепра принял боевое крещение. Когда выли над головой юнкеры, он, зарываясь в землю, шептал: «Родимая мать-земля, помоги, защити от этого ада...» Первые потери и сошедшие с ума ребята, плач однополчанина, искашего оторванную руку, и мат — все смешалось с трупным запахом уходящего дня.

Спустя время пулеметчик первый номер Филипп Герасимович Прокшин с другими расчетами спешил к реке, на плацдарм южнее Кременчуга: началось форсирование Днепра. Крошили немцы нещадно, но, считает он, выжить помогла смекалка и то, что вырос на Печоре. Обратил он внимание, что берег отлогий, значит, неглубоко, подумал, надо прыгать, иначе снаряд попадет и унесет расчеты на дно. Кричит своим: «Прыгай!» Не хотят. Тогда бросился первым и спас ребят. Под артиллерийско-минометным и пулеметным огнем перебежками цеплялись они за берег. На поляне их засекли немцы. Били из дота, не давая подняться. И здесь

Филипп взял на себя командование. Промокшие насекомые бойцы подчинились ему. Стреляли очередями, на этом Прокшин и построил свой расчет. Между обстрелом форсировали они протоку, волоком на шинелях вытянули стволы и залегли на песке. Не успели отдохнуть, перебросили на другой фланг. А там очередная протока и танки.

О боевых эпизодах Прокшин может говорить долго. Слушая, не перестаешь удивляться подвижности и артистичности человека. Актер, режиссер народного театра отнюдь не позирует, он словно растворяется во времени: то стоит на коленях, изображая раненого в мягкое место бойца, то тянет волоком оружие, то сосет болотную воду, то хлебает кашу из коробки для пулеметной ленты. И понимаешь, что это не поза: по-другому человек просто не может говорить о пережитом. Оно в нем, оно неотделимо. Поразило и знание истории. С энциклопедией «Великая Отечественная война» прошел он по тем местам, где воевал. Через 27 лет нашел ответ, почему же так прицельно били по ним фрицы (как оказалось, обосновались они на высоком берегу и видимость была как на ладони). Нашел свой окоп и памятник однополчанам (в братской могиле покоятся 520 человек).

И потом всю жизнь Филипп Герасимович возвращался к Великой Отечественной. Сколько было сыграно ролей в пьесах на военную тематику, сколько поставлено спектаклей! И на все он переносил юношеский азарт, который помог ему выстоять. Ну не мальчишество ли было, вцепившись в пулемет, вынашивать план охоты за снайпером или бросаться в поединок с пулеметным расчетом немцев? А брать на себя интуитивно командование в экстремальных ситуациях?

Лишь раз изменила ему судьба и наполнила сердце страхом. Оказалвшись в двойном кольце фашистов, с неразорвавшейся гранатой, он упал под пулями, уткнувшись лицом в помидорное поле. Молился, чтоб немцы не подошли, не заметили, что дышит, не добили. Молил и сердце: замри, не стучи.

Школой жизни для сельского паренька из Усть-Цилемского района в мирное время стала встреча с режиссером (репрессированым) В. Тимофеевым в клубе речников. Уважительный тон старшего и желание доказать, что и он что-то может, стали тем союзом,

которому не изменяют. Филипп Герасимович и сегодня, вглядываясь в зал, вспоминает актеров театра ГУЛАГ, волею судьбы ставших его учителями, научившими думать, двигаться на сцене, говорить, творить... «Молодая гвардия», «Свадьба в Малиновке», «Под каштанами Праги», «На линии фронта», «Трибунал», «Юность отцов»... Это было уже и ему по силам поставить на печорской сцене.

Не много наград у актера. Орден Отечественной войны II степени за бои на Днепровском плацдарме, медаль «За отвагу» да юбилейные медали. Но Прокшин — богатый человек: землей родной, укрывшей его от пуль, друзьями, открывшими путь в искусство, воспитанниками, впитавшими его горение, его пылкую страсть к театру.

СОЛДАТ, ЖУРНАЛИСТ, НАСТАВНИК

Памятно первое военное лето М.С. Пыстину, ветерану Великой Отечественной войны, прошедшему фронтовыми дорогами пол-Европы.

Выпускник Троицко-Печорской средней школы, Михаил Пыстин, как и его товарищи-одногодки, получает аттестат зрелости в день начала войны. А спустя три месяца комсомольцы района избирают его своим вожаком. Первый секретарь райкома ВЛКСМ в неполные семнадцать лет!

Война требовала быстрого взросления и на фронте, и в самом глубоком тылу. Вчерашние школьники, еще не окрепшие физически юноши и девушки, заменившие отцов и старших братьев на лесных делянках, на полях колхозов и за штурвалом речных судов, становились чуть ли не главной силой на производстве.

— У райкомовцев сороковых не в моде было засиживаться в тиши кабинетов. Старались всегда быть там, где комсомольцы, где молодежь. Вот тогда-то я и увидел по-настоящему свой район. Не было маленькой деревушки либо мастерского участка, где бы не пришлось побывать за неполный год секретарства. Слово — большое дело, если пользоваться им умело, если следовать своему сло-

ву. Не знаю, получалось ли это у меня, но молодежь шла за мной, верила, — вспоминает о комсомольских годах ветеран.

Ветеран войны. Давно привык к этому Михаил Степанович. А тогда? Тогда никто не думал о ветеранстве. Не думал и он. «Быстрее попасть на фронт, бить врага» — все чаще ловил он себя на мысли. Добивался этого просьбами в райком партии, в военкомат. И своего добился. В августе сорок второго семнадцатилетний (восемнадцать исполнилось только в ноябре) комсомолец Михаил Пыстин уходит на фронт. От Воронежа до Праги прошагал дорогой войны юноша с Верхней Печоры. На этом пути — Украина, Молдавия, Болгария, Румыния, Венгрия, Австрия, Чехословакия. Об этом пути напоминают и медали «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги»... В активе ветерана десятки городов, сел, поселков, известных и неизвестных высот, за взятие которых сражался, будучи командиром пулеметной, а потом командиром мотострелковой роты гвардии старший лейтенант Михаил Пыстин.

Много горячих схваток было на его пути к победному финишу. Ох, много! Но, как, наверное, и любому участнику войны, особо памятен первый бой.

— Крещение огнем принял в конце января сорок третьего, будучи заместителем командира роты 76 стрелкового полка. Немцы были только что выбиты из Воронежа, но цеплялись за каждое село, каждую деревню, чтобы закрепиться и удержать натиск наших войск. К станции, которую нам предстояло брать, шагали всю ночь и вышли ранним утром. Но, оказалось, что и враг не дремал. Ураганный огонь из пулеметов заставил нас залечь на мерзлом поле. И сразу послышались стоны, мольбы о помощи. Словом, освобождение станции стоило больших потерь, — рассказывает ветеран.

И, чуть задумавшись, продолжает: «В первом же бою ощутил близость смерти, понял суровую правду слов поэта «А до смерти — четыре шага». Закрываю глаза и до сих пор вижу юношу-пулеметчика своей роты. С оторванной рукой, с осколком в животе... Он скончался у меня на руках. А как цеплялся за жизни!..»

Размышляя о ратных делах М.С. Пыстине, невольно вспоминаю слова известной песни «Смелого пуля боится, смелого штык

не берет». Не по песне сложилась его фронтовая судьба. Не скажешь о нем: через всю войну без единой царапины... Пулям не кланялся, не прятался от них. Свидетельством тому многочисленные награды. Однако пули врага то и дело находили бойца. Пять раз они выводили из строя молодого офицера-гвардейца Михаила Пыстину, но каждый раз после госпитальных стен возвращался на передовую.

Бой под Прагой 3 мая сорок пятого, за шесть дней до победной точки, оказался для М.С. Пыстину последним в той долгой войне. Об окончательном крахе противника он узнал лишь спустя десять дней после Победы: все это время находился в беспамятстве.

Молодой организм, желание жить победили. В сорок шестом, после многих операций и долгих месяцев лечения Михаил Пыстин возвращается в родные места. С головой окунается в послевоенные проблемы. Работа секретарем райкома партии, учеба в партшколе, снова работа — заместителем директора леспромхоза по политработе, учеба в институте... Учеба и работа. Работа и учеба.

И все же основной послевоенный трудовой фронт у Михаила Пыстинина — журналистика. Отдано газетному делу более тридцати пяти лет жизни. Журналист, редактор, наставник...

В 1962 году статус «Ленинца» (в то время Печорская городская газета) был значительно повышен: газета стала органом обкома КПСС и Совета Министров Коми, единственной на все районы Припечорья. И подписывал ее с первых номеров М.С. Пыстин, работавший до этого редактором Троицко-Печорской газеты. Спустя три года «Ленинец» вновь стал городской газетой, но еще долгие годы коллектив его возглавлял Михаил Степанович. Чем же объяснить его редакторское долголетие, его авторитет в кругу пишущей братии тех лет?

Прежде всего его компетентностью. Умение видеть газету с первого взгляда, нетерпимость к творческой лени, а главное — умение оценивать журналиста по деловым качествам — все это помогало делать газету содержательной, интересной и оперативной. Умел он вовремя поддержать молодого журналиста, вдохнуть в него веру в свои способности, заметить в нем творческую изюминку. И не-

удивительно, что в период его редакторства коллектив «Ленинца» отличался завидной стабильностью.

...Человек здоров, пока он в движении. Каждый раз, когда встречаюсь с куда-то вечно спешащим Михаилом Степановичем, вспоминаются мне именно эти слова. Оптимист по натуре, не признающий праздности, он словно и не замечает своих лет, не прислушивается к ранам войны. До последнего времени активно занимался краеведением. Издал несколько книг по истории города, по истории Печорского пароходства. Его книги «Северная магистраль» и «Печорский меридиан» также пользуются читательским спросом.

Член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Коми АССР, кавалер пяти орденов и более десятка медалей, ветеран войны и труда, М.С. Пыстин и сегодня принимает посильное участие в работе городской журналистской организации.

На снимке: М.С. Пыстин. Ноябрь 1943 г.

Т. СЕМЯШКИН

С ПЕХОТОЙ НЕ РАССТАВАЛСЯ

Шел второй год войны. Дом Растворовых в Даниловке как-то вдруг остался без мужских рук. В июле проводили на фронт тридцатишестилетнего главу семьи Кирилла Растворова. А в октябре Федосья Растворова на оклике деревни прощалась с сыном, семнадцатилетним Василием.

Вскоре юноша с берегов Печоры в составе 359 стрелкового полка Юго-Западного фронта принимает участие в оборонительных, а затем и наступательных боях под Харьковом.

Восемнадцатилетний солдат мужает от боя к бою. Сколько было жарких схваток под Харьковом — он и не помнит. Передышек не было. Но горячий бой чуть западнее Харькова уже после окончательного освобождения города помнит в подробностях и сегодня. Полку предстояло освободить деревню Перекоп, сильно укрепленную противником. «Ох и полегло здесь наших. Многих земляков из Коми потерял в этом бою. Погиб и Андрей Логинов, одногодок и товарищ из Медвежской», — вспоминает ветеран и, помолчав, уточняет: было это 3 сентября сорок третьего.

Не обошла пуля врага в этом бою и Василий Растворова. Два месяца в прифронтовом госпитале, и снова передовая. Снова бои. На этот раз на подступах Кривого Рога, уже в составе 814 стрелкового полка 236 стрелковой дивизии...

В январе сорок четвертого в одном из боев Василий Растворов получает ранение в обе ноги. Около трех месяцев он в руках военных хирургов. Побеждают воля и молодой организм. «В молодости чертовски быстро заживают раны», — то ли в шутку, то ли всерьез говорит Василий Кириллович.

После госпиталя боевой путь продолжает также в составе третьего Украинского фронта, но уже в другом полку и другой дивизии. Его находчивость и отвага не раз отмечаются командованием. «Готовый командир» — решают в полку. Направляют на прифронтовые курсы лейтенантов. Учится и воюет, воюет и учится.

Уже в качестве командира стрелкового взвода принимает участие в сражениях по освобождению Украины, Румынии и Венгрии. К сожалению, как он сам говорит, долгожданный день Победы застает его не в действующих частях, а на госпитальной койке.

Фронтовая дорога лейтенанта пехоты обрывается возле озера Балатон. Его взводу предстояло выполнить приказ: взять штурмом мост через небольшой канал. Хоть и коротким, но горячим оказался бой. Укрепленная охрана противника была выбита. Мост в результате получасового штурма оказался в руках бойцов Василия Растворова. Взвод поредел. Был тяжело ранен и командир. Пули врага угодили в живот и грудь. Было это 15 марта, днем раньше начала Венской операции. «Словом, до австрийской столицы дойти не удалось», — как бы жалеет ветеран войны.

На этот раз более четырех месяцев поднимали молодого лейтенанта на ноги военврачи. Подняли, поставили на ноги, но служба закончилась. Инвалидом второй группы демобилизовался из Тамбовского военного госпиталя.

В Даниловку возвратился в августе сорок пятого. Тут же пригласили его в правление колхоза. Предложили взяться за бухгалтерское дело. Работа знакомая. Счетное дело познавал еще до войны шестнадцатилетним парнишкой. Восемь лет работал колхозным бухгалтером.

— Больше не мог. Душа требовала простора. Непонятной силой тянули леса, родная природа. Невмоготу стало корпеть над

бумагами. Подался в лесники, — говорит о тех годах Василий Кириллович.

Пятнадцать лет служил солдат войны на страже лесов. Вся окружка стала за это время понятной и родной. Не одну сотню километров прошагал он по ельникам и сосновым борам. В радиусе ста и более километров знакомы каждый ручеек, каждая лесная речушка. Богат знаниями о родной природе ветеран войны.

Не обделен он и детьми. С женой Марией Николаевной вырастили шестерых детей. Все с высшим или со специальным средним образованием. Все при деле. Богатеет родовое древо. Семь внучек и пятеро внуков у ветерана.

Ратный труд Василия Кирилловича отмечен орденами Отечественной войны I и II степеней, медалью «За отвагу» и многими другими наградами.

Ветерану семьдесят пять лет, но он по-прежнему бодр, живет надеждой и ожиданием: «Хочется дослужиться до звания прадеда...»

На снимке: В.К. Растворов, 1947 год.

Р. ГЛУЩЕНКО

НЕТ, НЕ НАПРАСНО

В недавнем прошлом всех родившихся в 1917 году с уважением называли ровесниками Октября. Степан Романюк, паренек из украинской деревни Зарубинцы, что в Андрушовском районе Житомирской области, родился на 10 лет раньше революции. Представитель местной элиты — священник — обратил внимание на способности мальчика из бедной семьи. Его определили в учение в церковно-приходское училище за казенный счет. К началу войны Степан Романюк был старшиной 249 стрелкового полка 16-й имени Киквидзе стрелковой дивизии, командиром пулеметной роты. За его плечами уже были Киевское пехотное военное училище имени рабочих Красного Замоскворечья, 10 классов экстерном при Ленинградском доме Советской армии.

— На военную службу я шел хорошо подготовленным снайпером, — вспоминает Степан Иванович. — Окончил специальную военно-спортивную тренерскую школу «Снайпинг», имел звание мастера спорта СССР.

Все это, вместе взятое, могло говорить о том, что тяжелая мужская работа воевать досталась Степану Романюку по силам. А теперь о том, где ему довелось служить. 16-ю имени Героя гражданской войны Василия Киквидзе дивизию сформировал в 1939 году ее командир, генерал И.М. Любовцев. Она состояла в основном из

кадров 24-й Желёзной стрелковой дивизии. За два года до начала войны эта боевая единица была хорошо подготовлена, сплочена и оснащена. Находясь в Эстонии, дивизия была своего рода заслоном на подступах к Ленинграду. Военные историки уже потом сделают вывод, что со своей задачей дивизия и ее ведущее боевое звено — 249 стрелковый полк, справились. Героическая оборона Эстонии от фашистов в 1941 году сыграла большую роль в провале гитлеровского плана молниеносной войны. Эта оборона оттеснила на себя почти 100 тысяч вражеских войск. В противном случае такие силы могли быть брошены на Ленинград.. Но из-за понесенных потерь в Эстонии и в северной части Прибалтики планы противника провалились, хотя ему противостояли войска гораздо меньшие по численности и оснащенности.

Первые бои дивизии во главе с новым командиром полковником Я.А. Паничиным велись в направлении Пярну—Таллинн. Она участвовала в битве за поселки Марьямаа, Лихулу, Виртсу. Степан Романюк вначале войны был назначен адъютантом командира первого батальона. Вместе с ним к штабу батальона была прикомандирована группа снайперов. Степан Иванович успел еще до начала военных действий подготовить толковых ребят и сделать из них снайперов-истребителей, которые служили для выполнения особых задач: разведки, связи, охраны штаба. К себе в наблюдатели Романюк взял ефрейтора П.Ф. Иголкина, а комбату - ефрейтора А.Ф. Долгова.

— Я, как очевидец боев за Эстонию в 1941 году, — говорит С.И. Романюк, — хочу внести ясность. Некоторые военные историки считают, что в боях за Марьямаа участвовали моряки Балтфлота. На участках фронта нашей 16-й стрелковой дивизии, в боях как под Марьямаа и Лихула, так в центральной и западной части Эстонии моряков не было.

С 9 июля 1941 года начались не затихавшие ни днем, ни ночью кровопролитные бои. Командир 249 стрелкового полка полковник Кондрашов вводил в дело батальоны посменно, заменяя один из них другим по мере изматывания сил. Первым пошел в бой 3-й батальон, остальные расположились в резерве в лесу, южнее деревни Кулламаа.

— Этот бой гремел далеко по окрестностям, — вспоминает ветеран. — Зарево пожаров озаряло ночь по всей округе. Наконец, в результате многодневной битвы 3-й батальон был изнурен и выведен из боя, а нашему первому батальону был дан приказ сменить его, продолжая битву у деревни Паекюла, выбить оттуда укрепившихся немцев, перерезать шоссе Пярну—Таллинн и железную дорогу Виртсу—Таллинн.

В тех боях участвовал Степан Романюк. 13 июля 1941 года первый батальон 249 стрелкового полка подвезли к переправе через реку Тீенузе у деревни Селья, ниже водяной мельницы, к броду. Перед рассветом следующего дня гаубичный артдивизион открыл огонь по обороне немцев. Степан Романюк с группой бойцов по приказу комбата пошел в разведку. Батальон вступил в бой, уже располагая уточненными данными разведки.

— В том бою под Марьямаа, — вспоминает Степан Иванович, — я решил поохотиться за немцами как снайпер. Для этого отошел от нашей передовой, залег на высотке, окопавшись в маскировочной ячейке. Хорошо была видна оборона противника, и я стал выслеживать и уничтожать офицеров, связных, наблюдателей, пулеметные и минометные расчеты. Был и появлявшихся там мотоциклистов. Уничтожил немало немцев, в чем мне помог мой наблюдатель, снайпер Иголкин. При этом он лично уложил шестерых.

Неизвестно, сколько бы еще пробыл в засаде снайпер, но этой охоте помешала артиллерийская дуэль, которая разыгралась между пушками полковой артиллерии, стоявшими позади укрывшихся солдат, и тяжелой батареей из четырех орудий противника. При взрыве вражеского снаряда Степан Романюк был контужен и потерял сознание. Очнулся в лесу, переброшенный туда через наши пушки взрывной волной. Тело ныло, в голове стоял шум и звон. Придя в себя, с помощью товарищей отправился на передовую на наблюдательный пункт батальона.

Ветеран и сейчас до мельчайших подробностей может воспроизвести картину увиденного в те минуты на поле боя:

— Стонала от разрывов и выстрелов земля, и кругом была смерть. Лежали убитые, много раненых. Невдалеке стонал еще

живой с распоротым осколками животом солдат. Увидел я и убитых сослуживцев: лейтенанта Петрова, рядовых первой роты Желопкина, Максимова.

Начальнику штаба батальона потребовалась помощь в работе, и комбат отправил Романюка с передовой в штаб батальона на командный пункт. На исходе дня командование батальона, оценив обстановку, пришло к выводу, что ему угрожает окружение. Решение пришло незамедлительно: срочно эвакуировать раненых, затем атаковать противника всеми оставшимися силами и средствами батальона, используя момент подхода наших 12 танков, посланных на подмогу из резерва комдива. Ветеран вспоминает:

— Мне было приказано на всех обозных повозках под охраной 12 боевых пулеметных тачанок, вооруженных станковыми пулеметами, спасти раненых боевым прорывом через окружение немцев у деревни Селья с выходом на командный пункт полка на хутор Марасте. Раненых к тому моменту набралось более 200 человек.

Приказ был выполнен. Тачанки прорвали кольцо, открыв ураганный пулеметный огонь по окопам противника, за ними прокочили оборону обозы и без потерь форсировали реку. Не дал отдохнуть противнику и первый батальон. Поддержаный резервами и силой артдивизиона, он перешел в наступление и, атаковав, выбил немцев из деревни Паекюла. Одновременно фашисты почувствовали наступательный напор наших войск на всех участках Марьямааского направления.

— Мы тогда поняли, что значат хваленые немецкие войска, — говорит Степан Иванович. — Они захватили почти всю Европу, но в боях за Эстонию в первые дни войны бросали все: технику, трофеи. Под ударами нашей 16-й стрелковой дивизии они отступили.

Но первые дни и месяцы войны были трагическими для солдата. В октябре 1941 года баржу с ранеными, где находился и он, которую оставили без прикрытия в Финском заливе наши эсминцы, эстонцы отбуксировали в Ригу.

— Мы не попали в плен, нас сдали, — говорит с горечью ветеран.

Немецкие каменоломни с их тяжелейшим невольническим трудом продолжались до открытия второго фронта. Военнопленный

Романюк сбежал, попал к американцам. Затем долгих восемь месяцев 1945 года он проходил спецроверку. Победу встретил с заслуженной наградой. Указом от 9 мая 1945 года он был награжден медалью «За победу над Германией».

С начала 50-х годов Степан Иванович живет и работает в Печоре. Его воспоминания о боях за Эстонию с 1966 года находились в архиве Института истории партии при ЦК партии этой прибалтийской республики. Генерал-майор Любовцев оставил свои воспоминания о тех событиях, которые вошли в книгу «Таллин в огне». Много воды утекло с тех пор. Эстония стала ближним зарубежьем, чужим в общем-то государством. Невзначай промелькнет мысль: а может, кровь наших солдат была напрасной? Может, воспоминания еще живых участников боев ничего не стоят для нынешних эстонцев? Как бы там ни было, мы, россияне, обнажаем свои головы перед подвигом наших солдат. Поливая чужую землю своей кровью, они защищали еще не родившихся нас. У Степана Романюка могло быть прекрасное будущее кадрового офицера. Он закончил войну старшим лейтенантом. Но именно война, жестокие законы того времени не дали развиться в полной мере его командирскому дару.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Этого высокого, с открытым и приветливым взглядом человека хорошо знают многие печорцы, особенно старшего возраста. Да и как не знать, если А.П. Сбоев строил первый в городе молзавод, мясокомбинат и руководил коллективами этих предприятий, многие годы работал заместителем директора совхоза «Печора», избирался депутатом горсовета. Одним словом, был не только постоянно на виду, но и делал все от него зависящее, чтобы печорцы жили лучше, а нужда и беды обходили стороной. Родившись в 1923 году в многодетной семье в Свечинском районе Кировской области, Артем Петрович в детстве и потом натерпелся столько лиха, что не желает такого никому другому.

Да и мирная молодость рано оборвалась. После краткосрочных курсов в пехотном училище его 14 августа 1942 года в составе 11-й стрелковой дивизии 320-го стрелкового полка Волховского фронта бросили на известные Синявинские высоты. Кровопролитные бои. Уже 27 августа получил ранение и пролежал в госпитале три месяца.

Затем последовал Ленинградский фронт, где определили в 128-ю стрелковую дивизию в отдельный лыжный батальон. Дали приказ прорваться в тыл противника, чтобы оттуда нанести удар по нему. Однако немцам удалось обнаружить бойцов на лыжах, и

им, во избежание полного уничтожения, пришлось пролежать на снегу трое суток, а затем выбираться из ловушки со значительными потерями. После этого батальон лыжников расформировали, а находчивого и выносливого вятского парня направили совершенствовать врожденные бойцовские качества в учебную роту, только теперь уже учиться уничтожать вражеские танки. Судя по всему, учителя и сам курсант оказались достойны того сурового времени.

Как-то в одном из оборонительных сражений за Ленинград на подразделение А. Сбоева неожиданно вышли семь фашистских танков. Стреляя на ходу из пушек, они быстро приближались к окопам наших малочисленных бойцов. Однако Артем не растерялся и своевременно дал команду к бою. В этой неравной дуэли простеньких противотанковых ружей с пулеметами и крупнокалиберными пушками врага победу одержали советские воины, которые грудью встали на защиту второй столицы Русского государства. В том незабываемом бою А. Сбоев лично уничтожил один из танков, за что и получил медаль «За отвагу».

— А вообще на войне очень удивительные, порой близкие к мистическим истории происходили, — рассказывает Артем Петрович. — Я, например, сам получил через два года второе ранение в то же самое место, что и в первый раз. Вот и попробуй тут разобраться в случайностях, закономерностях или еще какой-то нечисти. Но мы, правда, об этом в то время особо и не задумывались. Главная и постоянная мысль была об одном: как можно быстрее разгромить коварного врага и вернуться к мирному труду.

Однако до желанной победы было еще так далеко. Тому же А.П. Сбоеву довелось воевать в составе Прибалтийского фронта и освобождать от оккупантов Эстонию. Незабываемой глубокой отметиной остались в памяти кровопролитные бои за города Тарту и Печери.

— Здесь, в одной из старинных крепостей, противником был заранее пристрелян каждый метр площади, и моим ребятам пришлось очень туго. Только высунешься — по тебе прицельный огонь. Многие, естественно, прижимались к земле, и поднять их в атаку стоило большого труда. К тому же у немцев было многократное

превосходство в численности, — вспоминает А.П. Сбоев. — Но вдруг ударили осколочными снарядами наши полковые пушки, и мы бросились вперед, схватились с фашистами в рукопашную...

В конце концов победа оказалась, конечно, за нами, но и по сей день болит душа о больших потерях и гибели фронтовых друзей. Вспомнишь об этом, взглянешь на беспрозветную смуту в стране, и становится просто невыносимо. Сегодняшняя власть низвела результаты Победы, разрушила сильную и процветающую страну дальше некуда...

Да, ветеран Великой Отечественной совершенно прав. Ведь на фронте и в тылу наши люди самоотверженно боролись за свободу своего государства, лучшую жизнь и долю, а оказались в пленау беспрощания и нищеты. Однако хочется верить и надеяться, что Россия все-таки выйдет из тупиковой ситуации, а благодарные потомки еще не раз вспомнят о фронтовиках, как сказал в свое время известный поэт, «добрыйм, тихим словом».

«НЕ ВЕЗЕТ МНЕ В СМЕРТИ, ПОВЕЗЕТ В ЛЮБВИ...»

Гаврилу Семяшкину было 13 лет, когда их семья в 1935 году из приижемского Сизябска перебралась в Усть-Усинский район. «Это были годы коллективизации, и многие уезжали, кто куда», — вспоминает Гаврил Федотович. Кочевать для оленевода — дело привычное (его отец был оленеводом).

Несмотря на большую семью — 8 детей, оба родителя работали. Старшие дети им помогали. Еще до войны Гаврил стал продавцом в сельпо.

Призвали его в конце сентября 1941 года. Только что исполнилось 19 лет. Неприхотливых северных парней готовили к отправке на Мурманский фронт, но перед этим месяцев пять продержали в Архангельске в 195-м лыжном полку. Это была своего рода «учебка» для подготовки младшего командного состава. Морозы в 1942 году стояли небывалые, но занятия они проводили даже ночью, готовились к настоящим, а не учебным боям.

В марте 1942 года их, наконец-то отправляют на Мурманский фронт. Но долго воевать молодому солдату не пришлось: через 1,5 месяца он с тяжелым осколочным ранением в бок и в ногу был доставлен в городской госпиталь. Там «провалился» 4 месяца и снова на фронт: сначала Волховский, потом Калининский, Воронежский, Новгородский, Белорусский. Правда, по словам

Гаврила Федотовича, до 1943 года их часть больше держали в обороне. Он тогда служил в артиллерии в дивизионной разведке и связистом. Молодой боец был смел и наблюдателен. Там и «заработал» свои награды: медаль «За боевые заслуги» и «За отвагу». После войны к ним добавились два ордена Отечественной войны I и II степени.

Мощное наступление в сорок четвертом под Ригой. В первых же боях осколочное ранение в руку выводит его из строя. Три месяца на больничных койках. В этом смысле Гаврилу не везло: кто-то всю войну без единой царапины, а тут снова госпиталь... И все же ему повезло в главном — он остался жив. А сколько было ситуаций, когда смерть по пятам ходила за ним!

Они втроем рыли землянку. Гаврила срочно вызывает к себе командир и отправляет с донесением в соседнюю часть. Двое других его товарищей только успели отойти, как в землянку, вернее, в то место, где она должна быть, попал снаряд...

Конечно, на войне трудно уберечься от пули, но быть безрассудным и излишне любопытным тоже ни к чему. Дело было зимой в Новгородской области. Немцы залегли не очень далеко. Гаврил и сам бы не смог объяснить, что его так потянуло посмотреть на них. Только он высунул голову из окопа, как мимо резко просвистела пуля снайпера. Вот когда он в первый и единственный раз испугался по-настоящему: так глупо и бесславно мог погибнуть.

А вообще, страха у него не было. В этом смысле он фаталист: чёму быть... Война, по его мнению, это тяжелая коллективная работа, где у каждого — свое конкретное дело.

Ему никогда не забыть августовский день 1944 года под Ригой, когда группа из дивизионной разведки в 30 человек нарвалась на немецкую засаду. Они с солдатом грузином шли позади всех. Возможно, это его и спасло. Когда передних немцы начали косить из минометов, они с грузином побежали назад к своим. Того ранило в ногу, а Семяшкина — осколком в голову. С грузином они потерялись, а Гаврил смог добежать до землянки, где прятался от боя местный священник. Тот оказал ему первую помощь, покормил. И солдат побрел дальше искать санчасть. Рана оказалась серьезной. На машине его отвезли сначала в г. Великие Луки, затем в Свердловск в челюстной госпиталь, потому что задета была область уха.

Через 4 месяца, подлечив, его направляют в танковое училище, закончить которое не удалось: ранение вновь дало о себе знать. Это был февраль 1945 года. На этом война для сержанта Г. Семяшкина закончилась. Он попадает на работу в систему органов МВД г. Свердловска. Демобилизуется через два года, в феврале 1947-го.

Сразу вернулся в родной колхоз на прежнее место работы, продавцом в сельпо. Но не прошло и года, как его назначили бригадиром полеводческой бригады, которая 13 лет добывала довольно высоких результатов. Коровы на ферме вместо 600 литров молока в год стали давать по 3000 литров. А бригадира колхоза им. 1 Мая Усть-Усинского района из деревни Куш-шор Г.Ф. Семяшкина в 1955 году в составе делегации из 12 человек, представителей Коми АССР, послали в Москву на сельскохозяйственную выставку.

Потом начался процесс укрупнения колхозов. Чтобы соответствовать должности, надо было учиться. А тут семья, дети... Не захотел Гаврил Федотович, о чем до сих пор жалеет.

Зато вырастили они с супругой 6 дочерей. Среди них — медработники, бухгалтер, работник почты, торговли. А они, в свою очередь, подарили родителям 8 внуков. Таким богатым Гаврил Федотович Семяшкин никогда не был, вот только бы здоровья побольше...

Т. СЕМЯШКИН

РОДОМ ИЗ ДЕРЕВНИ ТРОШ

Известна фраза: мир тесен. Действительно, в жизни случаются встречи, о которых и подумать-то не можешь.

Три года назад в городском Доме досуга проходила встреча Нового года, организованная советом ветеранов города и городским обществом «Коми котыр». В середине зала — новогодняя елка, пели песни, водили хороводы, рассказывали предновогодние байки. За длинными столами сидели, поблескивая орденами и медалями, убеленные сединой, какие-то помолодевшие ветераны войны.

Знакомые лица... Обратил внимание на полного и широкоплечего, с копной седых волос ветерана. Вроде бы знакомое и в то же время незнакомое лицо. Вроде видел когда-то и не видел. Познакомились: Григорий Степанович Семяшkin. От неожиданности даже не поверил услышанному. Но это был он.

...Вспомнилась Колва. Лето сорок четвертого года. Шла война. В селе мужчины были редкостью. И вдруг появился юноша в офицерской шинели с погонами лейтенанта. А в первый день нового учебного года директор сельской семилетки А.И. Козлова уже зна комила нас с человеком в военной форме с папкой в руке:

— Зовут молодого человека Григорий Степанович. Он ранен в боях. В нашей школе будет военруком...

Новый военрук был очень строгим. Гонял нас, ребят, как положено, без поблажек и снисхождений. Даже побаивались учителя в военной форме. Но побыл он в Колве только год. В следующем учебном году военное дело вел уже другой человек. «Куда? Зачем уехал и почему?» — эти вопросы для нас, мальчишек, так и остались тогда без ответа.

И вот встреча. Спустя пятьдесят два года. Через день-два условились встретиться. И, конечно же, разговорам, вопросам да отвetaм не было конца.

Оказалось, что в Печоре живет уже года два. Вернулся из Минска, где проживал долгие годы. Дали как ветерану войны однокомнатную квартиру.

— Сорок пять лет за пределами родной республики. Точнее сказать — на чужбине. Что же потянуло в родные места? За такой период, поди, все можно забыть? — спрашиваю.

— Родная земля что мать родная. Охота, порой, прижаться к груди. К тому же связи с ней, здешними родственниками не терял. Каждые год-два навещал родное Припечорье. Да и Белоруссия нынче — заграница. Не запоешь, как в былье времена: «Мой адрес — Советский Союз»... Нет его, Союза, — услышал в ответ.

Настоял вспомнить о годах после Колвы. Оказалось, что после года работы в этом селе работал в Усть-Лыже. Тоже год. По линии военкомата направляют его в Харьков, в высшую военную школу литографов. Но год спустя направляют в Кобрин, работает комсоргом ЦК комсомола. Через некоторое время снова новое место — Коми республика. Год — инструктор обкома комсомола, потом первый секретарь Усть-Усинского райкома комсомола. Работает и учится. Стремится наверстать упущенное, продолжить прерванную войной учебу. Заканчивает Всесоюзную школу профдвижения. Оказывается в числе тридцати тысячников. Три года — председатель колхоза под Минском. Заведует экономическим отделом крупного промышленного предприятия в Минске. Строит дом в городе. Как инвалиду войны помогает власть. Вырастил двоих дочерей. Одна — врач, другая — экономист. Работа, семейные заботы, хлопоты по дому, а в сутках все те же 24 часа. Но желание совершенствоваться, восполнять знания живет вместе с ним. С от-

личием заканчивает высшую школу ВЦСПС, а потом и Белорусский институт народного хозяйства. Последние шестнадцать лет перед пенсиею преподает в Минском политехническом техникуме.

Такой вот путь ветерана в послевоенный период. А какова же фронтовая судьба? Каковы опаленные войной юношеские годы?

Юноша из припечорской деревушки Трош, что чуть выше Зархавня, еще в тридцать девятом поступает в Ижемский зооветтехникум. Но началась война, и учебу пришлось забыть. Семнадцатилетнего деревенского парнишку берут на работу, да сразу начальником почтового отделения в поселке Бежкурья. Как-никак за плечами сельская семилетка и два курса техникума.

Но в связистах ходит только год. В августе сорок второго он уже курсант Велико-Устюгского военного училища. Однако закончить его тоже не удается. Война торопит. В феврале сорок третьего курсанты училища, в их числе и Гриша Семяшкин, попадают на фронт. У городка Ярцево, что под Смоленском, первый бой. Вот что помнит о нем ветеран:

— Немец держал крепкую оборону вдоль села Дурово. В открытой атаке ничего не добились. Лишь батальон поредел. Попали в обход через деревушку Федино. Получилось. Отбросили врага за семь-восемь километров от села. Дальше — не хватило сил. Стали в оборону. В первом же бою потерял многих товарищев по училищу. Погиб и заместитель командира полка майор Иван Васюткин. И сегодня перед глазами этот толковый и отважный командир...

Через день-два (точно не помнит) после этих боев Григория Семяшкина, ефрейтора Михаила Канова и сержанта Воронцова посыпают за «языком». И, как говорит ветеран, он, видимо, оказался слишком ценным. Все три охотника за «языком» были награждены орденами Красной Звезды...

Стрелок, разведчик, связист. Полтора года лишь длилась фронтовая дорога Г.С. Семяшкина. Первый и последний бой! Они всегда держатся в памяти ветеранов. Помнит о нем и лейтенант Григорий Семяшкин:

— Было под Ельней. Со своими бойцами держал связь между подразделениями полка. Шедший у одной деревушки горячий бой как-то вдруг затих. С батальоном связь прервалась. В штабе полка меня и бойца Василия Харгана послали разведать, в чем дело. «Без точных вестей не возвращайтесь», — приказал капитан Соковиг. Все разузнали, но с вестями вернулся один. Вася Харган навсегда остался на картофельном поле у села. Попрощался, закрыл ему глаза, прикрыл, чем мог и пополз к расположению части. Ох и муторно мне было. А через два дня, 17 сентября, в завязавшемся бою сам был тяжело ранен. Четыре месяца пришлось отлеживаться на госпитальных койках...

Таков ратный путь ветерана. Так он оказался в августе сорок четвертого в Колве, подчистую списанный из действующей армии, еще не совсем окрепший от ран, но вполне пригодный работать учителем-военруком.

A black and white portrait of a young man in a Soviet military uniform, likely a border guard, wearing a cap with a star and a beret. He has several medals on his chest. He is looking slightly to the right of the camera.

Ю. ПОЛЯКОВ

ПОГРАНИЧНИК

Оставляя за кормой седые буруны, морские охотники одного из погранотрядов Тихоокеанского флота, приписанные к Корсаковской гавани Анивского залива Южного Сахалина, днем и ночью зорко охраняли территориальные воды нашей родины на акватории от пролива Лаперуз до Курильских островов. В свободное от вахты время, на десятом году службы в армии, главстаршина Алексей Петрович Смирнов все чаще стал думать о родных и близких, о чистых водах красавицы Ветлуги, о тихой костромской деревушке Большая Слудка, что под городом Шарьей. А потом подал рапорт, и в 1953 году уволенный в запас, лежа на вагонной полке, под стук колес прокручивал в памяти прожитые годы своей, еще молодой жизни...

Родился Смирнов в 1926 году в многодетной семье. Троих сыновей и трех дочерей воспитывали родители, приучая их с малых лет к нелегкому крестьянскому труду. Рос он бойким мальчишкой, помогал в хозяйстве. И каким бы трудным ни было детство, радости ребячьей в нем было немало. Но после окончания семилетки радостям пришел конец. Началась война, и ему, наравне со старшими, пришлось работать в колхозе под лозунгом: «Все для фронта! Все для Победы!» А спустя два года и его призвали в армию. 17-летний паренек попал в г. Слободской, где прошел курс

молодого бойца. Думали безусые солдатики, что их пошлют на фронт, но «покупатели» приехали не из районов боевых действий, а с Дальнего Востока, и многим пришлось отправиться по Транссибирской магистрали в далекие края.

Привезли Алексея в село Екатерино-Никольск Хабаровского края и определили в учебный взвод погранвойск. А потом отправили на одну из пограничных застав на берегу Амура, где на сопредельной территории Маньчжурии дислоцировался японский военно-полицейский пост. Участок был спокойный, вдали от больших дорог и населенных пунктов, обрамленный высокими сопками по обоим берегам Амура. Здесь и проходила его служба: повседневная учеба, наряды по осмотру границы. На политинформациях пограничники буквально впитывали вести о делах на советско-германском фронте, радовались успехам нашей армии, обсуждали военные действия американцев с самураями. С огромной радостью восприняли весть о взятии Берлина, о долгожданной Победе, но чувствовали, что скоро должен грянуть гром войны и на Востоке.

Ждать пограничникам долго не пришлось. В ночь с 8 на 9 августа 1945 года начальник заставы выстроил весь личный состав и зачитал приказ командования на переход границы с целью способствования освобождению Маньчжурии от японских захватчиков. Вооруженный винтовками, автоматами и пулеметом, боевой расчет, в который попал и Алексей, погрузился на два катера и, как обычно, поплыл вверх по Амуру на контрольный просмотр. Но, проплыв четыре километра, заглушили двигатели и в тишине темной ночи самосплавом спустились назад, а в километре от заставы противника высадились на берег и скрытно окружили ее. Потом по команде старшего открыв огонь, бросились в атаку, забросали фанзы гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Японцы, отстреливаясь и пользуясь нахлынувшим густым туманом, захватив раненых и убитых, прорвали оцепление и ушли в сопки. Вся операция длилась с 0 до 5 часов утра. На соседних участках границы все еще слышалась стрельба. Днем, когда туман рассеялся, на разгромленную заставу послали наряд зафиксировать результаты ночной атаки. Обнаружили большое количество оружия, боеприпасов, продовольствия и два обгорелых трупа японских солдат. С нашей стороны потерь не

было, если не считать одного раненого, абхазца по национальности. Вот этим скоротечным боем началась и закончилась война Алексея Смирнова. А над амурскими сопками почти весь август пролетали эскадрильи тяжелых бомбардировщиков на бомбажку войск противника за Малым Хинганом.

После капитуляции Японии, в сентябре, нескольких ребят, в том числе Алексея и его дружка Ивана Горбикова, вызвали в центр гарнизона. Распрощавшись с товарищами по оружию, ребята 15 километров добирались пешком до гарнизонной комендатуры. Там при распределении они получили направление в школу младшего командного состава Тихоокеанского флота. До Хабаровска плыли на пароходе, сфотографировались на память в этом прекрасном городе, затем на поезде отбыли в район Владивостока и на берегу бухты Перевозной у города Посьет, рядом с китайской и корейской границами, в морской пограншколе стали готовиться быть не только командирами, но и настоящими моряками. Год учебы прошел незаметно. По распределению попал Сергей в дивизион морских охотников в южно- сахалинский город Корсаков (Отомари), где в непрерывном бдении по охране морских рубежей семь лет проходила его служба.

Долгим был путь пограничника от Сахалина до родной деревни. Отдохнув некоторое время, Сергей Петрович пошел снова на флот, но уже на речной, капитаном в Шарьянскую сплавконтору. Водил плоты, баржи. А в 1965 году подался за запахами тайги на север Коми республики и плавал по Печоре вплоть до выхода на пенсию на судах УНГГ. Доставлял срочные грузы геологоразведчикам в глубинные пункты Большеземельской тундры и шельфовой зоны Печорской губы. Здесь сложилось его семейное счастье, воспитал с женой двоих сыновей, которые пошли по его стопам, став речниками. А один из них, как и он, также проходил службу на Тихоокеанском флоте.

Не в наградах счастье, но, получая пять лет назад к прежним медалям «За победу над Германией», «За победу над Японией» орден Отечественной войны, он был по-человечески рад: Родина высоко оценила и его солдатский вклад в охрану государственной границы.

На снимке: А.П. Смирнов, г. Хабаровск, 1945 г.

Р. ГЛУЩЕНКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОЛОДОСТЬ

Ему едва исполнилось 17 лет, как на мальчишеские еще плечи война надела солдатскую шинель. Сергей Соколов был призван из Ярославской области в октябре 1943 года. «Песочные» лагеря под Костромой стали своеобразной школой военного искусства для него и сотен его ровесников. Почему их называли песочными? Наверное, потому, что местность была песчаной да постоянно приходилось рыть землю, окапываясь. Учили призывников в 21 учебном стрелковом полку около пяти месяцев всем военным премудростям. Прежде чем бросили в настоящий бой, они хорошо овладели автоматом, пулеметом Дегтярева. Сергей освоил ручной пулемет быстро. Имея твердую руку и острый глаз, в стрельбе был точным. Когда просили «пристрелять» автомат — не отказывал. Понимал, что хорошее оружие в бою — залог жизни солдата.

Лето 1944 года выдалось на втором Прибалтийском жарким. Молодое пополнение влилось в 876 стрелковый полк 77 стрелковой дивизии. Этому воинскому формированию пришлось противостоять крупной немецкой группировке, которая изо всех сил старалась закрепиться в Прибалтике. Бои за Ригу, Паневежис, Шяуляй были изнурительными для обеих сторон. Но 44-й не 41-й. Наши войска наступали по всем фронтам. Командующий II Прибалтийским фронтом маршал Баграмян планировал операции так,

чтобы победа достигалась малыми потерями, исключалась тактика шапкозакидательства. Эпизод, о котором долго будет потом вспоминать пулеметчик Соколов, как раз подтверждает тот факт. Командование поставило перед дивизией задачу взять литовское mestечко. Форсировали реку, заняли позицию в ожидании подкрепления. Но вместо команды «Вперед, в атаку!» им пришлось выполнить другую — прикрывать отход наших войск. Взвод автоматчиков, где служил Сергей Соколов, занял оборону и отстреливался вплоть до окружения противником. «Первый номер» в горячке боя пропустил команду командира взвода к отходу. Его пулемет огрызился огнем вплоть до последнего патрона. Когда перед ним оказался фашист, в пулеметном диске было пусто. Наступавший от неожиданности бросил винтовку и поднял кверху руки. Сергей не растерялся, в ход пошла противотанковая граната. Своих он дognал уже затемно. Ребята не чаяли встретить его живым. Здесь Сергей и узнал подробности неудавшегося штурма городка. Наступление шло такими темпами, что запаздывали с подвозом боеприпасов. А без них, без тщательной артподготовки людей не стали бросать на верную гибель. Взвод Сергея Соколова свою задачу прикрытия выполнил, немцы дальше не сунулись.

Что такое разведка боем? Это способ вызывать огонь на себя, чтобы тем самым засечь огневые точки противника. Сергей испытал и эту науку. Наши войска готовили очередное наступление, а ночью решили «пощупать» немецкую оборону. Выбрали пяток бравых молодцов, в числе которых был Сергей, дали по пять гранат, которыми предстояло забросать неприятельские окопы. Где ползком, а где короткими перебежками группа подошла поближе к немцам. Сергей увидел в полутьме два силуэта, выдернул чеку из гранаты, а бросить ее в цель не успел. Двое словно бы растворились в ночи. Пальцы крепко давили на предохранитель. Зажатая в руке смерть заставляла энергичнее ползти к цели. Зато с каким облегчением полчаса спустя Сергей швырнул гранату в немецкие окопы. С рассветом развернулось наше наступление.

День Победы ефрейтор Соколов встретил в Печоре, где заканчивал службу, будучи годным к нестроевой. Дело в том, что в одном из наступлений в ноябре 44-го его контузило и тяжело ранило.

Истекая кровью, он пошел по пристрелянному снайпером шоссе. Упал в беспамятстве через 200 метров, и его перетащили санитары в полевой госпиталь. 50 лет не знал, что за тот бой он был представлен к медали «За отвагу». Эта награда нашла его, седого ветерана, когда страна отмечала славный юбилей Победы.

Сергей Федорович Соколов ушел на заслуженный отдых только в 1994 году. После демобилизации он работал в управлении механизации «Печорстроя», был хорошим слесарем по ремонту автодорожной техники, и главное — замечательным воспитателем. Слова благодарности в его адрес высказывали многие люди, которые впоследствии достигли немалого в жизни. Геннадию Кондратьеву С.Ф. Соколов давал рекомендацию в партию. Сейчас Геннадий Иосифович возглавляет Коми республиканское отделение Пенсионного фонда. Своим учителем считает Соколова Иван Кулаков, который начинал свой трудовой путь с рабочего-литейщика. Иван Егорович на протяжении двух созывов является первым заместителем Председателя Госсовета РК.

Давно закончилась война, но, всякий раз возвращаясь к ней в своих воспоминаниях да читая мемуары очевидцев, Сергей Соколов будто возвращается в свою молодость.

Ю. ПОЛЯКОВ

МУЖСКОЕ СЧАСТЬЕ

Иосиф Марьянович Сорочинский родился в Хмельницкой области, в селе Дорогоща, что на речке Горынь. А было это 80 лет назад в разгар гражданской войны. Он был первенцем в семье умелого кузнеца и трудолюбивой крестьянки. На благодатной украинской земле рос Иосиф бойким, любознательным и крепким мальчишкой и хорошим помощником, ибо после него в семье появилось еще трое детей. После братоубийственной гражданской войны вскоре началась коллективизация.

Иосиф учился, во всем преуспевал, несмотря на запреты, бегал с дружками за кордон. Дело в том, что их Изяславский район до 1939 года граничил с областью, принадлежащей панской Польше. В 1935 году закончил семилетку, и его, как отличника, определили учеником счетовода, а потом доверили и все бухгалтерские дела колхоза. И стал Иосиф Марьянович наравне с гармонистами да трактористами первым парнем на деревне. Нравилась ему счетно-учетная работа, но не думал он, что она станет его профессией на всю жизнь, даже в армии.

Призвали в 1940 году и привезли подстриженного под «нулевку» новобранца в один из военно-строительных участков Приволжского военного округа. Исправно нес службу учетчика, но началась война. Гитлеровцы оккупировали его родной край, он был

преисполнен желания вести учет другой — учет уничтоженных им фашистских захватчиков. Просился на фронт, но получал все время одну и ту же команду: «Кругом!»

Лишь в июне 1943 года, в канун Курского сражения, стал он курсантом Куйбышевского пехотного училища, а год спустя в должности командира пулеметного взвода воевал на 2-м и 3-м Белорусских фронтах, участвуя в освобождении городов и всей Белоруссии, Литвы и Восточной Пруссии. Всего только год сражался с гитлеровцами молодой офицер, но снискал авторитет умелого и храброго командира. На сотни шел счет уничтоженных фашистов. Знаменитые пулеметы «Максими» его взвода косили врага в атаках, но особенно докучали противнику в пору затишья после изнурительных, оборонительных боев. Пулеметные расчеты ночью или во время обеда фрицев внезапно открывали прицельный огонь и быстро переходили на запасные позиции. В ярости немцы давали ответный огонь по пустым участкам из крупнокалиберных пулеметов. Во время одного из таких ответных залпов получил командир в декабре 1944 года контузию.

Спустя месяц, уже на других боевых позициях, Иосиф Марьянович, как Вася Теркин Твардовского, мог сказать: «И ранение имею, и контузию одну», так как выследил его фашистский снайпер и серьезно ранил. Но быстро поправился в госпитале молодой и крепкий организм. И снова бои по курсу на столицу Восточной Пруссии — неприступную крепость Кенигсберг. Гитлеровцы яростно сопротивлялись, цеплялись за каждый клочок земли. За успешное и без потерь форсирование реки Иструч и за умелое руководство взводом при штурме города Инстербург (ныне Черняховск) Иосиф Марьянович был награжден орденом Красной Звезды, а позже за проявленную отвагу медалью «За взятие Кенигсберга». В этом логове врага встретил он со своими пулеметчиками долгожданную Победу.

Окончилась война, но не забыли штабные кадровики его основную профессию, и вместо приказа на демобилизацию он получил назначение на должность делопроизводителя по учету офицерского состава в штабе полка, которую он четко исполнял до января 1947 года. А потом увольнение в запас. И так сложилась судьба,

что не вернулся он на свою малую родину, а очутился на бухгалтерской работе в Вятском пароходстве. Проработав там 6 лет, в 1951 году перебрался на Север, в таежную Печору и бросил в ней «якорь» навсегда. 42 года трудился он главным бухгалтером сначала в службе эксплуатации пароходства, затем 12 лет в Верхне-Печорском техучастке Бассейнового управления пути, а потом 22 года в речном порту. При его участии, как финансиста, проходили строительство новых цехов, причалов, освоение нового судостроения, модернизация флота и кранового хозяйства, подготовка кадров, улучшение социально-бытовых условий речников...

Много наград имеет ветеран войны и труда: орден Отечественной войны, орден Красной Звезды, дюжину медалей, не счесть благодарностей и Почетных грамот. Но особо дорогой ему стала еще одна награда: присвоение звания «Почетный гражданин города Печоры». Порадовались бы родители успехам своего сына, но нет их давно в живых. Отец умер в 90 лет, мать — в 88. Не может он поклониться и могилам своих прапаруров, так как село их во время великого «преобразования» природы оказалось на дне водохранилища, да и Украина теперь зарубежная держава. Но есть жена, дети, внуки. С ними недавно ветеран войны и труда отметил свое восьмидесятилетие.

На снимке: И.М. Сорочинский, г. Кенигсберг, 1945 г.

Ю. ПОЛЯКОВ

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ В ОСАЖДЕННОМ СТАЛИНГРАДЕ

Более полувека прошло, как отгремела Великая Отечественная война. Но все еще дают о себе знать и телесные, и душевые раны, нанесенные ею людям, еще бередит она память славных ветеранов, которых, увы, с каждым годом становится все меньше и меньше.

...Высокий белокурый красавец-сержант, разгоряченный боем, с криком «За мной!», подняв с земли в очередной раз свой стрелковый взвод, ринулся вперед. Но, пробежав несколько метров, вдруг, словно споткнувшись, рухнул на мягкий чернозем, пробитый в живот навылет фашистской пулей. Было это 16 августа 1943 года на Донецкой земле. А отважным командиром был Иван Федорович Статилко. Из района боевых действий вывезли его в госпиталь города Россось, а потом в глубокий тыл, в один из новосибирских госпиталей. В пути, лежа на полке санитарного поезда, все еще не веря, что остался жив, он вспоминал в полу值得一ю биографию...

Родом Иван Федорович из села Николаевка, что в Донецкой области. В крестьянской семье стал он в сентябре 1923 года вторым ребенком. Жили не богато, в саманной, с глиняным полом хате. Отец был комсомольским активистом, а потом, после окончания Донецкой совпартшколы, стал номенклатурным партийно-хозяйственным работником. Семье приходилось часто переезжать,

а детям учиться то в русских, то в украинских школах. Перед войной отец был парторгом одной из крупных шахт Чистяковского района. В соответствующем духе воспитывал он и детей. Ваня, окончив в 1940 году среднюю школу, поступил на финансово-экономические курсы при Чистяковском горном техникуме. После начала войны некоторое время работал, а когда фашистские войска двинулись на Донбасс, он с товарищем в октябре 1941 года решил добровольцем идти на фронт. В военкомате посоветовали вернуться домой и без повестки не появляться. Но потом уступили их настойчивости и направили в распределительный пункт, где ребят зачислили в команду ускоренной подготовки.

Фашистские танковые части, сломив сопротивление наших войск в юго-западной части Донбасса, ценою больших потерь смогли выйти на подступы к Ростову-на-Дону, оторвавшись от своих главных сил. Эта ситуация была использована нашим командованием при проведении Ростовской наступательной операции. Вот тогда и понадобились новички. Облаченных в солдатское обмундирование, практически не обученных, их срочно отправили в район боевых действий. Иван попал в один из стрелковых взводов Н-й части и принимал участие в изгнании гитлеровцев с захваченной территории вплоть до нового рубежа обороны противника на реке Миус, где и получил под городом Матвеев-Курган в декабре первое боевое ранение. Немецкая пуля попала ему в бедро левой ноги. 18-летнего паренька отправили в медсанбат, потом в полевой госпиталь, оттуда в госпиталь Ессентуков, а потом в город Баку. По завершении курса лечения направили в батальон выздоравливающих, располагавшийся в древнейшем грузинском городе Мцхета. Уже оттуда, в марте 1942 года, послали на учебу в отдельную роту связи под Тбилиси. А спустя три месяца последовала срочная переброска в Сталинград.

Пять месяцев защищал молодой воин многострадальнуюолжскую твердыню в составе одной из стрелковых частей 62-й Армии командарма Чуйкова. Воспоминаний о той страшной поре у Ивана Федоровича много. Артобстрэлы, бомбежки, кровопролитные бои в районе железнодорожной водокачки,очные вылазки на фашистские позиции, в одной из которых за взятие ценного «языка»

он был в числе других храбрецов представлен к ордену Красной Звезды. А в ноябре, во время контратаки, осколком разорвавшейся мины был контужен и ранен в голень левой ноги. Опять госпиталь. На этот раз в Саратове. Рана заживала быстро, и уже в январе 1943 года он стал настойчиво проситься на фронт. Настырного парня направили в пехотное училище города Энгельс. И здесь ему не суждено было закончить полный курс учебы. Необстрелянных новичков оставили продолжать учебу, а понюхавшим пороху в спешке присвоили сержантские звания и срочно направили на боевые позиции по реке Северский Донец для участия в Донбасской наступательной операции.

По прибытии в часть молодой командир в штабе высказал желание руководить стрелковым подразделением. Отказывать не стали, доверили отделение автоматчиков и должность помкомвзвода. В первых же наступательных боях взвод понес потери, убит был и командир. Возглавив взвод, Иван Федорович показывал образцы храбрости и умелого ведения боя. Но в одном из боев у станции Лозовая 16 августа получил тяжелое сквозное ранение в живот. И теперь вот из теплой Украины везут его, немощного, в холодную Сибирь...

В далеком Новосибирске Статилко четыре месяца ставили на ноги и в декабре перевели в батальон выздоравливающих, в котором он пробыл до апреля 1944 года. Определили группу инвалидности, предложили штабную работу. Он же предпочитал строевую службу и продолжал по-прежнему рваться в действующую армию. Не внемля его желанию и просьбам, отправили в Омск в маршевую роту на должность командира взвода, где прослужил он в звании старшины до апреля 1945 года. Сразу же после Победы отозвали в Новосибирск. Потом, глядя на транспортировку войск к китайско-маньчжурской границе, он надеялся попасть на восточный фронт. Но ВКК подтвердила инвалидность. Демобилизовали не сразу, а лишь в октябре 1945 года.

Вернулся Иван Федорович в родную Николаевку и стал работать в совхозе бухгалтером. Приехавший из Австрии отец, воевавший в саперных частях, получив партийный пост в г. Чистяково, забрал семью и пригласил к себе Ивана. Но с отцом он долго не

жил, ушел работать на шахту, обзавелся своей семьей и выбрал свой жизненный путь. А потом, в пору великих строек, зазывавших специалистов и романтиков на Север и Восток, по объявлению в газете приехал в Печору в 1972 году и остался в ней навсегда. Работал сначала в тресте «Печорлесстрой», а потом в тресте «Комиэнергострой».

Есть что рассказать Ивану Федоровичу нынешней молодежи о своей тревожной молодости, ибо не раз смотрел он смерти в лицо, но не спасовал, выдюжил все тяготы военного лихолетья. Подтверждение тому его 16 наград, среди которых ордена Отечественной войны и Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией», а также две медали «За отвагу», одна из которых нашла фронтовика лишь спустя 32 года в Печоре.

В. СЕМЯШКИНА

СОЛДАТ, УЧИТЕЛЬ, НАСТАВНИК

Меньше года длился фронтовой путь припечорца Александра Семеновича Суровцева, но оставил след и в памяти, и в судьбе на всегда...

А начался он в мае сорок второго, когда только что назначенно го на судно двадцатилетнего выпускника Щельяюрского речного техникума призвали в армию, сняв броню речника: советским частям, несшим огромные потери с первых месяцев войны, требовались все новые и новые силы.

Короткая подготовка в взводе ПТР в городе Онеге — и сразу в составе одного из стрелковых полков 224-й стрелковой дивизии — на передовую, под Ленинград, в район Синявинских болот.

Немало товарищей потерял молодой боец уже по пути на передовую: несколько раз попадали под обстрел, пробирались по льду под бомбежкой, случалось, целыми машинами уходили под лед...

— И ничего нельзя было сделать, — вспоминает Александр Семенович. — До сих пор стоят перед глазами эти непоправимые картины, вновь оживает испытанное тогда страшное ощущение своей полной беспомощности.

...А потом были жестокие бои в обороне Ленинграда. В одном из них — в ночь на первое февраля сорок третьего года — Александр Суровцев получил тяжелое ранение: разорвавшийся снаряд

раздробил кисть левой руки. Может быть, и можно было бы спасти руку молодому солдату, тем более, что Александра сразу отправили в санчасть, а затем и в госпиталь. Только вот переполнены были тогда медсанчасти и госпитали тяжелоранеными бойцами — такими, жизнь которых могла спасти только срочная помощь, срочная операция. Суровцев же с его разнесенной снарядом кистью мог и подождать. А дошла до него очередь — поздно уже было руку спасать, пришлось ампутировать. Слава Богу, сам жив остался.

Затем была эвакуация в Череповец, в Томск, и лишь летом сорок третьего закончились госпитальные дни бойца...

По пути домой, в Новый Бор, кавалер боевого ордена Красной Звезды и уже инвалид войны Александр Суровцев решил заехать в Щельяю, откуда всего-то чуть более года уходил на фронт.

— Хотел получить диплом об окончании техникума, — вспоминает Александр Семенович. — В сорок втором перед отправкой на фронт мне просто не успели его выдать. А желание было дальше учиться... Сидим с директором нашего техникума Толпекиным в его кабинете, беседуем. И в это время заходит к нему начальник здешнего ремесленного училища Гущин. Проблема, мол, у меня с кадрами преподавателей, помоги... А Толпекин и говорит: «Да вот тебе готовый преподаватель!» — и на меня кивает...

Не сразу согласился Александр Семенович на предложение, хоть и лестным было оно для недавнего выпускника техникума. Очень хотел дальше учиться, мечтал поступить в Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Но не смог комсомолец Суровцев не прислушаться к доводам, поддался уговорам — остался в Щельяюре. Да так и проработал здесь, в училище речного флота, четверть века. Здесь же женился. И пошли у них с женой Валентиной Афанасьевной, учительницей начальных классов местной школы, дочка за дочкой. Всего их у Суровцевых четыре, а теперь уже и девять внуков...

Сотни курсантов училища речного флота проходили в разные годы уроки лоции и судовождения у преподавателя спецдисциплин Александра Семеновича Суровцева. Учились у него не только техническим секретам флотской работы, но и трудолюбию и творчеству. Не одно наглядное пособие в училище выполнено было в

те годы руками курсантов под руководством бывшего фронтовика Суровцева, а возглавляемый им коллектив курсантской художественной самодеятельности (в том числе и кукольный театр!) не раз выезжал на гастроли и смотры даже в столицу республики.

В 72-м, когда училище перевели из Щельяюра в Печору, Александр Семеновичу пришлось ненадолго покинуть привычную атмосферу родного учебного заведения: был занят на партийной работе в Щельяюрской, а затем и в Печорской РЭБ. Но прежняя работа, ставшая делом жизни, тянула к себе. Вернувшись в 75-м в теперь уже Печорское ГПТУ-4, Александр Семенович уже не оставлял его стен до самого выхода на пенсию. Его многолетний добросовестный труд отмечен орденом Трудового Красного Знамени, многочисленными Почетными грамотами разного ранга.

Жалеет ли Александр Семенович, что «поджидавшее» кого-то в далеком сорок третьем место преподавателя училища в Щельяуре в общем-то случайно стало его местом, делом его жизни? Похоже, что нет. Да и случайным было только начало. А потом были годы осознанного, полюбившегося ему творческого труда, были ученики — несколько поколений курсантов, которые случайных людей в училище чуют за версту. Со многими выпускниками Александр Семенович и сегодня — в тесном дружеском контакте.

Может быть, благодаря долгому общению с более молодым поколением, а возможно, и из-за присущего Суровцеву умения отделять зерна от плевел, руководствуясь во всем здравым смыслом, не пасовать перед трудностями и надеяться на свои силы сегодня семидесятисемилетний ветеран Великой Отечественной выглядит молодцом, активно интересуется происходящим в стране. Его по-прежнему можно встретить иногда в училище № 4, а уж в главные свои праздники — День Победы и День учителя — Александр Семенович Суровцев здесь непременный и почитаемый гость. Он по-прежнему верит в молодое поколение, старается видеть и поддерживать лучшее в нем, надеется на возрождение страны, в том числе речного флота, на благо которого он отдал столько сил и лет жизни.

ТРИЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

Младший сержант Михаил Терентьев может считать себя трижды рожденным. Первый раз — 24 марта 1924 года в селе Соколове. Во второй и третий — на Карельском фронте в 1943—1944 годах. Тогда после изнурительных боев приходили в Кожвинский военкомат два извещения о без вести пропавшем бойце. Но он всем смертям назло вернулся на родину, где ждала мама, Александра Яковлевна. Отец Павел Иванович уже ни во что и ни в кого не веривший (ведь пережил раскулачивание и ухтинские лагеря), после возвращения самого-самого младшего, одиннадцатого в семье, крестился. А в Соколове до сих пор не забыли имена славных сынов. Они сохранились в памяти людской да на обелиске, где каждый год 9 Мая возлагаются цветы.

Карельские леса, полные дичи, чистейшие озера, богатые рыбой. В эту мирную природу вошла война. На любом деревне мог поджидать свою добычу снайпер-«кукушка». Метровую щуку в светлой, как слеза, воде — руками не возьмешь, и стрелять нельзя — себя выдашь. Война выработала в молоденьких новобранцах свои правила и привычки: при бомбежке не бегай, в 50-километровых маршбросках, когда походная кухня не поспевает и сухой паек съеден, сумей трое суток продержаться без пищи, в рейдах по тылам про-

тивника ты — солдат и носильщик одновременно, 32 килограмма поклажи — залог выживания.

Михаила призвали в армию в декабре 1942 года. Десяток дней подготовки в пулеметной роте — и состав двинулся на фронт, мимуя осажденный Ленинград, под Кандалакшу, где наши войска держали оборону. Противник имел выгодную позицию, расположившись в надгорье. Их, еще необстрелянных, послали во второй эшелон, который отделяли от передовой всего полтора километра. Наши войска были у немцев как на ладони, и, чтобы закрепиться у противника под носом, предстояло вгрызаться в мерзлую землю, копая в человеческий рост траншеи. Для того и отправили на передовую молодое пополнение. Ночь они рыли снег и землю, пряча от слепых пулеметных очередей головы. Настоящий прицельный огонь на новобранцев обрушили, когда они строем возвращались с передовой обратно во второй эшелон. Вот вздыбилось корнем вверх от минометного взрыва дерево — это фашисты делали корректировку. В считанные минуты живой строй колонны превратился в крошево тел. Михаила не задела ни пуля, ни осколок. Таким было его первое боевое крещение.

Оборона, наступление, рейды, разведка боем — этим терминам учила война паренька из Соколова. Что помогало противостоять шквальному огню, не поддаваться наглому в рупор выкрику «Рус, сдавайся!», глотать слезы, считая потери, и упрямо возвращаться к привычной военной работе?

— Мы были молоды. Все трудности для нас казались ерундой. Немцы — нас, мы — их. Кто виноват? Никто.

Ветеран произнес эти слова и задумался. Со щеки стекла не прощенная стариковская слеза. Он вспомнил, как искал в медсанбате своего дружка Андрея Панюкова из-под Сыктывкара. И нашел, но только в списке убитых. Как за пять минут до налета вражеских бомбардировщиков читал письма из дома его командир взвода. Радовался за то, что там все живы и здоровы — и это была последняя радость в его жизни. Стерлись из памяти фамилии, но лица, события, эпизоды остались в ней навсегда. Сначала война снилась часто. А как ей не сниться, ведь стрелок, затем разведчик Терентьев был в ее эпицентре и испытал все превратности солдатской участии.

Однажды полк надолго задержался у огрызавшегося огнем дота врага. Оттуда били метко. Когда, наконец, наши разворотили укрепление ударами снарядов, выяснилось, что в доте находились две финские женщины. Немцы и финны были союзниками в той войне. Женщины проявляли себя изобретательнее мужчин, а дрались до последнего.

Противника нельзя недооценивать — это прекрасно понимали все — от солдата до командующего фронтом. А командовал Карельским фронтом с февраля сорок четвертого известный военачальник Мерецков. Линия Манннейгейма, которую фашисты называли неприступной, оказалась нам по зубам. Уже после взятия на нее полюбовался Михаил Терентьев. Смотрел на «ежи» и надолбы, метровую толщу железобетона и думал, что нет крепостей, которые бы не взял русский солдат. Свою крепость Михаил Терентьев взял, защищая Родину. Он был награжден медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией». Для него война закончилась в августе 1947 года. После войны работал на промкомбинате, в Госбанке, с супругой Матреной Егоровной вырастил четверых детей.

— Другой раз подумаешь: интересна и замечательна наша жизнь, — говорит Михаил Павлович. — Как бы еще немного пожить. Хочется увидеть, как оно дальше будет.

На снимке: М.П. Терентьев, г. Кандалакша, 1946 г.

Т. СЕМЯШКИН

САПЕР-ДЕСАНТНИК

— А о чём рассказывать? Родился в Усть-Лыже, работал долгие годы в Усть-Усе, живу-старею в Печоре. Скоро семьдесят пять, — дипломатично отнекивался И.Д. Филиппов, ветеран войны с белой шапкой некогда кудрявых волос, но молодыми еще глазами. А подумав, продолжил: — О войне нынче каждый на свой лад говорит и пишет. Как кому на руку, так и рассуждают о войне. Будь это историки, ученые или политики сегодняшние. Да и сколько времени-то прошло. Порой задумаешься о тех годах и невольно спрашиваешь себя: «Во сне или наяву все это было?»

Так начался разговор с ветераном. Из его воспоминаний, из архивных бумаг и старых фотоснимков да дневниковых записей, что положил на стол Иван Дмитриевич, выстроилась перед глазами фронтовая дорога бойца, опаленная войной биография.

Сорок третий год. Трескучий от мороза февраль. Ване Филиппову только что исполнилось восемнадцать. За спиной — два года рабочего стажа. Плавал навигацию штурвальным на пассажирском пароходе «Советская Республика». Потом — в отделе кадров пароходства. Вынашивал, держал у сердца мечту: выучиться и стать капитаном. Но быть речником не пришлось. Помешала война...

Пятнадцать ребят вышли в путь февральским утром из Усть-Усы. Сумки-котомки в розвальне впереди идущей лошадки, а сами

— шагом. Из деревни к деревне через три дня прибыли в Кожву. А Ваня Филиппов все думал о матери, стоявшей у околицы села, то и дело вытиравшей слезы. «Добудем Победу и вернемся вместе с отцом. Жди нас», — успокоил он мать. Не знал юноша, что отец, воевавший с первого месяца войны, погиб еще в октябре 1942 года. Не знала об этом и мать. Похоронки, видимо, задерживались, не всегда вовремя доходили до места.

А между тем все юноши-призывники из Усть-Усы оказались в городке Маркс (Марксштадт), что под Саратовом. Началась служба в седьмом запасном воздушно-десантном полку. Через три месяца Иван Филиппов на передовой, до конца войны всё в воздушно-десантных частях. Сапер-минер, разведчик. Все пришлось пройти за два года войны. На счету пятьдесят парашютных прыжков. Расчистка дорог от мин противника, разминирование мостов, горящие схватки боев... Так месяц за месяцем, верста за верстой по дорогам войны шагал солдат.

...Март сорок пятого года. Война катится к финишу. Чувствуя свой конец, враг с остервенением цепляется за каждую деревню, за каждую высоту, маломальское укрепление.

Показывая групповой снимок, ветеран рассказывает: «Наш полк наступал на город Папу (Венгрия). Дорогу преградила река. Мост заминирован. С другого берега — шквальный огонь противника. Вызвали к командиру полка. Получил приказ: «Чего бы ни стоило, а мост разминировать». Подобрал из бойцов русского парня Китаева и узбека Хайтова, стал ломать голову, как подобраться к мосту. Но приказ есть приказ — нужно выполнять. Где прячешься за бугорки обвалов, где за прибрежные кусты, перебежками и ползком удалось подобраться к подножию моста. И тут загадка: заминировано так, что и бывалому саперу не разгадать. Разгадали. Один за другим перерезали соединения в трех местах. Может, минут семь—восемь и были под мостом, а попотеть пришлось весь день. «Сюрпризы» с такой головоломкой обезвреживать не приходилось до этого...

Часть тут же пошла в наступление. Как вспоминает бывший боец, за мостом были пленены несколько десятков немцев, в том числе и офицер, руководивший минированием моста. Удивлялся,

как это удалось «раскусить» так хитро проведенное минирование.

За отвагу и находчивость старший сержант Иван Филиппов был награжден медалью «За отвагу». Но война продолжалась. Хватало дела и саперам.

...Полку, в составе которого действовал взвод саперов-десантников, предстояло брать город Иван. Впереди река — очень быстрая Раба. Тут же взялись за обустройство плотов из материалов, что оказались под рукой. Нашли вблизи брошенную шлюпку, тут же отремонтировали. Форсирование шло под постоянным огнем.

— За день шлюпке пришлось переезжать туда-сюда более двадцати раз. Перевезли более двухсот бойцов, много техники. Труднее было тем, кто переходил на плотах. Их относило течением куда быстрее, многие так и не добрались до другого берега. Кто утонул, кто погиб от пуль. Но те, кто перешел, показали настоящую баню укрепившемуся противнику, — вспоминает об этом бое Иван Филиппов.

Через многие государства и города прошла военная дорога солдата Припечорья. Освобождал Брянск, Бобруйск, Слуцк, Будапешт, Вену, Рудгов, Табор, Влтаву...

— А каким запомнился последний день войны? Где застала Победа? — спрашиваю старого гвардейца.

— Была полная весна. Кругом белый дым яблонь. Словно мирный день. Но голос войны был слышен еще всюду: то снаряд где взорвется, то автоматная очередь полоснет воздух, то разорвавшаяся мина где ухнет. Мое отделение расчищало участок дороги от мин. Недалеко штаб полка. Вдруг подкатывает машина. Выходит комбат и кричит: «Братцы, войне конец! Победа!» Было это восьмого мая под Прагой», — рассказывает ветеран.

Победный год. Но разлука с родными местами продолжалась еще пять долгих лет. Только в пятидесятому вернулся солдат в отчий край, вновь увидел родные берега Печоры, милую сердцу Усть-Усу. Восемь лет — немалый срок. Совсем подросли, возмужали младшие братья, заметно сдала мать.

Не сидит без дела бывший сапер-десантник. Вскоре заканчивает финансовые курсы в Горьком. Работает в райфинотделе. Много

лет заведует местной сберкассой. В конце шестидесятых уже перебирается в Печору. Трудится прорабом в РСУ райпотребсоюза. С женой, Александрой Павловной, вырастили сына и дочь.

Хорошо знает цену мирной жизни ветеран войны и труда Иван Дмитриевич Филиппов.

На снимке: И.Д. Филиппов. 1948 год.

Т. СЕМЯШКИН

«ЛЕНИНГРАД МЫ НЕ СДАДИМ...»

Кому из старшего поколения россиян не знакомы вдохновляющие и окрыляющие слова песни военных лет: «Ленинград мы не сдадим, Красную столицу...»

А защитникам северной столицы они были своего рода гимном, призывом, если хотите — приказом. Песня поднимала в атаку, помогала выдерживать многомесячные бои на подступах к городу, придавала силы и терпение в окопной жизни бойцам, защищавшим Ленинград на всем протяжении блокады.

Песню-призыв хорошо помнит Тимофей Филиппов. Помнит страх и лишения тех оборонительных боев под Ленинградом.

Юноше из Мошьюги (Кулим) призывающая повестка защищать Родину пришла в марте сорок второго. В неполные девятнадцать лет шагали они с товарищем-одногодком Исаком Филипповым из деревни к деревне вдоль Ижмы-реки до самой Ухты. Котлас, Киров, Вологда. Здесь призывники проходят курс молодых бойцов. Тимофей изучает станковый пулемет, учится стрелять. И в сентябре уже в составе 187 стрелкового полка попадает в Колпино.

Оборонительные линии. Окопно-траншейная жизнь. Болотная грязь, дожди и снежные бураны, лунные ночи и полная темень — хоть глаз коли. Долгие месяцы под открытым небом. Почти все на одном месте, одна панорама. Позади — в нескольких стах мет-

ров — Ижорские заводы, Колпино. Впереди — узкая лента речки Ижоры. За ней — высоты, прочно занимаемые противником. Его артиллерия без устали бьет по оборонительным линиям защитников города. «Наш оборонительный участок вдоль реки противнику виден как на ладони, а мы к тому же еще ограничены снарядами, боеприпасами. Пулеметам приходилось «работать» по лимиту», — вспоминает ветеран.

— Но главный страх, — рассказывает Т.А. Филиппов, — противник наводил с неба. Редко в какой день не бомбила немецкая авиация оборонительные линии нашего полка, все то, что за нами: территорию Ижорского завода, кварталы Колпино. Так и не привык к штурмовикам врага, которые на бреющем полете стреляли по нашим пулеметным расчетам, по пехотным частям, держащим оборону. Гибли ребята и из моего расчета...

Тимофей Архипович вспоминает бойцов расчета, которые погибли в месяцы обороны. В одной из таких небесных атак был тяжело ранен и он. Как записано в истлевшей от времени красноармейской книжке, это было в июле 1943 года.

Более четырех месяцев лечится в госпиталях. Молодой организм. Военврачи помогли стать на ноги. Но, как говорится, активная война для него кончилась. В передовые части Тимофей Филиппов уже не попадает, однако с пулеметом не расстается до конца войны. С декабря 1943 года обороняет прифронтовые аэродромы в Колпино, Касимово, Углово, в других местах.

А день Победы он встретил под Выборгом, где его зенитно-пулеметная рота охраняла аэродром.

Вернулся пулеметчик Тимофей Филиппов в родные места в начале сорок шестого. Последние версты к дому, как и в мартовские дни сорок второго, шагал пешком, но уже без школьного товарища Исака Филиппова, который погиб, защищая Ленинград, и захоронен, как об этом сообщает Книга Памяти (1 том), в деревне Карбусель Ленинградской области.

Вся послевоенная жизнь Т.А. Филиппова связана с Печорой. Здесь построил дом, вырастили с женой Зинаидой Борисовной трех детей. Двадцать два года отданы службе в милиции. «Отличник милиции». Все богатство, шутит ветеран, — внуки да правну-

ки. Их у Филипповых семеро. Шумно бывает, когда собираются вместе в двухкомнатной, такой просторной для двоих квартире, которую успел получить ветеран при Советах. Дом на Чехова обветшал.

В год 55-летия Победы Т.А. Филиппову исполняется 77 лет. Однако, как сам говорит, интереса к жизни не теряет. Читает газеты, слушает радио, не пропускает телепередачи, особенно предвыборные баталии-«спектакли».

— Куда заведут Россию сегодняшние политики — одному Богу, наверное, известно, — разводит руками ветеран.

ИСПЫТАН НА ПРОЧНОСТЬ

Чумазый паровоз, разметав волнистые косы дыма, мчался из Брянска в Орел. За его стальными плечами грохотали вагоны с различными грузами. На последнем из них и на тендере паровоза сидели солдаты с зенитными орудиями, готовыми открыть огонь в любую минуту по немецким самолетам, которые почти постоянно охотились за нашими железнодорожными эшелонами. И действительно, через какое-то время на горизонте появилась группа вражеских бомбардировщиков. Они летели без прикрытия истребителей, зная, что русские не окажут в небе сопротивления, потому что потеряли значительную часть авиации почти в первые же дни войны.

Немецкие стервятники бомбили состав с разных сторон. А он то быстро мчался вперед, то притормаживал бег, и смертоносный груз взрывался мимо цели. Да и зенитчики этому, в свою очередь, тоже мешали. Сбросив многочисленные бомбы, но так и не добившись своего, фашисты улетели в обратный путь. И лишь тогда машинист вытер струящийся по лицу грязный от угля и сажи пот.

Это был Евгений Худяков, совсем еще молодой человек, но уже с завидным опытом, хладнокровием, расчетом и мужеством. Однако удивляться тут, право, нечему. Он родился и вырос в Брянске в многодетной семье. После девятилетки сразу же поступил в железнодо-

рождное училище и отлично закончил его в 1933 году. Как одному из лучших выпускников, ему доверили водить пассажирские составы, правда, на первых порах в роли помощника машиниста. Но этот период длился недолго. Скоро Е. Худяков сам был старшим на паровозе и восхищал своим профессиональным мастерством, глубокими знаниями техники и безукоризненным отношением к делу других, на первый взгляд, более опытных товарищей. Не случайно его в 1937 году направили в длительную командировку на Дальний Восток, где назревали грозные события, связанные с сокрушительными ударами Красной Армии под Халхин-Голом, у озера Хасан и на других участках фронта по крупным и хорошо оснащенным соединениям японской Квантунской армии.

Несмотря на то, что с тех пор прошло очень много времени, Евгений Дмитриевич и по сей день хорошо помнит, как, перебарывая усталость и липкий сон, водил тяжеловесные составы с углем, продовольствием, военным снаряжением, пушками и боеприпасами по Амурской железной дороге до границы с Монгoliей.

Лишь в 1940 году он вернулся в Брянск, где не только в родном городе, но и над всей страной начинали сгущаться первые тучки второй мировой войны. А пока продолжал со свойственным ему мастерством и усердием водить пассажирские и товарные поезда по привычным маршрутам: Смоленск, Орел, Вязьма, Гомель и в другие города.

Хотя Великая Отечественная война и назревала, для многих из нас она оказалась неожиданной, — рассказывает Е.Д. Худяков. — Все-таки был заключен мирный пакт с Германией о ненападении, да и правительство во главе со Сталиным призывало не паниковать и спокойно трудиться на своих местах. И вдруг — не снег, а бомбы на голову. Но мы и под разрывы их продолжали водить поезда с различными грузами, людьми, которые в спешном порядке эвакуировались вглубь страны. Вот только самим железнодорожникам так и не удалось своевременно выбраться из Брянска. Фашисты настолько быстро захватили его, что мы оказались в пленау. А какая жизнь была в пленау у немцев, теперь хорошо известно. И голод, и холод, и бесчеловечное обращение, а главное — постоянное ожидание смерти...

Однако воля и вера в непременную победу над коварным врагом оказались сильнее вражеских истязаний и угроз, которые иногда чередовались с уговорами и посулами. Особенно яростное и смелое сопротивление фашистам оказывали партизаны. Именно за их решительные и наносящие большой урон действия немцы почти полностью сожгли Брянск, а всех пленных отправили на территорию Белоруссии. Но и здесь их настигала карающая рука партизан. А в один из удачных моментов Евгению Дмитриевичу удалось присоединиться к ним после удачного побега из фашистского лагеря.

Превратившись из невольника в мстителя за поруганную честь и достоинство своей Родины, Е. Худяков вместе с другими боролся с фашистскими оккупантами, пока вместе с регулярными частями Советской Армии в Белоруссию не пришло долгожданное освобождение. А там, узнав, что раньше Евгений Дмитриевич работал машинистом паровоза, тут же вернули его к прежней профессии, на которую в военные годы была наложена так называемая броня. Иначе говоря, людей очень нужных специальностей старались не привлекать непосредственно к боевым операциям, потому что именно тыл обеспечивал гарантию побед на фронтах.

Однако под броней Е. Худяков проработал на паровозе совсем недолго. Как-то, получив из Москвы от тети письмо и узнав, что два его брата погибли в боях с фашистами, он добился отправки на фронт добровольцем. Попал в 40-й Амурский полк 102-й Дальневосточной стрелковой дивизии и участвовал в освобождении Бобруйска.

Затем последовал перевод в 356-й Дальневосточный артиллерийский полк той же дивизии, где Е. Худякову удалось проявить удивительные способности настоящего артиллериста, так как он еще в школе серьезно увлекался топографией, отлично ориентировался на местности, хорошо знал и умел пользоваться многими оптическими и другими приборами, мог четко и безошибочно засекать цели.

Все это, конечно, не раз выручало на фронте и спасало, казалось бы, порой в безысходных ситуациях. Однажды, заняв одну из железнодорожных станций в Польше, полк, в котором воевал Е. Ху-

дяков, со спокойной совестью расположился на ночлег. А Евгений Дмитриевич, по своему обыкновению, где-то укрылся поопределить на всякий случай ориентиры и возможные цели. Ах, как это пригодилось буквально через два-три часа, когда немцы, решив воспользоваться ночной темнотой, предприняли контратаку! Стрелять из пушек? Но куда и по кому конкретно? Выручили вечерние наблюдения и записи Е. Худякова. Он даже в ночной обстановке сумел так скорректировать огонь батареи по заранее зафиксированным целям, что удалось уничтожить три «пантеры» (самоходные орудия), спрятанные в неприметных домиках, не считая пехоты, и перечеркнуть намерения противника.

По-геройски, по-русски, как пелось в популярной в свое время песне, воевал Е. Худяков и на территории Восточной Пруссии, где и завершился его сравнительно короткий, но наполненный ожесточенными сражениями боевой путь. Он с лихвой отомстил им не только за смерть родных братьев, но и за миллионы других безвинно погибших советских людей.

После исторической победы Е.Д. Худяков снова вернулся к своему любимому делу и семье, которая, к большому счастью, была своевременно эвакуирована и уцелела. С 1948 года и до самого выхода на пенсию Евгений Дмитриевич работал машинистом паровоза в локомотивном депо Печора, где его помнят и уважают как отличного специалиста, доброго и верного товарища, принципиального и честного человека.

ВСЮ ВОЙНУ НА ПЕРЕДОВОЙ

Вся война, начиная с 11 июля 1941 года, прошла для Марии Никифоровны Целковик на действующем фронте. В каком бы роде войск она ни служила — в артиллерии, пехоте или танковом батальоне — всегда на передовой.

Будучи фельдшером, она со всех ног бежала на зов: «Сестра, помоги!» «Конечно, если можешь — поможешь, нет — идешь к следующему: надо ведь ко всем поспеть», — рассказывает Мария Никифоровна. — На поле боя никто не делил раненых на своих и чужих, скажем, из другого батальона. А нынче придишь в поликлинику, а там говорят: «Вы к нам не относитесь». Обидно». Не думала Мария Никифоровна, что так будет, когда выносила на своих плечах раненых во время боя на реке Ауце, за что получила орден Красной Звезды. «Я теперь военные фильмы вообще не смотрю после того», — говорит она.

Так сложилось, что вся семья Марии Никифоровны Целковик участвовала в войне. Сама она и ее старший брат служили в действующей армии. Мать, отец и сестра остались в начале войны в деревне под Москвой. «Когда немецкие войска отступали от столицы с такой скоростью, что мы едва за ними поспевали, — рассказывает Мария Никифоровна, — случилось нам проходить через родные места. Тут я с отчаянием узнала, что моего младшего бра-

та расстреляли, а родителей с сестрой немцы посадили в «телятник» и отправили в Германию. Спустя какое-то время мне рассказали, что тот поезд перехватили партизаны. Так спаслась моя семья. Освобожденные отец и мать остались в партизанском отряде вместе с моей восьмилетней сестрой. Воевали... Мама раздобыла где-то швейную машинку и шила для всех бойцов. В 1944 году их отряд соединился с действующей армией, и родители вернулись домой».

Муж Марии Никифоровны был партизаном. Мимолетная встреча в перерыве между боями накрепко осталась в сердцах обоих. Весочки с передовой искали своего адресата в густых лесах среди партизанской армии. Но не скоро предстояло встретиться Марии и Александру даже после окончания войны: только в марте 1947 года Мария Никифоровна демобилизовалась из Германии. А в 1950-м году вместе с будущим мужем приехала в Печору. Тут они и поженились.

Почти сорок счастливых, хотя далеко не беззаботных лет прожили они вместе. У обоих только одна запись в трудовой книжке о месте работы: у мужа — локомотивное депо Печора, у Марии Никифоровны — Печорское АТП. Только осенью 1998 года ушла М. Целковик на пенсию, но долго еще она сердилась на директора: «Рано мне еще на покой, не могу я без работы».

Более тридцати лет трудилась в контрольно-ревизорской службе АТП Мария Никифоровна, держала в страхе всех нарушителей дисциплины на автотранспортном предприятии и «зайцев» в автобусах, не раз хватала за руку даже вора. За такое серьезное отношение к работе ей даже угрожали. Но разве может это испугать человека, прошедшего всю войну?

На снимке: М.Н. Целковик. Германия, 1947 г.

«НЕ ПЛАКАТЬ!»

Смоленск называют воротами Москвы. Не единожды с опустошительными войнами эти ворота проходил неприятель. Последние войны были названы Отечественными, потому что на защиту Родины поднялся весь народ. Но как французы, так и немцы — получили от ворот поворот. Какие они, смоляне? Зададим этот вопрос Марии Ивановне Чистозвоновой (Сильченковой), их землячке.

— Настойчивые, но добрые, — отвечает ветеран последней Отечественной войны.

Немцы уничтожили родной дом Сильченковых. На фронт ушли отец, Иван Иванович, и старший сын Василий. Марию в июле 41-го еще 15-летней забрали рыть окопы на аэродроме, строить противотанковые заграждения. В Смоленске остались мама и шестеро младших детей. Война выгнала их в землянки за город.

Маша Сильченкова, ее подруги сестры Шебеко Зина и Тоня, и еще десятки подростков работали под обстрелом до кровавых мозолей.

— Докопались до того, что не могли вылезти из окопов, — говорит Мария Ивановна. — Отходящие части собрали нас, чтобы взять с собой. Поставили условие: «Не плакать!» Выдали гимнастерки, уставные ботинки с обмотками, юбки.

Трехмесячные курсы санинструкторов девчонки закончили на одном дыхании. Как-никак за их плечами была семилетка, но еще им, шестнадцатилетним, хотелось скорее на фронт. Молодежь рвалась в бой добровольно, уговаривать не приходилось. Санинструкторы — это работа не для слабонервных. Они были с отходящими и наступающими войсками на переднем крае, вытаскивая раненых из-под артобстрела и бомбекки. При себе — нехитрый санитарный набор: бинты, жгуты, обезболивающее да умение оказать первую помощь. Беспомощного раненого, вес которого вдвое, а то и более превосходил вес самой сестрички, приходилось тащить 500—1000 метров до санитарной машины. Кровь и крики, боль и стонущая от разрывов земля — такова действительность, окружившая девчонок и заставившая сразу повзросletь. В прифронтовой полосе санинструктору Сильченковой вручили знак «Отличник санитарной службы».

— Мы относились к 3-му Белорусскому фронту, — рассказывает Мария Ивановна. — Сначала отступали, но в 1943 году пошли вперед и дошли до Восточной Пруссии. Боями под Кенигсбергом командовал маршал Василевский. Мне посчастливилось видеть Александра Михайловича в прифронтовом госпитале. Вошел невысокого роста человек в белом халате, накинутом на погоны. Внимательно осмотрел палаты, поинтересовался состоянием раненых, настроением медперсонала. Я поняла, что мы беседуем с простым и душевным человечком.

Бои за взятие Кенигсберга были тяжелыми. Солдаты гибли десятками тысяч, еще больше было раненых. Санинструкторы не успевали вытаскивать людей из месива боя. Но доставалось и медикам. Марию Сильченкову, контуженную, засыпало землей. Бойцы откопали сестричку, ведь своих не бросают. После лечения Маша была снова на ногах, и ей снова доводилось ползти на передовую, забирая с собой по 20—25 раненых за день, а в дни отдыха помогать в операционной капитану медицинской службы хирургу Нине Ивановне Калашниковой.

В два часа ночи в среду, 9 мая 1945 года, в прифронтовой госпиталь пришла весть о капитуляции Германии.

— Плач стоял в палатах, — вспоминает Мария Ивановна. — Одни плакали от горя, так как остались инвалидами, другие — от радости. Но все вместе мы были горды за нас, за нашу Родину. Мы победили! Однако мы еще не знали, что для нас война не закончилась.

Маршал А.М. Василевский возглавил советские войска на Дальнем Востоке. В составе III Краснознаменной артиллерийской бригады Мария Сильченкова отбыла на о. Сахалин. Здесь довелось испытать фанатизм японских камикадзе, вероломство местного населения, которое днем выглядело гостепримно-приветливым, а ночью уничтожало все, что имело отношение к русским.

Всю японскую войну сражалась вместе с нашими солдатами скромная, приветливая девушка-смолянка. Мама не чаяла увидеть ее живой, ведь не получала от нее вестей. Она оплакала мужа, умершего от ран, старшего сына, погибшего на 2-м Украинском фронте в первые годы войны.

— Не могу передать нашу встречу, — вспоминает Мария Ивановна. — Я вернулась в Смоленск в конце 1946 года, меня уже перестали ждать.

Глядя на эту женщину, думаешь: если бы не война, она могла бы получить хорошее образование, стать врачом. Но у нее украли юность, лишили отца. Ей пришлось вместе с матерью поднимать младших. Не прошли бесследно контузия и пережитое. Но когда речь заходит о том, а стоило ли страдать, ведь иной раз слышишь: «Сдались бы немцам — сейчас бы жили, как немцы», у Марии Чистозвоновой гневом загораются глаза.

— Если бы мы сдались, не победили, то жили бы рабами!

Подвиг этой женщины был отмечен орденом Великой Отечественной войны, медалями «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», многими другими наградами.

НА ОЛЕНЬЕЙ УПРЯЖКЕ

Группа ижемских призывников ехала защищать Советское Заполярье на оленых упряжках. Таково было распоряжение военного командования: прибыть в воинскую часть вместе с оленями и нартами. Добирались по тракту Усть-Цильма — Архангельск довольно долго. С собой везли еду, чум и в нем отдыхали в холодные ноябрьские ночи 1941 года у спасительного костра. Днем, конечно, было веселее, особенно когда выходили встречать и провожать люди из деревень и сел. Некоторые из них, глядя на молодые, почти мальчишеские лица, искренне плакали. Однако сами парни чувствовали себя бодро, приподнято и поторопливши хореями оленей, чтобы быстрее попасть к местам боевых событий.

А военные события в то время были далеко не в нашу пользу. Немецкие полчища, умело используя внезапность своего нападения на Советский Союз, уже создали реальную угрозу и Заполярью, в том числе Мурманску — очень важному в стратегическом отношении городу и незамерзающему северному порту. Так что благополучно прибывшим из Усть-Цильмы ребятам времени на передышку и военную подготовку почти не дали. Научили обращаться с винтовкой, стрелять из нее и сказали: «Будете подвозить на оленых упряжках боеприпасы, а на обратном пути забирать с поля боя наших раненых и убитых солдат».

Вот так уроженец села Сизябск Ижемского района Александр Чупров, который до войны плавал штурвальным на пароходе по Печоре, оказался среди мужественных защитников Заполярья. Его определили ездовым в 10-й оленье-лыжный батальон, сражавшийся против фашистов на Мурманском направлении. Сражался упорно и смело со значительно превосходящим в живой силе и технике, особенно в авиации, противником. Постоянные атаки, контратаки за каждые сопку, населенный пункт были яростными и кровопролитными. Неоднократно попадал в эту смертельную круговерть и А. Чупров. Иногда раненых было столько, что их не успевали вывозить хотя бы в более или менее безопасные места. А убитых приходилось просто оставлять на «потом». К тому же по оленям упряжкам немецкие летчики на бреющем полете так легко и безнаказанно стреляли из пулеметов, что были видны их злорадные улыбки.

А однажды фашистам удалось окружить группу ижемских каюров и взять их в плен. Однако уже через день они бежали к своим. Вот тогда Александр Митрофанович и получил первое ранение. Пуля преследователей разбила приклад его автомата, задела руку, застряла в кафтане и стала своеобразным трофеем воина, напоминающим о счастливых случайностях на войне.

И еще «однажды» произошло во фронтовой жизни А. Чупрова, когда ему удалось точно определить место падения бомбы и своевременно укрыться за большой камень, которыми Заполярье, как известно, изобилует. Правда, от взрывной волны получил довольно сильную контузию, а вот от его оленьей упряжки и следа не осталось.

На войне, как на войне. Александру Митрофановичу приходилось не только раненых вывозить и доставлять боеприпасы, но и готовить еду для солдат, рыть окопы и траншеи, стрелять по противнику. Эту нелегкую солдатскую долю он пронес до конца войны, которую завершил в Норвегии. Его праздничный костюм украшают орден Отечественной войны I степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья» и многие другие.

В годы мирной жизни А.М. Чупров работал электромонтером в Щельяюре, плотником в системе Печорского речного пароходства. Строил баржи, дома и другие объекты. Александр Михайлович, пожалуй, один из самых старейших ветеранов минувшей войны в нашем городе. В августе нынешнего года ему исполнится 90 лет. Живет в Печоре с 1980 года.

Н. ШАРЫПОВ

В ТУНЬЯЮ ЗАВЕРШИЛСЯ ПОХОД...

Война застала Леонида Чупрова в родной Усть-Лыже четырнадцатилетним мальчишкой, только что окончившим местную семилетку, но достала своим краешком и его. Осенью сорок четвертого семнадцатилетнего юношу Усть-Усинский райвоенкомат направляет на месячные курсы радиостанций.

С группой товарищей по первопутку попадают в Кожву. А там Котлас, откуда новобранцев отправляют в Архангельск. После краткосрочных курсов бронебойщиков в составе 33 стрелкового запасного полка попадает под Ленинград. Оттуда через некоторое время полк снова возвращают в Архангельск.

— Война шла к завершению, а нас то и дело перебрасывали. Словно лишили нас участия в победном конце, — говорит о тех месяцах Л.Ф. Чупров.

Как он рассказывает, полк срочно переправляют через Северную Двину и направляют к Белому морю без объявления цели и задач. Через неделю — два новый приказ: вернуться в Архангельск. Здесь и застает Победа. Конец войны на Западе, Но нет еще полно-го мира.

Часть, где служит Леонид Чупров, в срочном порядке ночью везут в неизвестном направлении. Неизвестные станции. Но вскоре становится понятным: везут на Восток. Из Забайкалья попадают

в Монгольские степи, где подразделения 31 гвардейского механизированного ордена Богдана Хмельницкого Порт-Артурского полка, расположившись в полевых палатках, стояли около трех месяцев. Здесь командир гаубичного орудия сержант Леонид Чупров узнает весть о начале войны с Японией.

Полк в тот же день снимается с позиции и сутками двигается по степям Маньчжурии и Монголии. Пройдены сотни километров. Почти без боя освобождают Мукден, город Тунъляо. Вояки хваленой Квантунской армии, ошеломленные ударами советских войск в спину, под натиском внезапности сдаются группами.

В городе Тунъляо застает Леонида Чупрова весть о победе над Японией. Здесь завершился поход. Но военная служба его продолжалась еще долгих шесть лет.

В конце сорок шестого 31-й полк расформировали, и Леонид Чупров с несколькими бойцами попадает в Хабаровск. Служит в опергруппе при штабе маршала Малиновского, потом в составе войсковых частей во Владивостоке, на Южном Сахалине, на островах Уруп, Итуруп, Кунашир.

В родную Усть-Лыжу возвращается Л.Ф. Чупров в сентябре 1951 года. В поисках заработка едет в Сыктывкар, где работает несколько лет. Здесь он женится на девушке из Прилузья.

Но Припечорье манит все сильнее. И молодая семья в пятьдесят седьмом приезжает в Кожву. Ветеран войны дальнейшую судьбу свою связывает с поселком, Печорской лесобазой. Почти тридцать лет работает механиком, старшим механиком лесорейда, механиком строительно-ремонтного участка.

Вырастили и воспитали Чупровы двух дочерей. Нина, старшая в семье, преподает в городской средней школе, Глафира — председатель Печорского городского суда.

За ратный труд ветеран войны отмечен орденом Отечественной войны, медалью «За победу над Японией», другими наградами.

На снимке: Л.Ф. Чупров. Бурятия, 1946 г.

КИПИЕВО — БЕРЛИН: ТАКОВА ДОРОГА ВОЙНЫ СОЛДАТА СТЕПАНА ЧУПРОВА

Степана Чупрова знаю четверть века. Но так, со стороны как бы. На парадах, что проходили на городской площади в прошлом, его высокая и стройная фигура с наградами на полную грудь выгодно выделялась. Не раз к тому же слышал: пулям врага не кланялся.

Познакомились ближе года четыре назад. Сидели в частном, его же руками сработанном доме. И во дворе, и внутри заметна рука справного хозяина. Чистота и уют, приветливость хозяйки особо располагали к беседе.

Разговор начался, конечно же, о войне, о прошлом. О припечорском селе Кипиеве, откуда уходил на фронт и Герой Советского Союза Александр Ефимович Чупров. Не терпелось спросить: хорошо ли знал его,помнит ли?..

— Как не знать, — удивился Степан Николаевич, — как ходить начали, все были вместе. В одном чуме росли. А потом пастушили в одном стаде. Саня был на два года моложе меня, но в деле ничем не отставал от опытных пастухов...

Услышанному даже обрадовался. А тут жена, Мария Филимоновна, как бы мимоходом добавила к словам мужа: двоюродными братьями приходятся...

Оказалось, что отцы Степана и Героя Александра Чупрова — родные братья. Были опытными пастухами.

Кипиевский колхоз в те годы был довольно крепким хозяйством. Было пять крупных оленевых стад. Хороших пастухов ценили. В одной половине чума жила семья Ефима Чупрова, в другой — отца Степана Чупрова.

— Расстались в феврале сорок второго. Призвали меня в армию, а Санька остался. Лет не хватало, — вспоминает Степан Николаевич.

— Всего-то года полтора и пришлось воевать Александру Чупрову. Но, как пишут в книге «Сердца и звезды», был исключительно храбрым бойцом. Отвага и решительность не вдруг приходят. Наверное, замечалось это у Александра в чем-то и до войны? — продолжаю расспрашививать.

— В оленеводстве нелегко приходилось. Что только не бывало на переходах. Но, как помню, Александр не терялся в любой ситуации...

Мария Филимоновна же дополняет сказанное: с детства ничего не страшился. Рано остался без матери. Когда она умирала в чуме, двенадцатилетний Санька в одной рубашке бросился за помощью в соседний чум, стоявший в тринадцати километрах, звать мужиков. Долго удивлялись, как не заблудился, не замерз...

Беседуем о Герое Советского Союза А.Е. Чупрове в доме его брата. Дом же стоит на улице Николая Оплеснина, тоже Героя Советского Союза. Как говорится, нарочно не придумаешь.

Но а как же сложилась фронтовая биография хозяина дома, солдата Степана Чупрова?

143-й полк, формировавшийся под Архангельском, перебрасывают под Ленинград. Занимает позицию на Пулковских высотах. Полгода бойцы полка, в том числе и девятнадцатилетний юноша из Кипиева, сдерживают натиск врага.

Бесконечная стрельба, дрожащая, словно в судороге, земля, завеса дыма, пыли и грязи в воздухе — ко всему привыкает солдат. «Под гром бомбёжек засыпаешь, как будто так и надо. Наоборот, воцаряется тишина — как-то не по себе чувствуешь. Не знаешь о намерении врага. Заснешь на мгновение — дома побываешь: все

близкие перед глазами проплынут, — рассказывает о тех месяцах ветеран.

Трудные они были. Триста граммов хлеба на бойца. Горячее питание — время от времени. Часто — вода да сухарики из вещемешка. И никакого недовольства. Командиры и солдаты знали: за спиной Ленинград. Там не легче, а, может, труднее. Согревали воспоминания о доме, о близких, разговоры о конце войны...

— Степан, как бы ты посмотрел сейчас на кусок строганины? — спросил как-то, грызя кусок сухаря, Леонид Рочев, тоже из припечорской деревни.

— А зачем смотреть? Я бы тут же съел. Конечно, поделился бы с тобой, — ответил Степан.

Что ни говори, а лежать под огнем, подниматься в атаку на встречу врагу, осиливать голод и холод все же легче, когда рядом земляк, — с улыбкой вспоминает Степан Чупров о тех днях у Пулкова. А земляков из припечорских сел и деревень в полку было немало.

Полк стоял стеной на пути врага к Ленинграду, который находился за спиной в двадцати километрах.

...Войска Ленинградского и Волховского фронтов готовились к прорыву блокады. Время от времени завязывали бои, но без больших успехов. Многие месяцы уже северная столица была оторвана от страны.

И все же перелом начался. В декабре сорок второго стрелковый полк, где служили многие юноши Припечорья, значительно выдвинулся вперед. Многодневные бои. Силен враг в своих укреплениях, но все же дрогнул, а потом и попятился.

В первых рядах атакующих Степан Чупров. Перебежками приближается к окопу, бросает гранату, и все куда-то ушло, завертелось. Контузейного и раненого уже после боя обнаружил Леня Рочев, земляк. Уложил на соединенные между собой финские лыжи. Вынесли с передовой санитарные собаки. В память пришел уже в санпункте. Врач выносит заключение: дальше вести нельзя... Два месяца лечится в медсанбате. Как-то приходит туда командир дивизии, обращается к раненым. Что называется, ничего не скрывая:

— Вдоль железной дороги путь на Ленинград открыт. Но дивизия обескровлена, потери большие. Приказывать не могу, но кто может, прошу вернуться в строй...

Степан Чупров возвращается в свой взвод. Окончательно окреп уже в полку. Несколько дней в обороне, и снова бои. Битва за разжатие вражеского кольца вокруг Ленинграда.

Стрелковому батальону, в составе которого воевал С. Чупров, приказано брать село, стоящее в некотором отдалении. Комбат выбрал четверых бойцов, в том числе и Степана. Поставил задачу: «Батальон ночью пойдет в обход, будет атаковать их с тыла. А вы оставайтесь здесь. Больше стреляйте, сильнее шумите. Пусть фриц думает, что батальон на прежней позиции. Надеюсь на вас!»

После полуночи враг начал минометную стрельбу по позициям батальона. «Словно конец света наступил», — вспоминает ветеран. Стреляют и они, четверо оставшихся. Но погибают один за другим Крючков, а потом Шевкун. Остаются вдвоем: Чупров и с ним Рожнов, пожилой солдат. Начинает светать. Слышно, заработали танки противника. Бомбежка страшна, но не менее жутка и танковая атака. Один «ползет» прямо на бойцов. На броне прижалась более десятка немцев. «Степан, лежать будем — конец нам. У тебя же бутылка со смесью... бросимся навстречу», — предлагает выход Рожнов. Поползли навстречу черной громадине. У Рожнова — автомат, у Чупрова — ручной пулемет и бутылка с «горючкой». Танк почти рядом. Степан бросает бутылку. Тут же открывают стрельбу по прыгающим с танка немцам. Пытаются укрыться кто куда. Но дружная работа храбрецов не дает надежды на спасение.

Тишина. Лишь столб дыма загоревшегося танка с боку. Бойцы лежат, уткнувшись в снег, ставший таким теплым и дорогим. Не верят, что живы. Расслабление наступает не сразу. «В счастливый час, видать, родились мы с тобой», — дает голос Степану товарищ. Собирают трофеи, заодно документы с убитых немцев. И вдруг, как из-под земли, слышится и нарастает «Ура-а-а!..» Батальон почти без потерь занял село.

Степану Чупрову и Рожнову (имя ветеран не помнит) командир полка тут же вручил медали «За отвагу» за ночной бой.

А через несколько дней, при наступлении на Псков, Степан Чупров получает новое ранение. На этот раз в ногу. Расстается с товарищами. Оказалось, что заодно — и с пехотой.

— Лежал на этот раз в Ленинградском госпитале. Поправлялся быстро. Скоро бросил и палку. А тут в госпитале «покупатель» капитан Яншин появился в форме артиллериста. И вдруг обращается: «Есть кто из Коми?» Сказался. Дескать, из оленеводов. Капитан же продолжает: «В ваших краях, как рассказывал отец, мужчина-охотник белке в глаз попадает...» «Наши мужики и на медведя с одним ножом ходят», — бодрюсь я. Так попал в артиллерийскую часть. Очень уж по сердцу пришелся капитан. Оказался он командиром разведгруппы 154-го сибирского артполка, — рассказывает С.Н. Чупров.

Воюет Степан Чупров разведчиком-корректировщиком. То и дело приходится менять позицию. Выпustят пушки несколько залпов и снова меняют место. Степан не у пушки, он не стреляет. Разведчик впереди, ближе к немцам. Наблюдает, узнает, отмечает. Расчеты нужны точные.

Одер. Чупров с товарищем на колокольне высящейся у реки церкви. Помогают артиллеристам рушить укрепление врага на другой стороне реки.

Бои продолжаются и за Одером. Как-то соседний пехотный полк, добираясь по лесной просеке, не встретив никакого сопротивления, попал в тыл больших сил противника, стало быть — в окружение. И.С. Конев, командующий Первым Украинским фронтом, узнав об этом, просит направить в тыл немцев более сметливого корректировщика, чтобы разбить танковую колонну немцев, которая могла нанести серьезный урон попавшему в окружение полу. Командир артполка подполковник Шестеряков выбор остановил на Чупрове.

Приказ был выполнен. Потом, как вспоминает ветеран, сам маршал Конев благодарил его. А на груди солдата появилась вторая медаль «За отвагу».

...От Кипиева до Берлина — такова фронтовая дорога пехотинца и артиллериста Степана Чупрова. Только в сорок седьмомозвращается он в родное село. Из шестерых сыновей старого оленев-

вода Николая Чупрова в отчий кров вернулись четверо. Двое — Егор и Яков — погибли. Сегодня в живых осталось двое: Иосиф, здравствующий ныне в деревне Чарка-бож, да он — Степан Чупров.

Трех сыновей да дочь вырастили и воспитали Степан Николаевич и Мария Филимоновна Чупровы. Все почти рядом, в одном городе. Соберутся — тесно бывает в просторном родительском доме. Радуется ветеран внукам и правнукам, семейному соглашению.

На снимке: С.Н. Чупров. Австрия, июль 1946 г.

СПУСТЯ ПЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Повезло, считает матрос Шашев, ему на войне. Призвали в 42-м на Северный флот. Мурманск, куда доставили новобранцев, предстал разрушенным, сожженым. Гражданское население после бомбёжки в июне 42-го эвакуировали. Работали несколько значимых объектов да трудяги-порты. В боях ему участвовать не довелось — служил в береговой обороне. Часть занималась доставкой боеприпасов на точки — вдоль побережья стояли зенитные батареи. Работали сутками, рейсы на взрывоопасной барже не считали. Едва отменяли воздушную тревогу (а ее объявляли по несколько раз в сутки) и стихала канонада, матросы из бомбоубежищ спешили на площадку-склад боеприпасов, грузили снаряды — и в путь. Не случайно, вспоминая Заполярье, Алексей Васильевич события фронтовых лет называет работой, добросовестной, до пота. И скромно обозначает род деятельности: «167 лабораторная рота имела дело с боеприпасом, и нас охранял (имеется в виду объект, в арсенале которого была боевая начинка) целый батальон». Маскировали под мох лишь стратегический объект. Матросы же квартировали не на корабле — на берегу в бараках, чтобы на случай тревоги успеть скрыться в бомбоубежище.

По полдня буксировали баржу до пункта назначения, иногда прижимаясь к берегу. Незамерзающее море и непогода не пугали

невысокого крупного на вид паренька, выросшего на реке Печоре. Он хорошо знал и любил водную стихию, ну а трудиться деревенские умеют.

Случалось и пожары тушить, когда бомбили нефтебазы. Но и здесь судьба уберегла его от смерти. Без единого ранения завершилась для него Отечественная. А баржи на Печоре до сих пор напоминают фронтовые караваны снарядов.

Годы на огненном 10-километровом, замаскированном от бомбёжек материке плюс кадровая служба после войны отдалили будущего строителя от профессии. Лишь несколько раз и пригодилось его умение — финские домики для офицеров части собирали после войны в Мурманске. Больше нигде и никогда не строил, кроме своего дома в послевоенные годы.

А вернулся в родные края Алексей Васильевич в 50-м и сразу на Печору — к старшему брату. 35 лет работал на межрайбазе. Есть чем гордиться и ему. Есть орден Отечественной войны, медаль Жукова, другие награды. Его правило: любое дело выполнять на совесть, без суэты и шумихи.

ПОМНИМ---

Все меньше тех, кто на полях сражений
Свою Отчизну грудью защищал.
Они от мук сердечных и ранений
Уходят к тем, кто смертью храбрых пал
На поле брани под свинцовой вышкой,
Недолюбив и недожив свое.
И каждый бился за себя и друга,
За каждое советское село.
Они фашистов орды разгромили,
Почти что пол-Европы прошагав,
И над рейхстагом знамя водрузили,
Легендою для многих в мире став.
Они страну из пепла возрождали,
И путь их снова был тяжел и крут.
И к боевым наградам прибавляли
Награды за ударный мирный труд.
Они всегда как будто рядом с нами
С готовностью помочь в беде любой,
И с новыми российскими врагами
Ведут жестокий, но священный бой.

Евгений ЛАЗАРЕВ.

A black and white portrait photograph of Alexei Filiippov, a man with short dark hair, wearing a military uniform with a high collar and insignia on the shoulders.

Н. ШАРЫПОВ

ПОБЕДУ ВСТРЕТИЛ В ЛАТВИИ

Филиппов А.Ф.
(1915—1982)

Юноша из деревни Новик-Бож Усть-Усинского района еще в 1939 году окончил Печорский речной техникум. В том же году его призвали в Красную Армию. Службу проходил на Дальнем Востоке во 2-й Краснознаменной Дальневосточной Армии в 214-м стрелковом полку. Там и застала его война.

Акима Филиппова направляют на всеармейские курсы «Выстрел», по окончании которых в сентябре 1942 года он прибыл на Западный фронт в качестве командира взвода 463 стрелкового полка 118 стрелковой дивизии.

Под Ржевом шли сильные бои. Здесь 17 декабря 1942 года Филиппов получил первое легкое ранение в голову.

После взятия Ржева 463-й полк освобождал от фашистов Калининскую и часть Смоленской областей: в течение месяца продвинулись на 175 километров. Были освобождены десятки деревень и сел.

В одной из таких деревень, как вспоминал ветеран, несколько домов еще горели, и солдаты взялись их тушить. Встретился старик — местный житель, с обгорелыми лицом и руками. Но он мог еще говорить. И вот что он рассказал. Перед отступлением фаши-

сты собрали всех жителей деревни. Мужчин выстроили по одну сторону дороги, женщин и детей — по другую. Больше десятка мужчин, часть из которых выловлена была фашистами в лесу, на глазах женщин и детей загнали в здание школы, закрыли вход и подожгли. Так фашисты обходились с мирными жителями.

Помнил Аким Федорович и такой случай из военной жизни. 30 января 1944 года в одном из селений западнее города Невель командир 85-й гвардейской дивизии генерал-майор Городовиков собрал командиров в крестьянском доме и поставил задачу трем ротам 251-го полка: прорвать сильно укрепленную линию обороны противника, отрезать шоссейную дорогу, закрепиться там до подхода основных сил и не дать фашистам возможности отступления.

Линию обороны фашистов прорывать пришлось очень тяжело. Проход в проволочных ограждениях артиллерия пробить не смогла, и пришлось ее пробивать пехотными лопатами. Затем набросали шинели на проволоку и только так преодолели проволочное заграждение. Прорвав оборону противника, захватили батарею шестиствольных минометов, много боеприпасов и другое военное оборудование. Перекрыли дорогу, завалили ее прицепами, лафетами, ящиками. Сами заняли круговую оборону.

В этом бою осколком вражеского снаряда А.Ф. Филиппов был тяжело ранен в грудную клетку. Очнулся, когда его подобрал санитар и отвез до первого укрытия. За этот подвиг гвардии лейтенант Филиппов был награжден орденом Красной Звезды.

После излечения воевать пришлось долго. Был ранен еще. Закончил службу в декабре 1945 года в Латвии.

После демобилизации работал председателем Юшорского тундрowego совета Ненецкого округа, с 1950 года — в Печорском бассейновом управлении пути. В 1951 году А.Ф. Филиппов переехал в поселок Кожва и трудился на различных должностях в Кожвинском лесоперевалочном отделении комбината «Воркутауголь» (ныне Печорская лесоперевалочная база). С 1959 года Аким Федорович работал преподавателем труда — сначала в Кожвинской, затем — в Левобережной средней школе.

A black and white portrait of Alexander M. Gusev, a middle-aged man with dark hair, wearing a suit jacket, a light-colored shirt, and a patterned tie.

Н. ШАРЫПОВ

ВОЕВАЛ НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

Гусев А.М.
(1923—1989)

Александр Гусев родился на Вологодчине, но детство его проходило в Припечорье. В Усть-Вое закончил семилетнюю школу. Потом были Сыктывкарский кооперативный техникум, кратковременная работа товароведом. Грязнула война, и Александр, еще не достигнув восемнадцатилетнего возраста, подал заявление в военкомат о добровольном призыва в Красную Армию. Призвали в октябре 1941 года. Учеба в Пуховичском военно-пехотном училище. Закончил лейтенантом. Направили командиром стрелкового взвода в дивизию, которая несла оборону рубежей на подступах к Москве.

Замыслы фашистов в отношении столицы нашей Родины к тому времени были уже развеяны. Но сгущались тучи на Сталинградском направлении. Здесь, под Сталинградом, А.М. Гусев принял боевое крещение. Жестокие бои не прекращались ни днем, ни ночью. Создалось критическое положение. По войскам передавался приказ Сталина: ни шагу назад! Взвод лейтенанта Гусева держал оборону. Боеприпасы выдавались строго по норме. Хлеб — тоже.

19 ноября 1942 года Александру Максимовичу и двум солдатам его взвода поручили передать в штаб полка пакет. При возвращении после выполнения задания лейтенант пулеметной очередью был

тяжело ранен в грудную клетку с повреждением позвоночника. Парализовало ногу. Предстояло долгое лечение.

После госпиталя А.М. Гусев воевал на 3-м Украинском фронте в дивизии под командованием легендарного генерала В.И. Чуйкова. Участвовал в освобождении Николаева и Одессы, будучи уже старшим лейтенантом.

Ожесточенные бои против танковых сил противника. В марте 1944 года Александр Гусев снова ранен. Пять месяцев пролежал на излечении. После госпиталя фронтовая дорога продолжалась. Сражался за освобождение Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии. В Будапеште принял под командование роту. Фашисты продолжали оказывать упорное сопротивление. За каждую пядь земли велись жестокие бои. В подразделении после этого оставались в живых всего 37 человек. 13 февраля 1945 года советские войска освободили столицу Венгрии. Гусеву было присвоено звание капитана, он был награжден орденом Красной Звезды.

Дальнейший путь Александра Максимовича проходил в боях за Австрию и Чехословакию. День Победы встретил в городе Бенешова. Но война для него на этом не закончилась. Через двадцать дней дивизия, в которой служил А.М. Гусев, погрузилась в эшелоны и двинулась в путь через всю Европу и Советский Союз в Монголию. До места назначения добирались месяц. Затем почти 95 километров под жарким августовским солнцем и пескам полупустынной Галцахарси вместе с армией Монгольской Народной Республики с боями преследовали японцев.

2 сентября 1945 года в Порт-Артуре вместе с капитуляцией Квантунской армии закончилась наконец-то война и для Александра Гусева. Однако демобилизован он был лишь в июле 1946 года.

Вернулся в Припечорье, ставшее второй родиной. Начал учительствовать в Усть-Войской школе. Здесь же женился на коллеге по работе Александре Ивановне, поступил на заочное отделение Сыктывкарского пединститута. В 1954 году приехал в поселок Кожва и 35 лет преподавал историю в средней школе, был директором.

Более десяти лет нет его в живых. Но ученики Александра Максимовича, жившие и работавшие с ним рядом, видевшие войну лишь по кадрам фронтовой кинохроники и художественных фильмов, будут всегда помнить о таких солдатах-победителях, каким был А.М. Гусев. Мы помним.

A black and white portrait photograph of Yakov G. Sobolev. He is a middle-aged man with dark hair, wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt and a patterned tie. He has a serious expression and is looking directly at the camera.

Т. СЕМЯШКИН

БЫЛ ДЕСАНТИКОМ

Соболев Я.Г.
1924—1992 г.г.

В Печорском да и в Усинском районах едва ли есть село или деревня, где бы не знали или не помнили Якова Соболева. А в памяти людей он остался честным и верным служению делу, которому посвятил всю послевоенную жизнь.

...Демобилизовавшись из армии весной сорок седьмого года, его сразу же избирают председателем правления Усть-Усинского сельпо, спустя два года назначают директором Заготконторы. С 1953 года на протяжении семнадцати лет он — бессменный председатель правления сначала Усть-Усинского, а после объединения районов Печорского райпотребсоюза.

Несколько лет по направлению работает в системе госторговли, а потом снова возвращается в кооперативную торговлю. Последние пять лет до выхода на пенсию трудится председателем Печорского горпо.

Многие созывы подряд избирался депутатом городского Совета, был делегатом Всесоюзного съезда кооператоров. Еще в 1961 году ему было присвоено почетное звание «Отличник Советской потребительской кооперации».

А уходил на фронт юноша из небольшой деревушки Макариха в октябре 1942 года. В день восемнадцатилетия попадает в Заполярье. Два года воюет в составе 63 бригады морской пехоты. Об этом свидетельствуют медаль «За оборону Советского Заполярья», знак «Воин-десантник». Матрос Яков Соболев не один раз участвовал в стычках с врагом в составе десантных групп. Немцы же десантников в бескозырках особо боялись. Их натиску редко удавалось что-либо противопоставить.

В октябре сорок четвертого Яков Соболев получает пулевое ранение. После нескольких дней излечения продолжает службу до самой демобилизации в штабе бригады.

Вот все, что можно было установить из документов семейного архива, который позволила посмотреть его жена Евгения Михайловна Соболева, всю жизнь проработавшая в школах. Ничего не смогли дополнить и в горвоенкомате. «Не любил он вешать ордена да медали. Так вот и лежат они в шкатулке», — показывает награды мужа Евгения Михайловна.

Вырастили Соболевы четверых детей. Все со специальностями. Все имеют свои семьи. А рядом, как говорит Евгения Михайловна, лишь одна дочь. Сын — в Якутске, дочери — одна в Сыктывкаре, другая в Армавире. Но где бы они не были, все хранят память об отце.

Т. СЕМЯШКИН

ОСТАВАЛСЯ ВЕРЕН КРАЮ

Пономарев А.А.
(1915-1993 г.г.)

Александр Пономарев в неполные шестнадцать лет покидает отчий дом на Выми. А в неполные двадцать с дипломом финансово-экономического техникума приезжает на Печору. Направляют специалиста в самый оживленный в те годы уголок — в Усть-Усу. Районный центр обширного Усть-Усинского района, здесь же управление пароходства, здесь и центр только что образованного округа — Печорского, территории которого равнялась почти половине Республики Коми, Усть-Уса в те годы служила своего рода большой перевалочной базой. Днем и ночью прибывали техника, люди. Отсюда начиналось «наступление» на воркутинские угольные месторождения. Старинное коми село во второй половине тридцатых было истинно интернациональным. На его улицах слышалась русская, азербайджанская, украинская, грузинская, белорусская и другая речь.

Александр Пономарев начинает работать помощником секретаря окружкома партии. А через некоторое время избирают его секретарем окрисполкома. На общественных началах возглавляет первую комсомольскую организацию. С должности секретаря окрисполкома и уходит на фронт в первые же месяцы войны.

В октябре сорок первого он уже курсант Пуховичского пехотного училища. С января сорок второго года лейтенант А. Пономарев во главе стрелкового взвода принимает участие в боях. В составе 392-го, а затем 650-го стрелкового полка Волховского, Степного и Первого Украинского фронтов шагает по дорогам войны до победного конца. Фронтовой путь его не без ранений и царапин. Трижды раненный, он каждый раз возвращался в строй.

После Победы лишь спустя год возвращается в Припечорье, которому оставался верен до конца жизни. Отдавал ему все силы и знания. Работал секретарем Усть-Усинского райисполкома, затем долгие девять лет — первым секретарем райкома партии. Работает и учится. С отличием заканчивает Высшую партийную школу.

В связи со слиянием Усть-Усинского и Кожвинского районов переезжает в Печору. Работает секретарем парткома пароходства, многие годы — начальником отдела кадров пароходства. Его обязательность в делах и внимание к людям, умение без шумихи и волокиты решать вопросы, доброту и участие помнят многие речники.

А.А. Пономарев многие годы был депутатом Верховного Совета Коми АССР. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры», он являлся персональным пенсионером России.

За успехи в мирный период А.А. Пономарев был награжден золотой и двумя бронзовыми медалями Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства. За ратные дела — орденами Красной Звезды и Отечественной войны, многими медалями.

A black and white photograph of Ivan Pastukhov, a young man in a Soviet military uniform. He is wearing a dark jacket with four pockets, a high standing collar, and several medals pinned to his left chest. He has short dark hair and is looking directly at the camera with a neutral expression.

Т. СЕМЯШКИН

ГВАРДИЙ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ

Пастухов И.Я.
(1923–1993)

Иван Пастухов, юноша из Соколова, был призван Кожвинским райвоенкоматом в июне 1942 года.

Из архивных данных Печорского горвоенкомата видно: все три года войны прошел в составе 115 гвардейского стрелкового полка. Освобождал Украину, Польшу, день Победы встретил в Германии.

Но после победного дня служба И.Я. Пастухова продолжалась еще пять лет. Гвардии старший сержант вернулся в родные края летом пятидесятиго года. Армейские погоны он сменил на милиционные. Более десяти лет служил в органах внутренних дел города Инты. В середине шестидесятых вернулся в родное село и до выхода на пенсию работал в системе сельской потребительской кооперации.

Иван Яковлевич Пастухов за ратный труд был награжден орденом Отечественной войны, двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За оборону Ленинграда» и многими другими наградами.

Т. СЕМЯШКИН

«БЫЛ НАДЕЖЕН ВО ВСЕМ...»

Артеев Г.Г.
1925—1994 г.г.

Григория Галактионовича Артеева знали и в районе, и городе. Спокойного в беседе, рационального, но вместе с тем решительного в действиях — таким печорцы помнят его и сегодня.

Двадцать два года прослужил, не жалея жизни своего, в системе райобъединения «Сельхозтехника». И пятнадцать из них, до самого выхода на пенсию, — в должности заместителя управляющего. Стало быть, мало кому из руководителей предприятий, владеющих хоть какой-то техникой, не приходилось обращаться к услугам объединения.

С.М. Растворов, который на протяжении 23 лет был управляющим объединением, характеризует его коротко и довольно точно: был надежен во всем и отлично знал дело...

Юноша из Ижмы Гриша Артеев уходил на фронт в морозном декабре сорок второго года. Как и все — до Ираеля пешком, а там до Ухты — в теплушке.

Восемнадцать исполнилось ему, когда он был курсантом при 14-м стрелковом полку. После нескольких месяцев подготовки попадает не на передовую, а снова на учебу, на этот раз в 32-й отдельный учебный танковый полк. И только в феврале сорок

четвертого оказывается на фронте. Воюет в составе самоходного артиллерийского полка на 1-м, а потом на 2-м Прибалтийских фронтах. Заряжающий орудия сержант Григорий Арteeев участвует в Витебско-Оршанской и Рижской операциях, освобождает г. Мемель, принимает участие в блокировании крупных сил противника в Курляндии.

Победа застала молодого воина в Прибалтике. «Двигались на самоходках к Западу, а вдоль дороги радостные и обнимающиеся люди. Остановилась колонна, и тут же забросали нас цветами: Победа!...», — так вспоминал Григорий Галактионович об этом дне.

Однако после дня Победы служить ему пришлось еще долгие четыре года. Достаточно грамотного по тем временам юношу с отличной каллиграфией оставили при штабе части.

Вся послевоенная жизнь прошла у ветерана войны в Печоре. Работал механиком Рыбтреста, долгие пять лет — шофером в отделе культуры. С 1961 года — в объединении «Сельхозтехника»: механик по техобслуживанию, заведующий мастерскими, старший инженер по новой технике, заместитель управляющего...

Ратный труд гвардии сержанта Г. Г. Арteeева отмечен орденом Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги» и другими наградами. В 1975 году ему было присвоено почетное звание заслуженного работника Коми АССР.

Т. СЕМЯШКИН

ГВАРДИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Карпов В.Н.
1924—1995 г.г.

Владимир Карпов на войну был призван в августе 1942 года Кожвинским райвоенкоматом. Восемнадцать лет исполнилось ему спустя два месяца, когда он уже был курсантом Велико-Устюгского военно-пехотного училища.

После восьми месяцев учебы попадает во 2-й Прибалтийский фронт. В качестве командира стрелкового, а потом взвода ПТР принимает участие в боевых действиях до конца августа 1944 года. Освобождает территории Новгородской и Ленинградской областей, все правобережье Западной Двины.

В боях гвардии лейтенант Владимир Карпов был трижды ранен.

Тяжелое ранение получил в августе сорок четвертого. Полгода находился в госпиталях. Решение врачебной комиссии неоспоримо: к дальнейшей службе не годен.

Приехав в Усть-Усу, начинает работать в школе. Работает и учится. Сначала заканчивает педучилище, а уже в 1965 году — факультет истории Кomi пединститута. Более 30 лет отдал Владимир Николаевич Карпов воспитанию подрастающего поколения. Он был истинным наставником и высокограмотным преподавателем.

Уже с выходом на пенсию на постоянное жительство переезжает в Печору.

Ратный труд ветерана отмечен орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, многими медалями.

В. МУРАШОВА

ЗАЩИЩАЛ СТАЛИНГРАД

Филиппов Ф.К.
(1923—1996)

В семейном альбоме Филипповых бережно хранятся фотографии, газетные статьи, письма фронтовых друзей-однополчан Федора Кононовича Филиппова. Самого его уже три года, как нет в живых, но яркая жизнь ветерана Великой Отечественной и сегодня как на ладони. — вся безраздельно отдана людям.

Федор Кононович Филиппов родился в крестьянской семье в селе Усть-Ижма. Свою первую в жизни награду он получил в 13 лет. За отличное окончание семилетней школы ему вручили революционный подарок — красные ботинки.

Шел 1936 год. Деревня едва поднималась на ноги после гражданской войны. И Федор принял подарок бережно. Все 20 километров от школы до родного села он прошагал босиком. И только перед самой околодцей обулся и гордо прошагал до родительского крыльца.

Осенью он на «отлично» сдал вступительные экзамены в педагогический техникум, что был тогда в селе Мохча, и за все время учебы других отметок, кроме отличных, не получал. Закончил техникум Федор Филиппов в 16 лет, а в 17 уже стал директором школы в д. Ларваныг по Усе. А после начала войны вскоре ушел на фронт. В конце 1941 года закончил Череповецкое военное учи-

лице и был направлен в знаменитую 24-ю Самаро-Ульяновскую трижды Краснознаменную мотострелковую дивизию, в составе которой прошел всю войну.

На оборонительных рубежах у Великих Лук в феврале 1942 года начался фронтовой путь недавнего учителя, а теперь командаира минометного взвода Филиппова. Ему тогда исполнилось 19 лет. А в августе он уже был в окопах Сталинграда, где командовал минометной ротой. В жарких боях за Сталинград был контужен и дважды ранен.

В конце лета 1943 года Федор Филиппов получил свой первый боевой орден — Отечественной войны I степени — за форсирование реки Северный Донец. И был там третий раз ранен, на этот раз — тяжело.

Это случилось так. «Шел бой. Фашисты пытались во что бы то ни стало выбить наши части с захваченного плацдарма. Танковые атаки, массированный артобстрел, непрерывная бомбёжка — ад кромешный. Но минометная рота капитана Филиппова без устали поддерживала пехоту. Били метко. Сам командир корректировал их огонь. Но нащупали фашисты минометчиков. Удалили по ним. «Врешь, не возьмешь, фашист! Это тебе не сорок первый год! Огоны! Огоны! Огоны!» — неслась команды Филиппова сквозь грохот боя. И вдруг резко обожгло грудь, швырнуло на дно траншеи. «Командир убит!» — услышал он, теряя сознание. Но нет, и на этот раз смерть обошла стороной», — так написала в своем сочинении о деде его внучка Анна, ученица ухтинской школы, которая не раз слышала рассказы деда и очень гордится его фронтовой, да и всей трудовой биографией.

А тогда, после ранения, отлежав положенное в госпиталях, Федор Филиппов догнал свою дивизию уже под Днепропетровском. Он участвовал в форсировании Днепра, в боях под Киевом. Дошел до Карпат. Больше месяца здесь гремели жаркие бои. Во время одного из них батальон выбил фашистов с высоты. Три дня немцы пытались отбить эту стратегическую точку. Град мин, ливень снарядов и пулеметов. Как тут удержаться?!

Отстояли высоту. Дали врагам такого жару, что те бежали в панике. Тут же, на высоте, командиру стрелкового батальона вру-

чили орден Красного Знамени, а капитану Филиппову — орден Александра Невского.

А потом он отличился еще раз, уже в Чехословакии. Крепко были минометчики фашистов во взаимодействии с подразделением чехословацкой бригады Людвига Свободы и вовремя поддержали своим огнем шедшую в наступление стрелковую роту. А когда был сражен вражеской пулевой комбат, Федор Филиппов принял командование на себя и повел батальон в атаку. Это был один из последних боев уже после объявления Победы. И за него Федор Филиппов был удостоен ордена Красного Знамени.

Кончилась война, и Федор Филиппов, как и обещал друзьям — однополчанам, поехал было с ними в мирную жизнь, поближе к Черному морю. Да не доехал. С полпути завернул назад, к себе на Север. В дороге этой, на одной из северных станций, он неожиданно встретил свою судьбу — Нину Дмитриевну, бывшую однокурсницу по техникуму. Она и стала его женой.

А Федор Кононович Филиппов после войны работал много и хорошо. Был секретарем райкома, директором школы, интерната, руководил профсоюзом учителей города. И всюду он, человек принципиальный, честный, верный долгу, с открытым сердцем, был всегда на передовой линии. Таким его и помнят люди. Мы помним.

Е. ЛАЗАРЕВ

СМЕЛЫМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Осташов Г.С.
(1922—1996)

Около 45 лет назад на станции Глушь Печорского района вышел из вагона небольшого роста крепыш и бравой походкой зашагал в сторону поселка лесозаготовителей. Первым делом отыскал сельсовет и по-солдатски четко представился: «Осташев Григорий Савельевич. Приехал помочь вам наводить тут порядок, делать из глухи веселый солнечный уголок». «Что ж, милости просим», — дружелюбно улыбнулся председатель сельсовета.

Это был гвардии капитан запаса 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии Г.С. Осташев.

Казалось бы, о войне снято столько фильмов и написано книг, что и добавить нечего. Аи нет. По-прежнему тянет подрастающее поколение к непосредственным участникам боевых событий, особенно к тем, кто умеет донести до слушателей атмосферу фронтовых будней. Григорий Савельевич был одним из таких. И хотя он больше говорил о доблести и геройстве своих однополчан, его неизменно просили рассказать и о себе: за что получил четыре боевых ордена и многие медали?

— За что? — улыбнется, бывало, фронтовик. — Обо всем рассказывать времени не хватит, да и вы устанете слушать.

— Не устанем! Пожалуйста, расскажите, — просили ребята.

И тут уж никуда не денешься. А вспомнить было что. Взять хотя бы Ступинскую высоту, которая являлась своеобразным ключом к городу Великие Луки. Придавая ей огромное значение, гитлеровцы создали здесь прочный оборонительный узел из минных полей, противотанковых сооружений, дзотов и дотов. Не раз пытались наши бойцы взять эту высоту и в лоб, и обходным маневром, но ничего не получалось. И вот в конце ноября 1942 года войска 3-й ударной армии начали разведку боем, а потом двинулись и главные силы. И хотя до этого была проведена мощная артподготовка, враг встретил наши наступающие подразделения ливнем свинцового огня. Атаки то тут, то там начали захлебываться. Тогда по приказу командира 88-го стрелкового полка И.С. Лихобабина бросилась вперед рота автоматчиков, в которой было много бойцов из Коми республики. Для увеличения результативности боя и сокращения потерь составили группы по 7—8 человек. Каждая из них получила задание: незаметно подобраться к врагу и нанести стремительный удар.

Первым это удалось сделать смельчакам из группы Г. Осташева. Они ворвались в траншеи, и Григорий заорал:

— Гитлер капут! Вылезай!

Гитлеровцы, осознав тщетность сопротивления, начали выходить с поднятыми руками. В том памятном бою усть-цилемский паренек, матрос с одного из судов Печорского речного пароходства, проявил чудеса храбрости. Вот как, например, об этом писала дивизионная газета «Вперед»:

«Красноармеец Григорий Осташев — примерный воин. Он только в одном бою уничтожил 12 гитлеровцев, захватил два ручных пулемета, миномет и радиостанцию». А чуть позже этот воин снова стал героем дня. В той же газете «Вперед» говорилось: «Автоматчик Григорий Осташев во время штурма очень важной высоты первым ворвался во вражеский блиндаж и сразил двух немецких пулеметчиков, расстрелял минометный и пулеметный расчеты, гранатой уложил офицера и двух радистов и, когда бой завершился, все оружие убитых доставил в свое подразделение».

Сохранилось письмо командира 88-го стрелкового полка И.С. Лихобабина матери героя — Екатерине Ивановне: «В боях за Советскую Родину с немецко-фашистскими захватчиками ваш

сын красноармеец Г.С. Осташев проявил стойкость, мужество и храбрость, за что награжден высокой правительственной наградой — орденом Красной Звезды. Мы гордимся вашим сыном».

Мне не раз доводилось быть свидетелем того, с каким неподдельным интересом слушали дети этого в полном смысле слова героя минувшей войны, о которой даже в России стали непростительно забывать. Вопросы сыпались, как горох. Например:

— Григорий Савельевич, а бывает страшно на войне?

— Конечно, ребята, бывает, — тут же следовал ответ. -- Но страх надо научиться преодолевать. Смелыми, как известно, не рождаются. А смелого и пуля боится, и штык не берет.

Что верно, то верно. Паренек из Усть-Цильмы с боями дошел до Вены и уцелел. Правда, несколько раз был ранен и контужен. Фронтовой героизм Г. Осташева получил продолжение и в мирные дни в Печорском районе. Почетный ветеран 28-й Невельской дивизии за активное участие в общественной жизни, трудовые показатели в лесопункте был награжден медалями и имеет более ста различных Почетных грамот. Благодаря его личной инициативе и последовательной настойчивости поселок, некогда носящий странное название Глушь, стал именоваться Зеленоборском.

Об одном лишь сожалел все время Г.С. Осташев: несмотря на многочисленные усилия, ему так и не удалось создать комнаты боевой славы ни в Печоре, так хотя бы в Каджеромском леспромхозе. А ведь живых участников ВОВ становится все меньше и меньше. Вот и сам Григорий Савельевич ушел, как говорится, в мир иной. Но образ этого отважного воина, неутомимого активиста-общественника, примерного труженика и семьянина навсегда сохранится в памяти тех, кто его знал.

Т. СЕМЯШКИН

С ПЕРВОГО ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ...

Иванов А.И.
1918—1998 г.г.

Таков фронтовой путь в Отечественную ветерана войны и труда Алексея Игнатьевича Иванова. На этом пути: Литва, Смоленск, Ельня, Старая Русса, Курск, Рогачев, Юхнов, Гомель, Брест, Варшава, Берлин...

Уже в июне сорок первого вторая танковая дивизия Западного фронта, в состав которой несколькими днями раньше до этого был зачислен недавний помощник командира взвода кавалерийского полка Алексей Иванов, участвует в боях на литовской земле.

Горестное и изнурительное отступление под натиском превосходящих сил противника. Жестокие оборонительные бои под Смоленском. В сентябре в боях за освобождение Ельни Алексей Иванов участвует в качестве помощника командира взвода. В бою у одной из переправ лично уничтожает огневую точку противника, за что был награжден медалью «За отвагу».

В октябре—ноябре войсковая часть А.И. Иванова участвует в боях под Москвой, о чем свидетельствует медаль «За оборону Москвы». В наступательных боях в декабре доходит до города Юхнов, находящегося в 210 километрах западнее столицы.

К весне сорок второго часть, где служит Иванов, отводят в подмосковный Красногорск, где формируется штурмовая инженерная бригада резерва главного командования.

Затем снова бои. Под Старой Руссой, на Курской дуге. За участие в боях на Курской дуге Алексей Иванов получает медаль «За боевые заслуги». Вскоре смелого и грамотного воина назначают комсоргом 166 Киевского Краснознаменного танкового полка, присваивают звание младшего лейтенанта. Это уже в сентябре 1944 года.

...Позади освобожденная Белоруссия. Полк участвует в боях за польские города и села. Но уже в марте сорок пятого А.И. Иванова направляют в военную контрразведку. Назначают помощником оперуполномоченного отдела «Смерш» бригады.

За активное участие в штурме Берлина он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За взятие Берлина». Победу встретил в Берлине в звании лейтенанта.

Но после Победы служба оперуполномоченного контрразведки «Смерш» А.И. Иванова продолжалась еще три года. На родную Тамбовщину, откуда он был призван в армию в ноябре 1938 года, вернулся в мае сорок восьмого. Десять лет отдано военной службе.

Что касается боевого крещения, то Алексей Иванов принял его значительно раньше июня 1941 года. Вот как он вспоминал об этом при жизни: «После окончания в сентябре 1939 года полковой школы при 51-м Тираспольском кавалерийском полку был назначен командиром кавалерийского отделения. В этом качестве участвовал в освобождении Западной Белоруссии. С началом военного конфликта с Финляндией наш полк из города Молодечно был переброшен на Север. В прорыве линии Маннергейма, в боях за овладение Выборгом участвовал во главе кавалерийского взвода. В марте сорокового полк вернули на прежнее место — в Молодечно, а через некоторое время перебросили в Литву, где мы и стояли до начала Отечественной...»

После войны Алексей Игнатьевич несколько лет работал на родине, а в 1951-м приехал в Коми. Перевез сюда семью. С образованием совхоза «Печора» до самого выхода на пенсию работает в этом хозяйстве. Не один год — управляющим центральным отделением.

Живя на печорской земле, никогда не порывал с родиной. С выходом на пенсию ежегодно ездил на Тамбовщину, занимался огородничеством, выращивал овощи, другие огородные и садовые культуры.

Т. СЕМЯШКИН

ПОБЕДУ ВСТРЕТИЛ В БОЛГАРИИ

Шулепов П.М.
1920—1998 г.г.

Павел Шулепов, юноша из села Ношуль, что в Прилузском районе, в предвоенном году окончил курсы учителей. Был направлен в Ижемский район, но долго работать не пришлось.

В сентябре сорокового года призвали в армию. Службу начинал в одном из стрелковых полков 707 стрелковой дивизии. В марте сорок первого его направляют в Ярославскую военно-авиационную школу.

С мая сорок второго Павел Шулепов — в действующих частях 3-го Украинского и Западного фронтов. Воюет в составе 233 отдельного артиллерийско-пулеметного батальона, а затем в минометной роте 757 стрелкового полка командиром расчета артиллерийского орудия.

В августе 1943 года, как говорят об этом архивные данные военкомата, был ранен. Несколько месяцев находился в госпиталях на лечении. И снова в боях. Освобождает Одессу, Славянск, Тирасполь... Уже будучи в разведроте 188 стрелковой дивизии, воюет на земле Болгарии. Освобождает города и села. Здесь, в городе Ливен, и застает его долгожданная Победа. Продолжает служить в гвардейском самоходном артиллерийском полку. Возвращается стар-

ший сержант Павел Шулепов на Печору ранней весной 1946 года. За ратный труд он награжден медалью «За боевые заслуги». В год сорокалетия Победы был удостоен ордена Отечественной войны.

В послевоенные годы работал в Песчанском детдоме, потом учителем Песчанской семилетки. Преподавал рисование, черчение, физкультуру. «Был всесторонне развитым человеком и отличным учителем», — таким помнит его ветеран войны М.С. Кучеряных, который работал в те годы директором Песчанской школы.

После закрытия детдома, а затем и школы П.М. Шулепов долгие годы работал заведующим Песчанской фермой совхоза.

— Был заботливым отцом, хорошим хозяйственником и мастером на все руки, — вспоминает о нем младший из сыновей, Валерий Павлович Румянцев, работающий генеральным директором ОАО «Печоранефть».

Т. СЕМЯШКИН

ВОЙНА ДЛИНОЙ В ГОД

Филиппов Г.И.
(1924—1999)

При последней встрече Георгий Филиппов не то с сожалением, не то с удовлетворенностью заметил: призывали долго, а воевать и года не пришлось. Даже инвалидом успел стать.

Весной сорок первого семнадцатилетнего Георгия, только что окончившего Щельяюрское ФЗО, посылают в верховья Усы. Котельщик-судокорпусник начинает работать в затоне Вежкурья, чуть-чуть ниже села Косьявом. Работают, следуя призыву: «Все для фронта, все для Победы». Ветеран вспоминал то трудное время: многих призывали на фронт, работать приходилось по десять и более часов в сутки. С питанием было туговато, болели цингой. Трудились с мыслями: «Быстрее бы на фронт». Но дорога на передовую у юноши из Приижемья оказалась долгой.

В марте сорок второго в числе других речников приходит повестка и Георгию Филиппову. Где пешком, а где в вагонах-теплушках добираются до Печоры. Комиссия категорична: «К службе не годен». Юноша пешком добирается в Усть-Усу. С началом навигации плавает на пароходе «Свирь». Но желание попасть на фронт не покидает. Почти все одногодки бьют врага. Дважды навещает военкомат. У врачебной комиссии один и тот же ответ: «Со здоровьем у тебя не совсем важно... Придется подождать...»

И все же день призыва настал. В конце июля сорок второго он уже в запасном полку под Вологдой. Месяц изучает орудия. А в сентябре в составе роты ПТР попадает под Великие Луки. Калининский фронт. 46-я механизированная бригада, под командование которой передают и прибывшую из-под Вологды роту ПТР, стоит в обороне. Время от времени возникают стычки местного значения.

В декабре батальон, где служит автоматчик Георгий Филиппов, получает приказ освободить от немцев село Зайцево. Об этом бое Георгий Иевлевич вспоминал так: «Первая атака не удалась. Наш танк в первые же минуты был подбит. Мы, автоматчики, вынуждены были лежать на земле, не поднимая головы более двух часов. Немец поливал нас беспрерывным минометно-пулеметным огнем. Дорогую цену пришлось отдать за село. Я же, видно, в рубашке родился: живым и невредимым вышел из боя...

Весна и лето у роты ПТР-овцев проходят в переменных боях, порой в горячих стычках с врагом. Ранение обходит бойца. Не знает он, где подкарауливает его «сюрприз» врага.

В конце сентября сорок третьего механизированную бригаду отводят под Смоленск, как резерв командования. Бойцы располагаются, устанавливают палатки. От взрыва оставшейся от немца мины Георгий Филиппов был тяжело ранен. Более полугода — в госпиталях. Лишается ноги. И только летом сорок четвертого инвалидом приезжает в родные края. Чуть больше года длилась война Г.И. Филиппова.

На разных должностях приходилось работать Г.И. Филиппову в послевоенные годы, пробовать разную работу, в основном по велению и по направлению райкома да горкома партии. Работал в отделе культуры Усть-Усинского района, потом заведующим отделом соцобеспечения района, в районной газете, около шести лет — в райкоме партии. Уже после переезда в Печору (1959 год) долгие годы, до самого выхода на пенсию, трудился в Верхне-Печорском техучастке. Заведовал парткабинетом, был начальником отдела кадров.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бережная Ирина Ивановна.

С 1987 года работает в городской газете «Печорское время». Редактор отдела.

Глущенко Раиса Александровна.

Директор МУП «Издательство «Печорское время». Член Союза журналистов России.

Лазарев Евгений Иннокентьевич.

Работает в редакции газеты «Печорское время». Член Союза журналистов России.

Мурашова Вера Николаевна.

Заместитель редактора газеты «Печорское время». Член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Республики Коми.

Поляков Юрий Капитонович.

Многие годы работал в городской газете «Ленинец». Член Союза журналистов России.

Семяшкин Томас Иосифович.

Собственный корреспондент газеты «Коми му» по Печорскому и Усинскому районам. Член Союза журналистов России. Заслуженный работник народного хозяйства Республики Коми.

Семяшкина Валентина Томасовна.

Редактор газеты «Экологический вестник». Член Союза журналистов России.

Терентьева Елена Игоревна.

Литературный сотрудник газеты «Печорское время».

Фролова Наталья Петровна.

Многие годы работала в газете «Ленинец», редактировала газету «Речник Печоры», была собственным корреспондентом газеты «Северная магистраль». Член Союза журналистов России.

Юрченко Тамара Васильевна.

Редактор отдела городской газеты «Печорское время».

Шарыпов Николай Феодосьевич.

Работает главой администрации Кожвинского поселкового Совета.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Т. Юрченко <i>О наградах не думал, страха не испытывал</i>	5
Т. Семяшкин <i>Там, у Лысой горы</i>	8
Ю. Поляков <i>Автографы войны</i>	11
Т. Семяшкин <i>За бой на подступах к Вене</i>	14
Е. Лазарев <i>Воевал связистом</i>	18
Н. Фролова <i>Просто рядовой</i>	21
И. Бережная <i>Сына шаха брал в плен</i>	24
Н. Шарыпов <i>От Оренбурга до Вены</i>	26
Т. Юрченко <i>Старший матрос Ефимов</i>	29
Е. Лазарев <i>Он прорывал блокаду</i>	33
Ю. Поляков <i>В кругу людей и для людей</i>	35
И. Бережная <i>Зачислен в без вести пропавшие</i>	38
Т. Семяшкин <i>Один из разведвзвода</i>	40
Е. Лазарев <i>От Ижмы до Вены</i>	44
И. Бережная <i>В доме, где резной палисад</i>	48
Т. Юрченко <i>Воевала в Заполярье</i>	50
Т. Юрченко <i>Старшина Ольга</i>	52
В. Мурашова <i>Рейд в снегах</i>	55
Е. Лазарев <i>За каждой наградой — подвиг</i>	58
И. Бережная <i>Был мал, да удал</i>	62
Т. Семяшкин <i>От Биробиджана до Румынии</i>	64
Т. Юрченко <i>«Доживешь до старости...»</i>	68
Т. Семяшкин <i>Спасала и защищала</i>	71
Т. Семяшкин <i>Служил во флоте</i>	74
Т. Семяшкин <i>Эта отважная Адель...</i>	76
Т. Семяшкин <i>Награды за бой, награды за труд</i>	79
Ю. Поляков <i>Одиссея ветерана</i>	83
Е. Лазарев <i>Из боя в бой</i>	87
Т. Юрченко <i>«Дочка, милая, наша будет победа»</i>	89
В. Семяшкина <i>Огненные версты танкиста</i>	92
Т. Семяшкин <i>Два боя и долгая война</i>	96
Т. Семяшкин <i>Четырежды ветеран</i>	100
Т. Семяшкин <i>Война застала в Эстонии</i>	103

И. Бережная «Мать-земля, защити от ада...»	106
Т. Семяшкин <i>Солдат, журналист, наставник</i>	109
Т. Семяшкин <i>С пехотой не расставался</i>	113
Р. Глущенко <i>Нет, не напрасно</i>	116
Е. Лазарев <i>Незабываемое</i>	121
Т. Юрченко «Не везет мне в смерти, повезет в любви...» ..	124
Т. Семяшкин <i>Родом из деревни Трош</i>	127
Ю. Поляков <i>Пограничник</i>	131
Р. Глущенко <i>Возвращение в молодость</i>	134
Ю. Поляков <i>Мужское счастье</i>	137
Ю. Поляков <i>Пять месяцев в осажденном Сталинграде</i>	140
В. Семяшкина <i>Солдат, учитель, наставник</i>	144
Р. Глущенко <i>Трижды рожденный</i>	147
Т. Семяшкин <i>Сапер-десантник</i>	150
Т. Семяшкин «Ленинград мы не сдадим...»	154
Е. Лазарев <i>Испытан на прочность</i>	157
Е. Терентьева <i>Всю войну на передовой</i>	161
Р. Глущенко «Не плакать!»	163
Е. Лазарев <i>На оленевой упряжке</i>	166
Н. Шарыпов <i>В Тунисию завершился поход</i>	169
Т. Семяшкин <i>Кипиево — Берлин:</i> такова дорога войны солдата Степана Чупрова	171
И. Бережная <i>Спустя пять лет после Победы</i>	177
ПОМНИМ	179
Н. Шарыпов <i>Победу встретил в Латвии</i>	181
Н. Шарыпов <i>Воевал на Западе и на Востоке</i>	183
Т. Семяшкин <i>Был десантником</i>	185
Т. Семяшкин <i>Оставил верен краю</i>	187
Т. Семяшкин <i>Гвардии старший сержант</i>	189
Т. Семяшкин «Был надежен во всем...»	190
Т. Семяшкин <i>Гвардии лейтенант</i>	192
Б. Мурашова <i>Защищал Сталинград</i>	193
Е. Лазарев <i>Смелыми не рождаются</i>	196
Т. Семяшкин <i>С первого до последнего дня...</i>	199
Т. Семяшкин <i>Победу встретил в Болгарии</i>	201
Т. Семяшкин <i>Война длиной в год</i>	203
Коротко об авторах	205

ВОЙНОЙ ОПАЛЕННЫЕ

Редактор Томас Семяшkin.

Члены редакционной коллегии
Раиса Глущенко, Евгений Лазарев.

Составитель Томас Семяшkin.

Использованы снимки из семейных архивов ветеранов войны,
их родственников.

Компьютерная верстка Сергея Гаевого.

Набор текста Зинаиды Корнейчук.

Корректор Валентина Попова.

Сдано в набор 10.02.2000. Подписано в печать 20.04.2000.

Формат 70x108 $\frac{1}{32}$. Бумага типографская № 2.
Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 1500. Заказ № 735.

Издательство «Печорское время»
169600, Республика Коми, г. Печора, ул. Островского, 71.
Лицензия КР № 0041 от 20.05.1998 г.

$\beta = 00$

